
ПРОИСХОЖДЕНИЕ ВОЙНЫ

Возникновение войн — это всегда исторический процесс, своими корнями уходящий в близкое или далекое прошлое. Геополитические итоги Первой мировой войны: территориальные изменения в мире, распад некогда могущественных империй, возникновение целого ряда новых государств, перекройка границ, продиктованная Версальским договором и решениями Парижской мирной конференции (в Европе это произошло в первую очередь за счет Австро-Венгрии, Германии и России), привели к изменению соотношения сил между великими державами в пользу англо-французской коалиции, к которой в 1917 г. присоединились США, и в то же время заложили основы еще более глубоких противоречий в международных отношениях. На Дальнем Востоке на имперские позиции твердо встала Япония, отнявшая в итоге Первой мировой войны ряд территорий у Германии и принявшая в конце и после этой войны наиболее активное участие в иностранной интервенции против Советской России на Дальнем Востоке и в Сибири¹. Борьба за региональное и мировое господство, восстановление утраченных территорий и сфер влияния одними державами и защита завоеванных другими во многом определила в последующее двадцатилетие международные отношения в Европе и мире.

Именно в геополитических категориях заявляли о своих целях лидеры стран, развязавших Вторую мировую войну. А. Гитлер еще в 1925 г. провозгласил «поход на Восток», к «необъятным просторам России». Геополитические цели Японии распространялись далеко за пределы Азии². Б. Муссолини в 1939 г. назвал Италию «узницей, томящейся в тюрьме, имя которой Средиземноморье», и призвал двигаться через Судан к Индийскому океану³. Ряд малых стран, в том числе появившихся на политической карте после Первой мировой войны, ориентируясь на великие державы или подчиняясь давлению, подливали масла в огонь, рассчитывая с их помощью не только обеспечить безопасность своих границ, но и преследуя более амбициозные территориальные цели, как это имело место в случае с Польшей, а затем Венгрией, Румынией и Финляндией. Принцип неделимости мира так и не утвердился. Насильственный передел границ и географического пространства, как показала история XX в., неизбежно обострял национальные, этнические, религиозные и другие конфликты, в отдельности или в совокупности ведущие к дестабилизации целых регионов, а нередко и к войнам, связанным с интересами великих держав, их скрытого или прямого вмешательства в дела других государств.

Империализм как система, в недрах которой возникла Первая мировая война, порождал все новые противоречия в экономической сфере. Неравномерность экономического развития и имперские амбиции привели в середине 1930-х гг. к расколу капиталистического мира. В одну из коалиций вошли Германия, Италия и Япония, во вторую — Англия, Франция и США. Военная опасность усилилась, когда в Германии была установлена нацистская диктатура. Англия и Франция предприняли усилия отвести от своих стран угрозу германской

агрессии, столкнуть Германию и Советский Союз (политика умиротворения), что явилось одной из причин неудачи создания в то время антинацистской коалиции с участием СССР (политика коллективной безопасности). Основное внимание Соединенных Штатов было приковано к борьбе с милитаристской Японией за сферы влияния на Азиатско-Тихоокеанском театре. На Дальнем Востоке и в Европе США поддерживали политику Англии и Франции, а в 1933 г. установили дипломатические отношения с СССР. К середине 1930-х гг. гонка вооружений, милитаризация общественной жизни, которыми открыли историю XX в. великие державы, уже приняли беспрецедентные масштабы.

Некоторые исследователи указывают на связь мировых потрясений с цивилизационными противоречиями⁴. Это противостояние западноевропейской и восточнославянской цивилизаций, вековое давление Запада на русское (советское), а ныне российское пространство, неприятие и непонимание различных по своей сути ценностей и образа жизни⁵. С победой Октябрьской революции противоборство западноевропейской и восточнославянской цивилизаций получило социальный импульс. Новая общественно-экономическая формация, подъем культуры, строительство государства на принципах равенства наций и народностей, входивших в состав СССР, привлекали, несмотря на жестокость тоталитарного режима, растущее внимание широких слоев населения зарубежных стран. В достижениях Советского Союза, духовном сплочении его народов, с одной стороны, и лозунгах «мировой революции», с другой, лидеры и просветители западного мира увидели угрозу своему будущему. И если советская идеология, формируясь на основе объединения ценностей цивилизаций «больших и малых» народов, населявших страну, укрепляла свое влияние, то в Германии и ряде других стран общественное развитие приобрело резко выраженные антицивилизационные расистско-нацистские черты, которым традиционная западноевропейская культура оказалась не в силах самостоятельно противостоять. В расистских теориях это преломлялось в характеристиках евреев, славян и некоторых других этнических общностей как «недочеловеков», подлежащих беспощадной эксплуатации или уничтожению. Противоборство цивилизаций обострилось. Возник многосторонний цивилизационный кризис, который также явился одной из глубинных причин Второй мировой войны.

Расстановка сил на международной арене особенно неблагоприятно складывалась для Советского Союза. Если на протяжении своей предыдущей истории Россия была вынуждена вести войны (в большинстве своем оборонительные) против одной или нескольких великих держав, то в межвоенный период впервые возникла реальная угроза их совместного похода против СССР. Страна оказалась в положении осажденной крепости, и важнейшая задача советской внешней политики состояла в том, чтобы разобщить силы могущественных противников, не допустить или максимально отдалить втягивание страны в войну.

«Сдержки и противовесы» для этого имелись. Геополитические, экономические, классовые, собственно военные цели и лозунги нацистской Германии — завоевание силой «жизненного пространства» и установление господства нордической расы, обеспечение немецкой нации материальными привилегиями за счет других наций и государств, борьба против «капиталистической плутократии» и «еврейско-большевистского заговора», реваншистская истерия — в той или иной степени столкнулись с интересами и активным противодействием большинства цивилизованного мира. Это создавало предпосылки для объединения антинацистских сил и предотвращения мировой войны.

Сполохи военного пожара разгорались с начала 1930-х гг.: захват Японией Маньчжурии в 1931 г. и вторжение в Центральный Китай в 1937 г., захват Италией Эфиопии в 1935 г., итало-германская интервенция в Испании в 1936–1939 гг., аншлюс (присоединение) Германией Австрии в марте 1938 г. Под занавес 1938 г., в ночь на 30 сентября, главами правительств Великобритании (Н. Чемберлен), Германии (А. Гитлер), Италии (Б. Муссолини) и Франции (Э. Даладье) в Мюнхене было заключено соглашение, которое предусматривало расчленение Чехословакии.

Европейский узел противоречий

Мюнхенское соглашение стран «старой демократии» с алчущими мирового господства фашистскими государствами явилось тем событием, которое в итоге и привело ко Второй мировой войне и нападению Германии на СССР. Соглашение предписывало Чехословакии в десятидневный срок передать Германии около пятой части своей территории. Чехословакия теряла четверть населения, около половины тяжелой промышленности, мощные укрепления на границе с Германией, новая линия которой теперь фактически упиралась в предместья Праги. Отрицательное отношение к этим требованиям правительства Чехословакии во внимание не принималось. Ее представителей даже не пригласили в зал заседаний. Лига Наций бездействовала. Знаковым явилось совместное принуждение Чехословакии силами агрессивных диктаторских режимов Германии и Италии и западных демократий. В обмен Германия подписала с Англией (30 сентября) и Францией (6 декабря) декларации, которые, по сути, являлись пактами о ненападении.

Мюнхенская сделка готовилась длительное время и в одночасье разрушила с таким трудом созданный каркас системы коллективной безопасности в Европе, основу которой составили советско-французский и советско-чехословацкий договоры о взаимопомощи (1935). Предпринятые Советским Союзом действия в поддержку Чехословакии (сосредоточение войск на западных границах, дипломатические демарши) успеха не имели. Вместе с тем есть основания полагать, что советское руководство исключало принятие крайних военных мер без участия Франции и обращения за помощью самой Чехословакии — она капитулировала в условиях диктата. Оценивая эти события, виднейший британский историк Б. Г. Лидделл Гарт сделал следующий вывод: «Предложение русских (об оказании помощи Чехословакии. — *Прим. ред.*) было игнорировано. Более того, Россию демонстративно лишили участия в Мюнхенском совещании, на котором решалась судьба Чехословакии. Это «пренебрежение» год спустя имело фатальные последствия»⁶.

Англия и Франция с одной стороны и Германия и Италия с другой преследовали Мюнхенским соглашением неоднозначные цели. Для Германии это был промежуточный маневр к захвату всей Чехословакии и движение к «просторам России». Италия обретала уверенность в осуществлении при поддержке Германии своих колониальных планов. Англия и Франция рассчитывали ценой территориальных уступок в Европе умиротворить нацистскую Германию, ослабить заряд ее агрессивной политики, нацеленной на западные демократии, и направить его против СССР. В последнем цели подписантов Мюнхенского соглашения совпадали. Это была дорога в бездну.

В 1939 г. события в Европе приобрели еще более угрожающий характер. 15 марта германские войска в нарушение Мюнхенского соглашения вступили в Прагу. За день до этого по указке из Берлина была провозглашена «независимость» Словакии. Соучастниками раздела Чехословакии стали Венгрия и Польша. Польша оккупировала Тешинскую Силезию, Венгрия — Закарпатскую Украину. Чехословакия как государство перестала существовать. 22 марта Германия ввела войска в Клайпеду (Мемель), ранее немецкий город и порт, переданный Лигой Наций в 1923 г. Литве. 7 апреля Италия оккупировала Албанию. Двамя месяцами раньше Германия «в услугу за услугу» потребовала от Польши вернуть город и порт Данциг (ныне Гданьск), который до «приговора в Версале» также являлся германской территорией, и предъявила Польше другие требования. В действительности Данциг был очередным звеном в агрессивных планах Германии, поводом для нападения на Польшу, захват которой выводил вермахт к границам СССР. Выступая на совещании с командованием вермахта 23 мая 1939 г., А. Гитлер говорил: «Данциг отнюдь не объект, из-за которого все предпринимается. Для нас речь идет о расширении жизненного пространства на Востоке»⁷.

11 марта Англия, а затем Франция объявили о гарантиях независимости Польше. 11 апреля А. Гитлер утвердил план «Вайс» — план войны с Польшей. Был установлен срок

Высшее командование Германии и Италии во время мюнхенского сговора. 1938 г.

Немецкие войска входят в оккупированную Чехословакию. 1939 г.

готовности к войне — 1 сентября 1939 г.⁸ Так впервые в немецких документах появилась дата начала одной из величайших трагедий в истории человечества.

К этому времени была достигнута предварительная договоренность о заключении военного союза между Германией, Италией и Японией. Дальнейшие события в Азии не заставили себя ждать. Японские милитаристы, несмотря на неудачу своей военной провокации у озера Хасан, развернули в мае 1939 г. войну против дружественной Советскому Союзу Монгольской Народной Республики. Боевые действия группы советско-монгольских войск, которыми командовал комкор Г. К. Жуков, завершились в сентябре разгромом японской 6-й армии⁹. Но очевидной стала реальная военная угроза нашей стране как на Западе, так и на Востоке.

Период марта — августа 1939 г. — это маневры потенциально и реально противостоящих сил, направленные на поиски союзников и разобщение противников. Ведущие европейские страны, а также Япония вели многосторонние и двусторонние переговоры между собой самостоятельно или в составе коалиций. Советский Союз вначале более активно вел переговоры с Англией и Францией, затем с Германией. Их результаты определили расстановку сил к началу Второй мировой войны¹⁰.

С развитием международного политического кризиса, который последовал за заключением Мюнхенского соглашения, захватом Германией Чехословакии и нападением Японии на союзную СССР Монгольскую Народную Республику, определились два основных вектора советской внешней политики: превентивный, имевший целью предотвратить нападение Германии и ее союзников на СССР, и коалиционный, направленный на создание коалиции государств и народов для борьбы с агрессорами. Одна из особенностей создавшегося положения состояла в том, что каждая из империалистических группировок стремилась вовлечь СССР в надвигающуюся войну, подставить его под удар, прикрываясь готовностью к переговорам. Первый демонстрационный шаг предприняла Германия. На новогоднем приеме в наступившем 1939 г. А. Гитлер проявил неожиданное внимание к советскому полпреду А. Ф. Меркалову. Как сенсация было расценено первое за всю историю появление в марте в советском посольстве в Лондоне премьер-министра Н. Чемберлена. Французский премьер Э. Даладье провел несколько встреч с советским послом Я. З. Сурицем.

СССР, естественно, был заинтересован в заключении политического и военного союза с западными демократиями и вступил с ними в апреле 1939 г. в политические переговоры. Инициативу проявила Великобритания, которая, как и Франция, после захвата Германией Чехословакии пока еще смутно, но опасалась, что нацистская Германия может изменить планы и следующий удар направить не на Восток, а на Запад. Начались англо-франко-советские (московские) переговоры, важнейшей частью которых явились военные переговоры (12–22 августа 1939 г.). Как показали последующие события, это была последняя возможность предотвратить Вторую мировую войну. Британскую делегацию возглавлял адъютант короля адмирал Р. Дракс, французскую — член военного совета генерал Ж. Думенк, советскую — нарком обороны маршал К. Е. Ворошилов. В хранящейся в архиве МИД РФ инструкции советской делегации, записанной маршалом предположительно под диктовку И. В. Сталина, предписывалось вести переговоры в целях заключения военной конвенции, но при условии практического согласования конкретных и действенных мер, направленных на обеспечение взаимной безопасности в случае германской агрессии. Принципиальным в инструкции был вопрос о пропуске Красной армии через территорию Польши и Румынии, иначе «оборона против агрессии в любом ее варианте обречена на провал» — германские армии беспрепятственно могли выйти к советским границам.

Московским переговорам посвящена обширная литература. Выделим следующее: в Москве было известно, что в ближайшие дни Германия начнет войну с Польшей и намеревается разгромить ее в течение двух недель. Разведка также сообщала, что Н. Чемберлен выступает противником какого-либо обязывающего договора с СССР. Было известно и то, что в Великобритании активизируются влиятельные антинацистские силы в лице У. Черчилля и его окружения. Советская дипломатия также рассчитывала на косвенную поддержку своей позиции президентом США Ф. Рузвельтом, который не всегда последовательно,

но выступал с осуждением действий агрессоров. Он выступил за принятие СССР в Лигу Наций, положительно оценил советскую политику в период Гражданской войны в Испании и высказался за помощь нашей стране в случае нападения Германии. Но У. Черчилль еще был вне правительства, а политика США на европейском направлении после «присоединения» гитлеровцами Австрии и захвата Чехословакии только прояснялась.

Московские переговоры пока были безрезультатными. Тем временем вновь инициативу проявила Германия, с которой СССР вслед за Англией также вступил в переговоры. В результате приобрела реальные очертания возможность заключения с Германией Пакта о ненападении, ограничивающего продвижение вермахта на восток.

Переговоры с англичанами и французами формально зашли в тупик из-за отказа Польши пропустить советские войска через свою территорию навстречу германским армиям в случае агрессии. Рассекреченные французские документы фиксируют ход переговоров день за днем. 17 августа глава французской военной миссии генерал Ж. Думенк сообщил из Москвы в Париж: «Не подлежит сомнению, что СССР желает заключить военный пакт и не хочет, чтобы мы превращали этот пакт в пустую бумажку, не имеющую конкретного значения». 20 августа он информировал свое руководство: «Провал переговоров неизбежен, если Польша не изменит позиции»¹¹. В тот же день министр иностранных дел Польши Ю. Бек, передоверившись британским гарантиям, телеграфировал своему послу во Франции Ю. Лукасевичу: «Польшу с Советским Союзом не связывают никакие военные договоры, и польское правительство такого договора заключать не собирается»¹². В своей новой книге «За закрытыми дверями» британский автор Л. Риз, изучавший документы о московских переговорах, заключил, что делегация во главе с Р. Драксом следовала «самоубийственной тактике» — вообще не отвечать на вопросы, касающиеся Польши. «Когда советский маршал Ворошилов 14 августа напрямую поставил вопрос о допуске Красной армии на территорию Польши для борьбы с нацистами, делегация союзников оставила вопрос без ответа»¹³. Одной из неиспользованных советской делегацией инициатив могло быть, на наш взгляд, приглашение в Москву полномочного представителя Польши для участия в решении вопроса о пропуске советских войск через ее территории в случае нападения Германии.

Развязка приближалась. Вечером 21 августа Ж. Думенк получил в Москве следующую телеграмму: «По распоряжению председателя Совета министров генерал Ж. Думенк уполномочивается подписать в общих интересах и с согласия посла военную конвенцию. Гамелен»¹⁴. Германская агрессия на Западе в первую очередь угрожала Франции. 22 августа Ж. Думенк сообщил о телеграмме М. Гамелена К. Е. Ворошилову. Но Лондон хранил молчание. Газеты сообщали, что Н. Чемберлен ловил рыбу, а Э. Галифакс охотился на уток. Позднее из британских источников стало известно, что на 23 августа готовился прилет Г. Геринга в Великобританию для встречи с Н. Чемберленом и «урегулирования разногласий» на англо-германских переговорах¹⁵. Тайну подготовки переговоров хранят британские архивы.

Американские историки А. Рид и Д. Фишер пишут о драматических событиях на тройственных переговорах в августе 1939 г.: «Англия и Франция в последнюю минуту могли одуматься, Польша — понять реальности, а германское предложение — рухнуть. Сталин оставлял обе двери открытыми. Однако постепенно приоритеты изменились в пользу Германии, союзникам была отведена вторая позиция»¹⁶.

Как и в Первой мировой войне, все решилось в последний час. Получив от И. В. Сталина согласие на подписание договора о ненападении, А. Гитлер направил в указанный ему срок (23 августа) министра иностранных дел Германии в Москву. В ночь на 24 августа в Кремле договор (пакт Молотова — Риббентропа) был подписан. Это вынужденное политическое решение на какое-то время обезопасило страну от войны с Германией, с ее реальными и потенциальными союзниками. Германия при нападении на Польшу избавлялась от угрозы войны на два фронта и рассчитывала на нейтралитет Англии и Франции, но в последнем просчиталась. 3 сентября 1939 г. Англия и Франция объявили Германии войну.

Секретный протокол и последующие договоренности с Германией предусматривали раздел сфер интересов между Германией и СССР и являлись важной составной частью подпи-

санных документов. К сфере интересов СССР были отнесены Финляндия, Эстония, Латвия, Литва, восточная часть Польши (Западная Белоруссия и Западная Украина), Бессарабия и Северная Буковина. Все это были государства или территории (за исключением Северной Буковины)¹⁷, входившие в состав России, отторгнутые у нее после Первой мировой войны решениями в Версале или путем прямых аннексий. Граница сферы советских интересов неформально признавалась Германией максимальным рубежом продвижения своих войск на восток. Отметим, что секретные протоколы к договорам — обычная практика того времени.

Оценивая преимущества и издержки для нашей страны советско-германских договоренностей о разделе сфер интересов, необходимо иметь в виду следующее. Есть такое понятие в военной науке — геостратегическое пространство. В 1939–1940 гг. советское геостратегическое пространство, выдвинутое до 350 км на запад, обеспечивало возможности для более надежной обороны страны. В иных условиях немецко-финские войска начинали наступление, находясь в 32 км от Ленинграда, немецкие — в 35 км от Минска, немецко-румынские — в 45 км от Одессы. Ход войны показал, насколько важными оказались эти километры, чтобы выстоять в тяжелейшем 1941 г., особенно для обороны Ленинграда и Москвы.

Разнонаправленное, но немаловажное значение для каждой из сторон имело достигнутое соглашение по экономическим вопросам. Третий рейх остро нуждался в сырье, Советский Союз — в современной технике и технологиях¹⁸.

У. Черчилль писал по поводу советско-германского договора о ненападении: «Невозможно сказать, кому он внушал большее отвращение — Гитлеру или Сталину. Оба сознавали, что это могло быть только временной мерой, продиктованной обстоятельствами. Антагонизм между двумя империями и системами был смертельным... Тот факт, что такое соглашение оказалось возможным, знаменует всю глубину провала английской и французской политики и дипломатии за несколько лет. В пользу Советов нужно сказать, что Советскому Союзу было жизненно необходимо отодвинуть как можно дальше на запад исходные позиции германских армий»¹⁹. Некоторые российские историки, заимствуя распространяемую на Западе негативную трактовку договора, нередко «переписывают» свои собственные оценки. Так, профессор В. И. Дашичев в своем труде «Банкротство стратегии германского фашизма», изданном в 1973 г., пришел к выводу, что советско-германский договор о ненападении «расстроил расчеты империалистов и позволил выиграть время для укрепления обороны страны». В переработанном и дополненном издании 2005 г. договору дается альтернативная оценка: «Как Мюнхен не обезопасил Англию и Францию от гитлеровской агрессии, так и советско-германский Пакт о ненападении имел для Советского Союза пагубные последствия. Это обернулось для него тяжелейшим поражением 1941 г.». Автор также утверждает, что «крупной ошибкой Сталина было и то, что после разгрома Франции он не пошел в 1940–1941 гг. на поиски союза с Англией... Черчилль оказался намного умнее»²⁰. Эти утверждения также не соответствуют действительности.

Наступление немецких войск в Польше стремительно развивалось на восток. Располагая многократным превосходством над польской армией, особенно в танках и авиации, передовые части вермахта на восьмой день достигли пригородов Варшавы.

В то же время на западном фронте, в тылу Германии, происходили труднообъяснимые события, получившие название «странная война». Армии Англии и Франции, имевшие превосходство над противником, фактически бездействовали. Англо-французские обязательства и заверения Польше перейти в решительное наступление на девятый, затем на пятнадцатый день войны (что подсказывал и здравый смысл) не выполнялись. К середине сентября основные силы польских войск, несмотря на упорное сопротивление, были разгромлены. 17 сентября, когда Варшава еще оборонялась, правительство Польши покинуло пределы страны. В тот же день на территорию Западной Украины и Западной Белоруссии вступили части Красной армии.

Официальные и неофициальные осуждения в Польше этого решения советского правительства, в том числе в резолюции сейма 23 сентября 2009 г. «в связи с 70-летием нападения СССР на Польшу», тенденциозны и находятся вне контекста сложившейся военной

обстановки: наступающие германские армии приближались к границам СССР. Немецкое командование нарушило согласованный рубеж предельного продвижения вермахта на восток и отвело за этот рубеж (демаркационную линию) свои войска только после категорического требования советского правительства. По свидетельству генерала вермахта Н. Формана, демарш Москвы помешал осуществлению задуманного плана выхода немецких войск непосредственно к границам СССР²¹. Начальник генерального штаба сухопутных войск Германии генерал Ф. Гальдер назвал день 20 сентября 1939 г., когда в Берлине приняли решение об отводе немецких войск на согласованный рубеж, «днем позора немецкого политического руководства»²².

Большинство населения Западной Украины и Западной Белоруссии встречали Красную армию как освободительницу. В ноябре 1939 г. Западная Украина воссоединилась с Украинской ССР, Западная Белоруссия — с Белорусской ССР. Вильнюс с прилегающей областью, захваченные в 1920 г. Польшей, возвратили Литве. Границу СССР установили примерно по так называемой «линии Керзона», рекомендованной в 1919 г. Верховным советом Антанты в качестве восточной границы Польши. Некоторые историки, считая необоснованным осуждение секретного протокола к советско-германскому договору о ненападении II Съездом народных депутатов СССР в 1989 г., отмечают, что согласно международному праву протокол не может объявляться «недействительным с момента его подписания» и составлен так, что «формально не нарушал принятой на то время практики международно-правовых документов»²³.

Первоочередная задача советской политики в тот период заключалась в том, чтобы не допустить одновременного выступления против СССР Германии и Японии, обезопасить свои границы на западе и на Дальнем Востоке. Ввод войск на территорию Западной Белоруссии, Западной Украины и Прибалтики осенью 1939 г. и в июне 1940 г. на территорию Бессарабии (аннексированную Румынией в 1918 г.) и Северной Буковины был осуществлен при отсутствии организованного вооруженного сопротивления. Но обезопасить путем договоренности границу на северо-западе не удалось, что привело к кратковременной и кровопролитной войне с Финляндией. Новая граница была установлена мирным договором 1940 г. на удалении до 150 км от Ленинграда.

Следует отвести как несостоятельную версию некоторых финских и отдельных отечественных историков о советских планах оккупации Финляндии, ликвидации ее независимости и включения в состав СССР. Так, в одном из трудов, посвященных 70-летию начала Второй мировой войны, сообщается (без указания источника), что «в приказе самого первого дня войны было четко сформулировано, когда взять Выборг, когда водрузить красный флаг над финским парламентом и когда выйти к шведской границе», утверждает, что «Советский Союз обеспечил себе свободу рук по захвату Финляндии»²⁴. Эта версия опровергается заявлениями советского правительства в период «зимней войны», самим ходом ее событий. Стоит напомнить, что мир был подписан на советских условиях. В совместном труде историков России и Финляндии, изданном в обеих странах, отмечается, что «Советский Союз достиг своих стратегических целей в войне с Финляндией»²⁵. И это неоспоримый факт.

Большим успехом советской политики явилось заключение 13 апреля 1941 г. пакта о нейтралитете с Японией. Заслуга нашей дипломатии состояла в том, что она в ходе переговоров сумела использовать в интересах безопасности страны как результаты поражения японских войск на р. Халхин-Гол, так и японо-американские противоречия, которые в тот период оказались сильнее. В дальнейшем это позволило Советскому Союзу избежать войны на два фронта²⁶.

В Москве ясно понимали, что, несмотря на достигнутые договоренности, нападение Германии остается опаснейшей угрозой для страны, и стремились, далеко не всегда лучшими решениями и заявлениями, выиграть больше времени для укрепления обороны.

Менее освещается советская политика, направленная на создание коалиции государств и народов для борьбы с агрессорами. Переговоры с Англией возобновились через неделю после подписания 28 сентября 1939 г. советско-германского договора о дружбе и границе. 1 октября 1939 г. У. Черчилль, в то время первый лорд адмиралтейства (военно-морской

министр), выступая по радио, сделал важное заявление: «То, что русские армии должны были находиться на этой линии, было совершенно необходимо для безопасности России. Во всяком случае, позиции заняты и создан восточный фронт, на который Германия не осмеливается напасть». 6 октября он пригласил советского посла И. М. Майского и в ответ на его вопрос: «Что Вы думаете о мирных предложениях Гитлера?», сказал: «Некоторые из моих консервативных друзей рекомендуют мир. Они боятся, что в ходе войны Германия станет большевистской. Но я стою за войну до конца. Гитлер должен быть уничтожен. Нацизм должен быть сокрушен раз и навсегда». Далее разъяснялась позиция британского правительства: «1) Основные интересы Англии и СССР нигде не сталкиваются; 2) СССР должен быть хозяином на восточном берегу Балтийского моря, и он очень рад, что Балтийские страны включаются в нашу (советскую), а не в германскую государственную систему; 3) необходимо совместными усилиями закрыть немцам доступ в Черное море; 4) британское правительство желает, чтобы нейтралитет СССР был дружественным по отношению к Великобритании»²⁷. Так возобновились англо-советские переговоры, в ходе которых Англия стремилась «навести мосты», а СССР — не сжигать их.

21 февраля 1940 г. нарком иностранных дел В. М. Молотов направил указание И. М. Майскому (оно «адресовано» и современным фальсификаторам истории. — *Прим. ред.*) следующим образом разъяснить английскому правительству политику СССР в отношении Германии: «Первое. Мы считаем смешным и оскорбительным для нас не только утверждение, но даже просто предположение, что СССР будто бы вступил в военный союз с Германией. Второе. Хозяйственный договор с Германией есть лишь договор о товарообороте, по которому вывоз из СССР в Германию достигает всего 500 млн марок, причем договор экономически выгоден СССР, так как СССР получает от Германии большое количество станков и оборудования, равно как изрядное количество вооружения, в продаже чего нам неизменно отказывали как в Англии, так и во Франции. Третье. Как был СССР нейтральным, так он и остается нейтральным, если, конечно, Англия и Франция не нападут на СССР и не заставят взяться за оружие. Упорно распространяемые слухи о военном союзе СССР с Германией подогреваются не только некоторыми элементами в самой Германии, чтобы запутать Англию и Францию, но и некоторыми агентами самой Англии и Франции, желающими использовать воображаемый «переход СССР в лагерь Германии» для своих особых целей в области внутренней политики»²⁸.

Быстротечное поражение в июне 1940 г. англо-французской коалиции (Франция капитулировала через 44 дня после начала немецкого наступления на западном фронте) явилось для советского руководства фактором стратегической внезапности, развеяло прогнозы о вероятности затяжной войны на Западе, резко изменило соотношение сил на Европейском континенте в пользу агрессоров. Угроза надвигавшейся войны с Германией возросла. Под пятой вермахта вместе с Францией оказались Норвегия, Дания, Бельгия, Голландия, Люксембург. Английский экспедиционный корпус, оставив вооружение, при поддержке своего флота едва успел переправиться через Ла-Манш и укрыться на Британских островах.

Правительство У. Черчилля (10 мая он стал премьер-министром) отклонило германские предложения о мирных переговорах, за которыми последовал «блиц» — немецкое воздушное наступление на Великобританию с целью «выбомбить» ее из войны. Но в «битве за Британию» немецкая авиация встретила решительный отпор сил противовоздушной обороны и в результате больших потерь, стойкости и мужества, проявленных населением страны, не достигла поставленной цели.

Под воздействием сложившейся обстановки настроения в Великобритании стали заметно меняться в пользу СССР как потенциального союзника. И. М. Майский сообщал в Москву 19 июня 1940 г.: «Вчера в конце дебатов по выступлению Черчилля в парламенте произошла следующая демонстрация: лейборист Джон Морган произнес небольшую речь, в которой он приветствовал назначение Криппса послом в Москву и призвал палату отметить прибытие Криппса «в эту великую страну и пожелать ему успеха в его работе». Со всех сторон (не только от лейбористской, но и с консервативной) раздались шумные одобрения, и все

обернулись лицом к дипломатической галерее, в которой я сидел в числе других послов. Черчилль полуприподнялся со скамьи правительства и также обернулся в мою сторону, сделал дружественный жест по моему адресу рукой. Примеру Черчилля последовал ряд других министров, сидевших рядом»²⁹.

Новый британский посол С. Криппс добился 1 июля 1940 г. встречи с И. В. Сталиным и вручил ему послание У. Черчилля от 24 июня, в котором говорилось, что Германия угрожает Великобритании, а также Советскому Союзу, и высказывалось пожелание о восстановлении «обеими нашими странами» их прежних связей³⁰. По итогам беседы, которая длилась около трех часов, С. Криппс, сообщая, что она проходила «в дружеской, предельно открытой атмосфере», сделал вывод, что «русско-германское сотрудничество будет продолжаться», и выделил согласие И. В. Сталина на британское содействие в нормализации отношений с Турцией и решении проблемы Черноморских проливов³¹. Послание У. Черчилля придало еще большую активность британской политике на советском направлении. Угроза вторжения на Британские острова, «битва за Англию», возрастающее итало-немецкое давление на Балканах усилили стремление Великобритании добиться сближения с СССР и если не разрыва, то ослабления советско-германских отношений, начиная с торговли, которую, впрочем, оценивали в Форин-офисе как неудовлетворяющую запросы Германии. В Москве понимали всю сложность дипломатической обстановки и, чтобы избежать обострения отношений с Германией, 13 июля информировали немецкого посла В. Шуленбурга о содержании переговоров между С. Криппсом и И. В. Сталиным. 17 июля о них было объявлено в Лондоне.

22 октября С. Криппс от имени У. Черчилля предложил подписать между Великобританией и СССР секретное соглашение, которое сближало политику двух стран, предусматривало признание де-факто «власти Советского Союза в Эстонии, Латвии, Литве, Бессарабии, Северной Буковине и тех частях Польского государства, которые теперь находятся под советским главенством»³². Советской дипломатии приходилось уклоняться от «кардинальных» предложений английского правительства и в то же время не допускать ухудшения отношений с Великобританией как потенциальным союзником. Несмотря на изменившееся в Европе соотношение сил в пользу Германии, британские предложения в то время были неприемлемы. В Москве рассчитывали удержать Германию от войны против СССР, надеялись, что она еще будет соблюдать Пакт о ненападении.

12–14 ноября 1940 г. председатель Совета народных комиссаров и нарком иностранных дел СССР В. М. Молотов посетил Берлин, вел переговоры с А. Гитлером, Г. Герингом и И. фон Риббентропом. Как показали последующие события, с советской стороны это была последняя попытка в личных беседах с нацистскими лидерами как-то нормализовать положение в рамках советско-германского договора о ненападении, разузнать действительные намерения Германии, Италии и Японии. В ходе переговоров немецкая сторона предложила Советскому Союзу «присоединиться» к разделу Британской империи и двинуться на юг «в направлении Персидского залива и Аравийского моря»³³. Переговоры не ослабили растущей напряженности в отношениях двух стран. В то же время, по мнению советской стороны, политические возможности сдерживания германской агрессии еще не были исчерпаны.

По итогам переговоров 25 ноября В. М. Молотов сообщил германскому послу в Москве В. Шуленбургу, что СССР «согласен в основном принять проект пакта четырех держав (СССР, Германии, Италии и Японии. — *Прим. ред.*) об их политическом сотрудничестве и экономической взаимопомощи», но при условии, «если германские войска будут теперь же выведены из Финляндии», а также при заключении пакта о взаимопомощи между СССР и Болгарией и других условиях, необходимых для обеспечения безопасности СССР³⁴. Формально этот документ, лично врученный послу Германии в Москве В. Шуленбургу, остался без ответа, но в первые месяцы 1941 г. последовал ряд договоренностей с Германией и заявлений, которые, казалось, указывали на то, что до войны дело не дойдет, по крайней мере в ближайшее время. Выделим среди них заключение с Германией хозяйственного соглашения, подписание секретного протокола о продаже Советскому Союзу за 7 млн долларов участка территории в районе Сувалок, расширение советских поставок зерна в Германию.

Судетская женщина, неспособная скрывать свои эмоции, покорно приветствует гитлеровские войска. 1939 г.

Сотрудники Лувра готовят к эвакуации экспонаты после вторжения немецких войск в Судетскую область. 1939 г.

Продолжались и англо-советские переговоры. 24 февраля 1941 г. в ответ на инициативу министра иностранных дел А. Идена приехать в Москву для встречи с И. В. Сталиным в целях улучшения англо-советских отношений заместитель наркома иностранных дел А. Я. Вышинский сообщил С. Криппсу, что «сейчас еще не настало время для решения больших вопросов»³⁵. Вспоминая об усилиях немецкой разведки по выяснению содержания переговоров между Лондоном и Москвой, В. М. Молотов в беседе с писателем И. Ф. Стаднюком так охарактеризовал действия советского руководства: «Мы, несмотря на наш договор о ненападении с Германией, не делали никаких заверений о нашем желании соблюдать нейтралитет, если она начнет агрессию против Англии... А разговоры велись те, что нам было надо»³⁶.

3 апреля У. Черчилль направил И. В. Сталину послание, в котором сообщил о растущей угрозе нападения Германии на СССР³⁷. Послание У. Черчилля, которое подтверждало сведения советской разведки о сосредоточении немецких войск у наших границ, могло послужить поводом для письма И. В. Сталина, направленного, по некоторым данным, А. Гитлеру с запросом о причинах создавшегося положения и целях этого сосредоточения войск вермахта. Советский руководитель сообщил фюреру о том, что у него сложилось впечатление о подготовке Германии к нападению на СССР. В ответ А. Гитлер прислал «доверительное письмо», в котором говорилось, что «в Польше действительно сосредоточены крупные военные соединения, но что он, будучи уверен, что это не пойдет дальше Сталина, должен разъяснить, что сосредоточение его войск в Польше не направлено против Советского Союза, так как он намерен строго соблюдать заключенный пакт, в чем ручается своей честью главы государства»³⁸.

Вскоре последовал импульс недоверия и к английской политике в связи с неожиданным прилетом в Англию 10 мая Р. Гесса — заместителя А. Гитлера по партийному руководству, о чем подробнее будет сказано в заключительной части главы.

Особое значение советское руководство придавало отношениям с Соединенными Штатами Америки как с потенциальным союзником. Точкой отсчета можно считать письмо И. В. Сталина, направленное в ноябре 1939 г. президенту Ф. Рузвельту, переданное полпредом СССР в США К. А. Уманским через государственного секретаря К. Хэлла, в котором выражалась надежда, что «общими усилиями может быть восстановлен мир»³⁹. Направляя это послание, И. В. Сталин, без сомнения, имел в виду беседу Ф. Рузвельта с К. А. Уманским 30 июня 1939 г., которая свидетельствовала о понимании президентом США нарастающей угрозы войны в Европе и на Дальнем Востоке, его стремлениях объединить усилия неагрессивных стран, включая СССР, для борьбы с агрессорами. К. А. Уманский, в частности, сообщал В. М. Молотову: «Заявление, подробности которого доложу лично, в основном следующее: положение в Европе крайне опасное, сроки новой агрессии исчисляются неделями. Дальнейшая безнаказанная агрессия грозит экономическим, затем политическим закабалением всей нефашистской Европы. С закабалением прибалтов едва ли примирится СССР, с закабалением Англии и Франции не могут примириться США. Он (президент США. — *Прим. ред.*) делает все в пределах возможного при данном составе конгресса, чтобы содействовать созданию демократического фронта, и готовит помощь жертвам агрессии. Он понимает причины нашего недоверия к нынешним правительствам Англии и Франции, сам не верит французам, особенно Бонне, но на основании сказанного ему в интимной беседе английским королем считает, что пути к дальнейшему «умиротворению» для Англии отрезаны. Шансы на то, что Польша будет драться за Данциг, по мнению Рузвельта, «два к одному» в пользу сопротивления. У англо-французов не может быть никаких сомнений в заинтересованности его, Рузвельта, в благоприятном завершении московских переговоров... Он придает большое значение советско-американским отношениям в нынешней обстановке, считая, что для их развития следовало бы, «во-первых, снять раз и навсегда вопрос о долгах, во-вторых, давать доказательство американскому общественному мнению, что СССР идет по пути демократизации и тем духовно приближается к США»⁴⁰. Война СССР с Финляндией обострила советско-американские отношения. США объявили «моральное эмбарго» — фактический запрет торговли с СССР, оказывали помощь Финляндии, активно поддерживали ее в между-

народных делах. Однако дипломатические отношения США и СССР в этот период не были однозначно негативными.

В дневнике В. М. Молотова содержится следующая запись его беседы с послом США в Москве Л. Штейнгардтом 1 февраля 1940 г., который, задав вопрос о перспективах урегулирования советско-финского конфликта, продолжал: «После революции Рузвельт — единственный президент, являющийся другом Советов: Вильсон, Гардинг, Кулидж, Гувер не были друзьями СССР и не хотели его признавать. Вопреки общественному мнению Рузвельт пошел на признание. За последнее время многие обращались к нему с требованиями порвать отношения с СССР, но он на это не пошел». В ответ на вопрос Л. Штейнгардта об угрозе независимости Финляндии В. М. Молотов ответил, что он не хочет представить дело так, будто советское руководство опасалось нападения одной Финляндии, но «при разворачивании европейской войны враждебная к СССР Финляндия могла бы стать опасным очагом войны». Он подчеркнул, что «в отношении независимости Финляндии у СССР не было и нет никаких претензий»⁴¹. В ходе этой беседы было названо имя Ю. Паасикиви как при определенных условиях приемлемого для СССР будущего премьер-министра Финляндии, что, в свою очередь, косвенно указывало на готовность прекращения деятельности сформированного в Москве «народного правительства» О. Куусинена, не получившего поддержки финской общественности. Это может свидетельствовать также о том, что советское руководство рассматривало США как реального и обладающего необходимым влиянием сторонника переговоров о прекращении войны⁴².

Заключение мира с Финляндией, поражение Франции и англо-французской коалиции, изменившее соотношение сил на Европейском континенте в пользу Германии, обострение американско-японских противоречий способствовали развитию позитивной тенденции в советско-американских отношениях. В апреле 1940 г. начались регулярные встречи, по существу, переговоры между США и СССР, которые с американской стороны преимущественно вел заместитель государственного секретаря США С. Уэллес, а с советской стороны — К. А. Уманский. В Москве возникавшие вопросы обсуждали в основном В. М. Молотов и Л. Штейнгардт. Камнем преткновения стала прибалтийская проблема. В Эстонии, Латвии и Литве под давлением Москвы к власти пришли промосковские правительства. В августе 1940 г. по итогам проведенных выборов эти республики вошли в состав СССР. На их территории был создан Прибалтийский особый военный округ. В отличие от Великобритании правительство США крайне отрицательно расценило эти события. Экономическое контрдавление в виде блокирования договорных поставок в СССР промышленного оборудования не могло принести и не принесло желаемых для США результатов. «Вот если бы СССР захотел купить в США 5 миллионов пальто, — заявил на одной из встреч с советскими представителями американский посол Л. Штейнгардт, — то он ручается, что Советский Союз получит эти вещи на следующий день»⁴³. Министр финансов Г. Моргантау информировал К. А. Уманского, что «весь вопрос о военных заказах находится в руках Госдепартамента, к которому и надо адресовать требования»⁴⁴. Л. Штейнгардт, убеждая советское руководство, что СССР своими действиями в Польше, Бессарабии и Прибалтике подорвал благожелательное к себе отношение американцев, в то же время подчеркивал, что после падения Франции произошла «коренная перемена во взглядах США на события в мире в сторону реализма, и сложившаяся обстановка благоприятствует постановке вопроса об улучшении советско-американских отношений». Штейнгардт указал, что США «положительно решили вопросы о вывозе 70% закупленного оборудования, фрахте американских судов для этой цели, высокооктановом бензине, продаже вагонных осей и ожидают, что СССР сделает что-либо для дальнейшего улучшения взаимоотношений»⁴⁵.

СССР принял к сведению мнение правительства США о том, что Тройственное соглашение, заключенное между Германией, Италией и Японией 27 сентября 1940 г., усиливает опасность для стран, не участвовавших в войне, и что американское правительство надеется, что страны, не входящие в Тройственный союз, воздержатся от вступления в какое-либо соглашение с любым участником Тройственного пакта⁴⁶. Учитывая предстоящие в начале

ноября президентские выборы (Ф. Рузвельт был избран на третий срок), советское руководство отказало настойчивым требованиям немецкой стороны опубликовать официальное сообщение о предстоящем визите В. М. Молотова в Берлин (12–14 ноября 1940 г.) до этих выборов и приняло неординарное по тем временам решение: сообщило в Вашингтон о своем согласии на открытие 15 декабря консульства США во Владивостоке, переговоры о котором велись по инициативе США уже длительное время. В условиях обострившихся американо-японских отношений это был рискованный для СССР шаг в правильном направлении. «Важно отметить, — писал 5 декабря 1940 г. американскому послу в Японии госсекретарь США К. Хэлл, — что почти одновременно с визитом (В. М. Молотова в Берлин. — *Прим. ред.*) советское правительство начало действовать более разумно и доброжелательно в решении многих вопросов, касающихся отношений между американским и советским правительствами»⁴⁷.

В 1941 г. советско-американские отношения медленно продолжали улучшаться. В первых числах января правительство США сообщило о своем согласии отменить «моральное эмбарго», а затем 21 января С. Уэллес в беседе с К. А. Уманским (это была их пятнадцатая встреча) сделал важное заявление: «Если бы СССР оказался в положении сопротивления агрессору, то США оказали бы ему помощь»⁴⁸. Позитивные результаты в ходе советско-американских переговоров этого периода достигались с большим трудом, осложнялись взаимными, подчас необоснованными претензиями, и отношения во многом оставались натянутыми, но тенденция к сближению, обусловленная нараставшей угрозой агрессии как против СССР, так и против США, тем не менее прокладывала дорогу. Большая заслуга в этом принадлежала Ф. Рузвельту. «Он уже давно склонялся к мнению (в противовес оценкам Госдепартамента. — *Прим. ред.*), что политика Советского Союза носит скорее не коммунистический, а националистический характер, более прагматична, нежели идеологизирована»⁴⁹.

Надо сказать, что некоторые оценки Л. Штейнгардта международного положения и политики СССР, несмотря на неприятие советского режима, помогали Ф. Рузвельту объективнее разобраться в обстановке. «Основная ошибка союзной, а затем и английской дипломатии, — писал Л. Штейнгардт 2 октября 1940 г. в Вашингтон, — заключалась в том, что она была постоянно направлена на то, чтобы попытаться побудить Советский Союз предпринять определенные действия, которые если и не привели бы к военному конфликту с Германией, то повлекли за собой настоящий риск возникновения такого конфликта». И далее: «Если говорить о советской политике, как я ее понимаю, то она направлена на то, чтобы избежать войны, и, конечно, чем дальше удастся предотвратить нападение Германии и Японии, вовлеченных где бы то ни было в большие войны, тем успешнее будет собственное сопротивление»⁵⁰. О «тупом упорстве» С. Уэллеса говорил Л. Штейнгардт в одной из бесед с советскими дипломатами⁵¹.

Реалистичной была оценка расстановки сил в американской политике и у советской дипломатии. Однако ей не хватало гибкости. К. А. Уманский и С. Уэллес не нашли общего языка, не доверяли друг другу, что усложняло обстановку на переговорах. К. А. Уманский сообщал в Москву, что, по его мнению, С. Уэллес «тяготеет к более враждебному нам лагерю... Он занимает как бы центристское положение между сторонниками сближения типа Икеса, Моргентау, Гопкинса и обозленной антисоветской кликой буллитовской масти»⁵². Но это уже имело второстепенное значение.

Последующие события происходили в обстановке, когда в Москве располагали сведениями о принятии Германией решения о нападении на СССР и сосредоточении ее войск на советских западных границах. Одновременно советскому правительству без необходимой фильтрации докладывалась и дезинформация внедренной в советскую разведку немецкой агентуры, которая объясняла военные приготовления Германии у границ СССР подготовкой к вторжению на Британские острова и доказывала «абсурдность» для Германии решения открывать фронт против Советского Союза, не закончив войну с Великобританией. По заключению историков внешней разведки, очевидно было и то, что «германский рейх всеми средствами пытается спровоцировать Советский Союз на такие действия, которые дали

В. М. Молотов и И. Риббентроп пожимают друг другу руки после подписании Пакта о ненападении. 1939 г.

Германские захватчики проводят этнические чистки в польском городе Быдгощ. 1939 г.

Колонна немецких танков во время вторжения в Польшу. Сентябрь 1939 г.

Бомбардировка Польши германской авиацией. Осень 1939 г.

Жители Варшавы разбирают завалы зданий после авианалета. 1939 г.

После морского сражения между немецкими и норвежскими силами в Нарвике, Норвегия. Весна 1940 г.

Руины Варшавы. 1939 г.

бы возможность скомпрометировать его в глазах мировой общественности как виновника агрессии, лишив тем самым союзников в борьбе с истинным захватчиком»⁵³.

За последние годы историки разных поколений, работая с ранее неизвестными документами, раскрыли более достоверную картину предвоенных событий, взаимосвязи советской военной политики и международного положения, дипломатической борьбы и деятельности разведки по обеспечению безопасности страны, причин запоздалого приведения войск приграничных округов в боевую готовность.

Вернемся в этой связи к прилету 10 мая 1941 г. на Британские острова Р. Гесса, который, сам управляя самолетом, приземлился на парашюте примерно в 20 милях от поместья герцога Гамильтона, известного прогерманской активностью. Прилет в Англию «нациста № 3» получил громкий международный резонанс и не мог не рассматриваться советским руководством как угроза англо-германского сговора перед нападением Германии на СССР, возникновения англо-германской коалиции в войне против Советского Союза. Основания к тому имелись. Советская разведка на протяжении многих лет сообщала о переговорах об англо-германском сближении, которые велись в Лондоне и Берлине особенно активно с ноября 1937 г., когда состоялась встреча А. Гитлера с министром иностранных дел (1938–1940) лордом Э. Галифаксом. После войны содержание этих переговоров прояснили изданные документы так называемого Архива Дирксена — немецкого посла в Лондоне в 1938–1939 гг. Полученное в Москве после прилета Р. Гесса официальное уведомление английского правительства о решении продолжать войну с Германией не могло заслонить возникшую тревогу⁵⁴. Присутствие «под рукой» личности Р. Гесса, встречи с ним официальных представителей правительства, включая лорда-канцлера Д. Саймона, могли в одночасье изменить обстановку, учитывая наличие влиятельных прогерманских (если не сказать пронацистских) сил в самом британском истеблишменте.

В США ориентации Ф. Рузвельта на поддержку СССР в случае войны с Германией, которой он следовал с середины 1930-х гг.⁵⁵, противостояли не только оппозиция республиканцев в конгрессе и изоляционисты в стране, но и собственный Госдепартамент. Советское посольство в США и разведка своевременно и достоверно информировали правительство о положении дел. Насколько зыбкими были расчеты на установление союзнических отношений с США, свидетельствуют опубликованные документы Госдепартамента за 1941 г. Один из них — меморандум «Политика в отношении Советского Союза в случае начала войны между Советским Союзом и Германией» от 21 июня 1941 г. Ключевое значение в меморандуме имела заключительная часть: «Мы не должны давать никаких обещаний Советскому Союзу заранее относительно помощи, которую мы могли бы оказать в случае германо-советского конфликта, и мы не должны брать на себя никаких обязательств в отношении того, какой могла бы быть наша будущая политика по отношению к Советскому Союзу или России. В частности, мы не должны участвовать ни в каких мероприятиях, которые могли бы создать впечатление, что мы действовали не в духе доброй воли, если впоследствии мы будем вынуждены отказать в признании советскому правительству в изгнании или перестать признавать советского посла в Вашингтоне в качестве дипломатического представителя России в случае, если Советский Союз потерпит поражение и советское правительство будет вынуждено покинуть страну»⁵⁶.

Настораживали полученные в первые месяцы 1941 г. сведения о том, что США и Англия окажут помощь СССР только при определенных условиях. Один из источников сообщал, что Ф. Рузвельт в мае 1941 г. на совещании начальников штабов заявил, что если И. В. Сталин не спровоцирует нападение Германии, то США поддержат СССР, в противном случае Соединенные Штаты не будут вмешиваться. Прилет Р. Гесса в Англию крайне обострил опасения советского руководства о непоследовательности политики потенциальных союзников. Усиление на Западе пропагандистской кампании о наличии у СССР «плана мировой революции» и ее «ледокола» — Красной армии, распространявшейся немецкой агентурой для оправдания предстоящего нападения на СССР, а также западной печатью и радиопропагандой, потребовали принятия чрезвычайных мер, чтобы исключить условия, которые могли

бы послужить поводом для обвинения СССР в развязывании войны с Германией, оставить его один на один с агрессорами.

Видимой непоследовательностью объясняются предпринимавшиеся в последние недели и дни перед войной некоторые меры советского руководства, направленные на повышение боеготовности войск, их выдвижение к западным границам. С учетом современных знаний о сложившейся обстановке в советско-английских и советско-американских отношениях обратим внимание на сообщение ТАСС от 13 июня 1941 г. В нем подчеркивалось, что СССР, верный своей мирной политике, «соблюдал и намерен соблюдать условия советско-германского Пакта о ненападении, ввиду чего слухи о том, что СССР готовится к войне с Германией, являются лживыми и провокационными»⁵⁷. Эта часть сообщения была адресована не только Берлину, но также Лондону и Вашингтону (однако о сугубо дипломатическом, зондажном характере сообщения ТАСС, к сожалению, не было поставлено в известность командование западных приграничных военных округов, из-за чего оно буквально восприняло положения, содержащиеся в сообщении). В начале июля по приказанию И. В. Сталина в НКВД была создана особая группа (ее возглавил П. А. Судоплатов) с задачей воспрепятствовать попыткам немецких диверсантов провести в районе советской границы провокацию, подобную той, которая была осуществлена перед началом войны против Польши в 1939 г. Требование «не дать никакого повода для войны»⁵⁸ было возведено в ранг одной из первостепенных задач политики и дипломатии государства в последние недели и дни перед нападением Германии. И. В. Сталин отменил приказ командующего Киевским особым военным округом о занятии частями укрепленных районов, предполья (передовых позиций), а также аналогичные приказы в других приграничных округах; запретил полеты советской авиации в приграничной полосе (10 км от государственной границы). В то же время по его приказу был совершен облет западной границы для проверки сведений разведки о завершении подготовки вермахта к нападению на СССР, которые подтвердились⁵⁹. 18 июня последовала телеграмма Генерального штаба о приведении войск приграничных округов в боевую готовность⁶⁰.

В своем труде У. Черчилль пишет, что 15 июня 1941 г. он сообщил Ф. Рузвельту: «Судя по сведениям из всех источников, имеющихся в моем распоряжении, в том числе из самых надежных, в ближайшее время немцы совершат, по-видимому, сильнейшее нападение на Россию... Если разразится эта новая война, мы, конечно, окажем русским всемерное поощрение и помощь, исходя из того принципа, что враг, которого нам нужно разбить, — это Гитлер... Американский посол (Г. Уайнант. — *Прим. ред.*), проводивший конец недели у меня, привез ответ президента на мое послание. Президент обещал, что если немцы нападут на Россию, он, конечно, публично поддержит «любое заявление, которое может сделать премьер-министр, приветствуя Россию как союзника»⁶¹. Это заверение устно было передано У. Черчиллю 21 июня⁶². Однако в Москве это важное решение оставалось неизвестным. Не случайно И. М. Майский вечером 21 июня 1941 г. записал в дневнике: «После ланча меня спешно вызвали в Лондон по просьбе Криппса⁶³ (И. М. Майский находился на даче. — *Прим. ред.*). Криппс хотел знать, сочтет ли совпра (советское правительство. — *Прим. ред.*) возможным сотрудничать с Англией в случае германского нападения? Или предпочтет действовать вполне независимо? Я не мог дать определенного ответа на вопрос Криппса и обещал немедленно снести с Москвой»⁶⁴.

До нападения Германии на СССР оставались считанные часы. В ответ на запрос И. М. Майский 22 июня получил следующую телеграмму наркома иностранных дел СССР В. М. Молотова: «Если заявление Криппса о присылке военной миссии и экономических экспертов действительно отражает позицию британского правительства, советское правительство не возражает, чтобы эти две группы английских представителей были присланы в Москву. Понятно, что советское правительство не захочет принять помощь Англии без компенсации, и оно, в свою очередь, готово будет оказать помощь Англии»⁶⁵.

События 1939–1941 гг. на протяжении многих десятилетий являются объектом особо настойчивого искажения их реального содержания, взаимосвязи причин и последствий,

сокрытия подлинных целей политики западных держав и в то же время необоснованных обвинений в адрес Советского Союза, имеющих целью нанести ущерб международному авторитету, политике и облику современной России. Эта антироссийская кампания, к которой присоединилась часть отечественных историков и журналистов, впервые возведена усилиями Евросоюза на межпарламентский уровень. Имеется в виду принятая 3 июля 2009 г. резолюция Парламентской ассамблеи ОБСЕ, смысл и суть которой заключается в обвинении России, в то время Советского Союза, в соучастии совместно с нацистской Германией в развязывании Второй мировой войны и других преступлениях. Сразу скажем, что авторам резолюции не откажешь в словесной «изысканности». 19 пунктов резолюции содержат пространные рассуждения о равнозначности нацизма и сталинизма, призыв объявить 23 августа днем памяти их жертв, двусмысленное «напоминание» о холокосте, ссылки на Заключительный акт Совещания по безопасности и сотрудничеству в Европе, подписанный в 1975 г. в Хельсинки, другие документы, но все это служит камуфляжем названной ранее цели резолюции. Она призывает к воссоединению разделенной Европы, но на деле дискредитирует и отчуждает Россию, сея недоверие и ксенофобию между народами. Резолюция ОБСЕ «является прямым оскорблением памяти миллионов наших соотечественников, отдавших в годы Второй мировой войны свои жизни за освобождение Европы от фашистского ига, от холокоста, от газовых камер и концлагерей, за то, чтобы мы, потомки павших, жили в мирной и свободной Европе», — говорится в совместном заявлении, принятом Советом Федерации и Государственной думой 7 июля 2009 г.⁶⁶

Одна из причин появления резолюции ОБСЕ состоит, на наш взгляд, в открытии в России в последние годы крупных массивов документов, относящихся к событиям 1939–1941 гг. Только Министерством иностранных дел опубликовано более 1600 в большинстве своем ранее не известных документов⁶⁷. Многие документы открыты в военных архивах. Они подтверждают, что, несмотря на просчеты и ошибки, советская внешняя политика со времени прихода А. Гитлера к власти и до нападения нацистской Германии на СССР была направлена на создание системы коллективной безопасности, союза государств и народов для борьбы с фашистской агрессией. В то же время документы неопровержимо показывают (как и ранее опубликованный «Архив Дирксена»), что целью западных демократий было не только избежать вовлечения в войну, но и, способствуя вооружению Германии, направить заряд ее агрессии против СССР. Антикоммунизм оказался удобной ширмой, которая прикрывала борьбу между Англией и Францией с одной стороны Германией и Италией с другой за господство над Европой. Эти, ставшие документально очевидными, цели имперской политики западных держав и вызвали появление «защитного противовеса» в виде «пунктов» резолюции ОБСЕ. События, которые привели ко Второй мировой войне, сводятся методом умолчания к советско-германскому договору о ненападении. Оценка конкретной исторической обстановки, которая диктовала СССР необходимость принятия неотложных решений для обеспечения собственной безопасности в условиях международной изоляции, отсутствует. Принципы международного права, признанные уставом Нюрнбергского трибунала, подтвержденные ООН, и приговор немецким военным преступникам, осужденным за агрессию против СССР и других стран, игнорируются.

Версия о виновности СССР в развязывании Второй мировой войны впервые была озвучена в декларации А. Гитлера 22 июня 1941 г. для оправдания нападения на нашу страну, а затем «развита» в сочинениях уцелевших гитлеровских генералов и «первого поколения» немецких историков-неонацистов (Г. Бреннеке, У. Валенди, В. Глазбокс, Э. Хельдмах и другие). Книга последнего «Нападение?» неоднократно переиздавалась. Но «единого фронта» у европейских парламентариев и историков не получилось. На Западе в исторической науке всегда была влиятельная школа, которая сторонилась заказных официозных оценок, придерживалась самостоятельного и объективного взгляда на события. Один из таких британских авторов С. Милайн опубликовал в газете «Гардиан» 9 сентября 2009 г. статью, первые строки которой отражают ее содержание: «Это переписывание истории отравляет атмосферу в Европе. Обвинение СССР во Второй мировой войне не только бессмысленно, но и воодушевляет

сторонников нацистского наследия времен войны». Он пишет, что до сих пор ответственность за войну «возлагалась на Гитлера и нацистский режим геноцида». Но «возродившийся правый национализм в Восточной Европе и истерический ревизионизм сравнивают нацизм с коммунизмом». С. Милайн приводит имена историков, проповедующих эти взгляды, и заключает: «Советский Союз внес решающий военный вклад в поражение Гитлера ценой 25 миллионов жизней, поэтому неудивительно то возмущение, с которым русские встретили подобные обвинения. Когда Президент Дмитрий Медведев... назвал параллель между нацизмом и Советским Союзом «циничной ложью», он говорил не только от имени правительства, но и всей страны, за ним стояла внушительная часть остального мира».

Резолюция ОБСЕ взаимосвязана с развернувшейся на Западе кампанией пересмотра оценок антигитлеровской коалиции, попыток представить ее как «ошибку истории», «противоестественный союз», отлучить нашу страну от победы и выпятить в качестве решающего вклада в нее западных союзников. Шельмуются решения большой тройки, усилилась критика лично Ф. Рузвельта и У. Черчилля за «промахи» в отношениях с СССР, не говоря уже об И. В. Сталине, за которым, оказывается, стояли некие «черные силы, направлявшие его злодеяния». Бойцов Красной армии, освободителей Европы, которых встречали цветами и слезами радости сотни тысяч жителей многих стран, изображают захватчиками и насильниками. Включились в эту постыдную кампанию политические деятели крупного калибра. Среди них Дж. Буш, в то время президент США, который, выступая в 2005 г. в Латвии, осудил «в одной корзине» мюнхенский сговор, советско-германский договор о ненападении и Ялтинские соглашения⁶⁸.

В предвоенные годы расчеты советского руководства избежать нападения нацистской Германии не оправдались. Вместе с тем СССР, Великобритания и США в конечном счете достигли договоренности о создании антигитлеровской коалиции⁶⁹.

Обострение обстановки в Азии

Долгое время после окончания Второй мировой войны и в зарубежной, и в отечественной историографии в установлении причин и истоков этой войны имели место два основных стереотипа. Один из них, в чем-то оправданный, но далеко не создающий целостной картины, связан с евроцентристским подходом к оценкам источника угроз (главным виновником развязывания мировой войны является нацистская Германия). В основе второго стереотипа лежит идеологический подход к анализу кануна и начала мировой войны: наличие утверждений, с одной стороны, о коммунистической угрозе и «вынужденности» координации действий Запада и агрессоров (политика умиротворения) по ее нейтрализации, а с другой — о совиновности Советского Союза в развертывании войны, что обосновывается фактом подписания советско-германского договора о ненападении и сопутствующих ему документов, а также предпринятыми СССР мерами по укреплению своих западных границ.

Одной из причин существования таких подходов являлась недооценка сложности воздействия и на военно-политическую обстановку предвоенных лет, и на сам ход мировой войны всей совокупности факторов, в том числе японского. Этот фактор существенно влиял на принятие судьбоносных решений советским руководством. Кроме того, в канун Второй мировой войны основными государствами-агрессорами во главу угла (особенно с 1939 г.) ставились не только и, подчеркнем, не столько идеологические, сколько геополитические, геоэкономические и геостратегические интересы, подпитываемые великодержавными и националистическими, вплоть до расистских и фашистских, воззрениями. Нередко забывалось, что первые очаги агрессии вспыхнули еще до общепринятого дня начала Второй мировой войны. Один из них японская военщина разожгла в районе монгольской реки Халхин-Гол (11 мая 1939 г.). Он был ликвидирован 16 сентября 1939 г., то есть уже после начала Второй

мировой войны, что существенным образом сказывалось на выработке советской (да и ряда других стран) военной политики как в канун этой войны, так и в последующие годы.

А. Гитлер еще только рвался к власти, а честолюбивые японские генералы уже имели грандиозные планы мирового господства, согласно которым одним из главных объектов агрессии являлся Советский Союз. Широко известен так называемый «Меморандум позитивной политики» премьер-министра и министра иностранных дел и колоний Японии генерала Г. Танаки императору Хирохито от 25 июля 1927 г.⁷⁰ Этот документ был опубликован японскими военными историками в качестве официального в фундаментальной 110-томной «Официальной истории войны в Великой Восточной Азии». Напомним лишь, что, наметая широкомасштабную агрессию в Азиатско-Тихоокеанском регионе (АТР), японские лидеры планировали после подчинения Китая «вновь скрестить мечи с Россией». В борьбе за мировое господство генерал Г. Танака считал необходимым и «сокрушение Соединенных Штатов Америки»⁷¹. Именно Япония разожгла в начале 1930-х гг. первые очаги гигантского вселенского пожара, который с рубежа 1 сентября 1939 г. стал называться Второй мировой войной. В этом меморандуме, которому впоследствии почти неукоснительно следовали (насколько позволял военно-экономический потенциал) все правительства Японии, впервые в тесной увязке были отражены две линии противоречий и два пути их разрешения. Старые империалистические противоречия, в первую очередь между Японией и США, традиционно соперничавшими в зоне Тихого океана, где выживание и развитие одних наций почти однозначно вело бы к поражению и упадку других, и новые, межсистемные, где Япония и западные державы имели шанс объединить усилия против общего классово-идеологического врага. Разрешение первой группы противоречий виделось Японии на путях вооруженной борьбы с ведущими державами капиталистического мира на южном направлении агрессии; вторую группу противоречий можно было разрешить, лишь уничтожив СССР, МНР и зарождавшееся коммунистическое движение в Китае (северное направление). Весьма важно при этом четко представлять себе, что расхождения в доктринальных точках зрения представителей этих двух направлений в японском руководстве заключались не в том, против кого воевать, — обе стороны сходились во мнении, что война против СССР как оплота коммунизма неизбежна, и это не разъединяло, а наоборот, объединяло сторонников северного и южного направлений. Противоречия, а скорее разногласия, состояли в том, против кого начать войну раньше: против СССР или против США и их союзников. Именно поэтому дилемма «север — юг» существовала вплоть до самого момента принятия решения о полномасштабной войне в первую очередь (с 7 декабря 1941 г.) на юге, способствуя мобилизации японского государства на подготовку к крупной войне. Да и после этого, вплоть до конца 1943 г., северное направление находилось под пристальным вниманием японских стратегов. И лишь провал идей германского и японского блицкригов и достижение перелома во Второй мировой войне в пользу антифашистской коалиции окончательно сняли этот вопрос. У Японии, впрочем, как и у Германии, стратегия достижения конечной цели, которая, безусловно, подразумевала необходимость «скрестить мечи с Россией», не была столь идеологически однозначной и прямолинейной. Оба агрессора пошли сначала завоевывать стратегические плацдармы и присваивать ресурсы (природные, материальные, человеческие) у более удобных и слабых стран. Но об этом мир узнал уже, так сказать, задним числом, а в то время обстановка была отнюдь не проста для понимания.

У Советского Союза в борьбе за выживание в предвоенные годы фактически не было союзников. Строя свою внешнюю политику в то сложное время, он не мог не учитывать японский военный фактор, так же как и все возрастающую опасность германского фашизма. Очень мешала крайняя идеологизированность советского руководства, равно как и лидеры стран «демократического блока», приводившая СССР к необходимости подготовки к противостоянию и с ними, тем более что поводов для этого было достаточно. Не случайно бывший премьер-министр Франции Э. Даладье, один из архитекторов мюнхенского сговора по разделу Чехословакии, жаловался в 1963 г., что в те годы «идеологические проблемы часто затмевали собой стратегические императивы»⁷².

В связи с японским фактором следует расставить новые акценты и в анализе так называемой политики умиротворения агрессоров (а точнее, поощрения их к войне против Советского Союза), проводившейся западными демократиями и известной под названием «мюнхенской политики», но которая родилась отнюдь не в Мюнхене, а на Дальнем Востоке, и не в сентябре 1938 г., а в первой половине 1930-х гг., когда Западом позорно были сданы японскому агрессору Маньчжурия, а затем и весь Северо-Восточный Китай.

Дело в том, что агрессия Японии в Маньчжурии в 1931–1932 гг. (именно ее с полным основанием следует назвать первым очагом будущего всемирного пожара) получила лишь словесное осуждение со стороны стран Запада. На демонстративный выход «обиженной» Японии в марте 1933 г. из Лиги Наций никаких санкций не последовало. Очевидно, лидеров этих стран вполне удовлетворило заявление главы японской делегации в Лиге Наций Ё. Мацуоки о том, что Маньчжурия оккупирована с главной целью создать плацдарм для борьбы против СССР. Ё. Мацуока вернулся в Японию (захвав по пути в Берлин для прояснения позиций молодого нацистского руководства) героем: Рубикон был перейден, и руки у агрессора окончательно развязаны, чем Япония не преминула воспользоваться, завершив в 1935 г. захват Северо-Восточного Китая и развернув в июле 1937 г. против этой страны тотальную войну, унесшую жизни более 35 млн китайцев⁷³.

В чем же причина такой неслыханной щедрости Запада? Громкая на словах, но поразительно беззубая в отношении Японии, подстрекательская на деле позиция ведущих держав мира по отношению к ней, а затем и к Германии объясняется прозаически просто. В Вашингтоне, Лондоне и других столицах считали, что военные действия Японии в Северо-Восточном Китае приведут к обострению японо-советских отношений, а может быть, и к крупномасштабному столкновению Японии и СССР. Для США и имевших значительные интересы в Китае Англии, Франции и Голландии важно было направить японскую экспансию на север, против СССР, а не на юг. Аналогичными были подходы и к оценке экспансионистских акций Германии и ее союзников.

Казалось бы, на Дальнем Востоке все шло в соответствии с расчетами агрессора и его «умиротворителей»: в июле 1938 г. Япония развернула крупный вооруженный конфликт на советской границе в районе озера Хасан, а в мае 1939 г. начала агрессивную войну против дружественной Советскому Союзу Монголии. За полмесяца до начала боевых действий у озера Хасан японской стороной провокационно был поднят вопрос о линии границы в этом районе. 15 июля 1938 г. в беседе с поверенным в делах посольства Японии в СССР Х. Ниси в ответ на его требование вывести советские войска с высот западнее озера Хасан заместитель народного комиссара иностранных дел Б. С. Стомонаков указал, что в соответствии с «Протоколом о тщательно проверенном первом участке границы», подписанным в Ново-Киевском урочище 26 июня 1886 г. и составляющим часть Чанчуньского (Хунчунского) соглашения, а также с приложенной к нему картой нет ни малейшего сомнения в том, что «озеро Хасан... расположено полностью на советской территории и что не только западные берега этого озера, но и некоторый район к западу от этих берегов принадлежат Советскому Союзу»⁷⁴. Однако эти аргументы не были приняты японской стороной во внимание. 20 июля претензии на территорию в районе озера Хасан высказал посол Японии в СССР М. Сигэмицу, пригрозив применением силы⁷⁵. Ждать пришлось недолго. Скрытно подтянув с территории Кореи к советской границе 19-ю пехотную дивизию, усиленную полевой, тяжелой и зенитной артиллерией и инженерными частями, 29 июля японцы начали военные действия. Поначалу им, обладавшим на избранном направлении абсолютным превосходством, удалось захватить плацдарм и продвинуться в глубину советской территории на 4 км, а затем и укрепиться на ней. Однако подошедшими 2 августа частями 32-й и 40-й стрелковых дивизий захватчики, несмотря на поддержку частей японских 15-й и 20-й пехотных дивизий, кавалерийского полка и механизированной бригады, менее чем через десять дней с большими потерями были выбиты за пределы советской территории⁷⁶. Эта неприкрытая агрессия, однако, осталась вне зоны внимания стран Запада.

Весьма негативную роль в поощрении японской агрессии сыграла Великобритания, пойдя 22 июля 1939 г., в разгар событий у монгольской реки Халхин-Гол, на заключение соглашения Арита — Крейги, в котором Лондон признавал «особые права» (то есть захваты) Японии в Китае и гарантировал здесь невмешательство в действия ее оккупационных властей⁷⁷. Это существенно укрепляло позиции Японии в Китае и позволяло японскому командованию смелее использовать войска из состава дислоцированных там экспедиционных сил на халхин-голском направлении. Красной армии пришлось приложить большие усилия, чтобы, начав 20 августа совместно с монгольскими войсками наступление, разгромить японскую 6-ю армию и заставить Японию просить о перемирии. Очередная японская антисоветская авантюра закончилась провалом и заключением 16 сентября по инициативе Японии перемирия (заметим, спустя две с лишним недели после начала Второй мировой войны).

Страны Запада, особенно США и Англия, выстраивая свою политику, проявили полное равнодушие к судьбе народов Китая, Советского Союза и Монголии. Более того, поощряя северное (как считалось, антисоветское) направление японской агрессии, они на протяжении всех 1930-х гг. не только продолжали оказывать Токио экономическую помощь и прямую военную поддержку, но и многократно увеличили их размеры. Достаточно сказать, что до 70% американского экспорта в Японию с 1937 по июль 1940 г. составляли военные поставки и стратегическое сырье, а не менее 17% стратегических поставок шло сюда из Англии, что способствовало бурной милитаризации, а затем и масштабной военной экспансии японского государства⁷⁸.

«Принуждение Японии к миру» — именно так следует назвать, используя современную терминологию, то, чего добился Советский Союз, проявив твердость в событиях у р. Халхин-Гол. Альтернативой этому могли стать гибель Монголии, вторжение Японии в Прибайкалье и начало тяжелой войны советского народа у восточных рубежей СССР. Обстановка осложнялась тем, что Советский Союз в течение всего этого периода был вынужден предпринимать меры по недопущению аналогичного развития событий и у своих западных границ. Все это вместе взятое формировало у советского руководства устойчивое недоверие к политике западных держав и означало для СССР лишь одно — рост военной угрозы как в Европе, так и в Азии.

В Советском Союзе, который не был в период зарождения политики умиротворения дальневосточного агрессора допущен ни в Лигу Наций (СССР вступил в эту международную организацию в 1934 г.), ни в версальско-вашингтонскую договорную систему, не могли не понимать всю опасность нарастающей для СССР угрозы и поэтому неизменно требовали прекращения японской агрессии. Тем не менее, как справедливо считает известный американский исследователь Д. Глэнц, СССР, «исходя из своей сугубо оборонительной стратегии, был в состоянии выдвинуть скорее дипломатические, чем военные инициативы»⁷⁹. Современный американский профессор А. Ириэ, японец по национальности, исследуя истоки Второй мировой войны, пишет: «Первыми, кто увидел растущую угрозу миру со стороны фашистской Германии и быстро милитаризируемой Японии, были коммунисты, которые, собравшись в июле 1935 г. в Москве на 7-й конгресс Коминтерна, призвали все демократические силы создать общенародный фронт борьбы против фашизма». Это означало, считает он, «возврат России в международное сообщество в качестве сторонника порядка и мира, а не находящегося в изоляции защитника революции и радикализма... Самое важное, что советская инициатива дала определенную концептуальную ясность мировой ситуации, которая характеризовалась нестабильностью и противоречивостью»⁸⁰. К сожалению, призыв Советского Союза и Коминтерна не нашел среди руководителей западных держав понимания. События, приближавшие мир к всеобщему пожару, стали развиваться еще более стремительно.

В Токио понимали, что в случае развертывания агрессии против СССР Японии не обойтись без мощного европейского союзника. Вот почему захват власти в Германии фашистами во главе с А. Гитлером в 1933 г., то есть уже после японской оккупации Маньчжурии, рассматривался в Японии как своего рода дар судьбы. В японской столице все более укреплялись в надежде, что в своем стремлении занять господствующее положение в Европе Берлин

сумеет приковать к себе вооруженные силы СССР, Англии, Франции и США, а это облегчит осуществление захватнических планов Японии в Азиатско-Тихоокеанском регионе. «В своих отношениях с Советским Союзом, — делало в то время вывод правительство Х. Хироты, — Германия находится примерно в таком же положении, как и Япония. Исходя из того, что между Францией и СССР существуют особые отношения, можно считать, что Германии будет выгодно действовать сообща с нами в вопросах национальной обороны и политики антикоммунизма»⁸¹. Германское руководство, со своей стороны, несмотря на имевшиеся у него интересы в зоне Тихого океана, на которые посягнула еще в годы Первой мировой войны Япония, также видело в ней потенциального союзника, способного в нужный момент создать в Азии против СССР второй фронт, ослабить его, увеличив тем самым удельный вес Германии в Европе.

Что касается Советского Союза, то он находился в те годы в глубокой изоляции и был подвержен многочисленным военным угрозам со стороны близких и не очень соседей. Возникновение двух очагов агрессии у восточных и западных границ СССР наряду с откровенной политикой потворства этому со стороны США, Англии и Франции реально угрожало созданию единого империалистического фронта борьбы против Советского Союза, что вынуждало Москву выработать адекватную угрозам политику обеспечения собственной безопасности.

Первым практическим шагом в организации глобального антисоветского альянса стало заключение 25 ноября 1936 г. между Германией и Японией Антикоминтерновского пакта, к которому в 1937 г. присоединилась Италия, а за ней ряд других стран, в том числе (об этом редко упоминается) в феврале 1939 г. подвассальная Японии и граничившая с СССР Маньчжоу-Го, с чьей территории и развернулась спустя три месяца агрессия в районе р. Халхин-Гол. Подписание пакта сопровождалось широкой пропагандистской кампанией, в том числе рассчитанной на зарубежную аудиторию. Несколько статей на эту тему было опубликовано в рупоре японского Министерства иностранных дел — ежеквартальнике (с 1939 г. — ежемесячник) *Contemporary Japan*. В частности, анонимный автор материала «Японо-советское непонимание», опубликованного в декабре 1936 г. (написан явно еще до подписания Антикоминтерновского пакта), назвал три основных вопроса «непонимания»: неурегулированность пограничных вопросов и отсутствие экономических отношений между Маньчжоу-Го и МНР; превратное представление о внешней политике Японии, формируемое Москвой; подрывная деятельность Коминтерна в Азии⁸².

К Антикоминтерновскому пакту примерялась и стремившаяся к территориальной экспансии (в том числе за счет советских территорий) Польша, но, очевидно, широко декларируемая идеологическая направленность пакта была недостаточным основанием для подключения к нему Варшавы, хотя его антисоветская нацеленность и подтвердилась полностью, когда стало известно доводимое далеко не до всех специальное секретное соглашение к пакту, статья первая которого прямо предусматривала совместные меры борьбы против СССР⁸³. Не случайно в приговоре Токийского трибунала пакт назван именно «военным союзом».

«Начиная с 1937—1938 гг., — признавал оказавшийся в советском плену бывший главнокомандующий Квантунской группировкой японских войск генерал Ямада Отодзо, называвший антисоветскую политику Японии последовательной, — Квантунская армия имела конкретные планы ведения наступательных военных операций против Советского Союза»⁸⁴. Однако вопрос о конкретных сроках войны с такой крупной державой, как СССР, требовал тщательной проработки, а сама агрессия — серьезной подготовки.

Важное значение для выработки военной доктрины японского государства на Вторую мировую войну имела серия провокаций, осуществленных с санкции высшего военного командования на границах СССР или в их непосредственной близости. Главной целью этих вооруженных акций было определение уровня боеспособности советских войск, размещенных на Дальнем Востоке, и перспектив войны с Советским Союзом. За этой пробой сил внимательно наблюдали как в Германии, так и в целом на Западе. Итоги «разведки боем» оказались для Японии плачевными. Последствия провала Японии в военной авантюре

на р. Халхин-Гол, например, далеко выходят за рамки этого, кажущегося многим локальным, конфликта. Токийский трибунал над японскими военными преступниками дал ему четкое определение — «агрессивная война»⁸⁵ против Монголии и СССР.

Конфликт на р. Халхин-Гол был развязан японцами на фоне бурного и трудного для непосредственной оценки развития весной и летом 1939 г. этапа дипломатической активности. Переговоры велись одновременно на нескольких направлениях. Продолжалась рутинная работа по разработке тройственного в своей основе военного пакта между Германией, Италией и Японией, в который стремилась и Польша. В этом пакте особенно была заинтересована Япония. При этом Токио настаивал на внесении в текст оговорки об исключительной направленности пакта против СССР. Немецкий посол в Москве В. Шуленбург отмечал 5 июня 1939 г. в письме в МИД Германии, что «Япония не хотела бы видеть ни малейшего согласия между нами (Германией. — *Прим. ред.*) и Советским Союзом. Чем меньше становится наше давление на западные границы России, тем увереннее будет чувствовать себя Советский Союз в Восточной Азии»⁸⁶. Агрессия в районе р. Халхин-Гол как раз и замышлялась японцами как средство давления на союзников.

Параллельно время от времени активизировались советско-германские контакты. Активно велись британо-немецкие и британо-японские переговоры, о чем было известно руководству СССР. Одновременно в Москве проходили тройственные переговоры по широкому кругу военно-политических вопросов между СССР, Великобританией и Францией. Именно последние переговоры, как показал проведенный выше анализ, в той сложной ситуации могли бы дать, но не дали миру новую, более благоприятную альтернативу. Заключение политического и военного союза этих государств могло бы создать, возможно, решающий противовес гитлеровским планам расширения агрессии, а также позитивно повлиять на обстановку в АТР.

Ко второй декаде августа 1939 г., однако, стало очевидным, что московские переговоры, главным образом по вине Лондона, зашли в тупик. В результате СССР оказывался в положении все большей международной изоляции. Учитывая поддержку мюнхенского сговора со стороны США, непосредственное участие Польши и Венгрии в разделе Чехословакии, одобрение его Японией, «невмешательство» стран Запада в события в Китае и Монголии, советское руководство в условиях продолжавшегося вооруженного конфликта на монгольской земле не могло не задуматься о поиске надежных путей обеспечения безопасности своей страны. В связи с тем, что создание системы коллективной безопасности в форме, которую предлагал ранее Советский Союз, оказалось невозможным (Восточный, Тихоокеанский пакты так и не были заключены; Польша занимала по отношению к СССР откровенно враждебную позицию; советско-чехословацкий договор был перечеркнут Мюнхеном, из-за этого утратил свою фактическую ценность договор с Францией; переговоры с Англией и Францией зашли в тупик; японская агрессия в МНР продолжалась, и все это означало рост непосредственной угрозы СССР), перед советской внешней политикой во второй половине августа 1939 г. вырисовывались довольно ограниченные возможности реагирования на ситуацию. Во-первых, остаться в изоляции, сделав упор на собственные силы, проведение самостоятельной внешней политики и подготовку к скорой войне на два фронта, а во-вторых, нормализовать свои отношения с Германией и Японией, а в случае расширения ими агрессии путем нейтралитета и создания «пояса безопасности» обеспечить себе необходимое время и возможность подготовиться к худшему варианту развития событий.

Очевидно, что реализация первого варианта не гарантировала в тех условиях Советскому Союзу не только безопасности, но и, вероятно, выживания. Перед СССР остро встал вопрос: принимать накануне кульминации конфликта с Японией в районе р. Халхин-Гол становившиеся все более настойчивыми предложения Германии⁸⁷ о заключении Пакта о ненападении или нет? Правительство СССР, исходя из того, что угроза германо-польской войны (следовательно, выход немецких войск к советским границам) стремительно нарастала, а недоверие к западным державам росло, все больше склонялось к мысли, что пакт с Германией о нейтралитете или ненападении не только в большей мере обеспечит безопасность

СССР в случае резкого обострения обстановки, нежели расплывчатый и неопределенный договор с западными демократиями, но и позволит не втянуть его в военный конфликт на чьей-либо стороне при отсутствии прямой агрессии и обеспечить сохранение потенциала для отражения угрозы с Востока. Вся совокупность этих факторов, недвусмысленность намерений А. Гитлера вторгнуться в Польшу (в частности, А. Гитлер сделал на это четкий намек в телеграмме И. В. Сталину от 20 августа 1939 г.)⁸⁸ и понимание того, что СССР повлиять на это никак не может и что в условиях жесткой конфронтации с Японией он еще не готов противостоять вероятному вторжению вермахта на свою территорию, очевидно, привели И. В. Сталина к окончательному решению заключить пакт с Германией. При этом все же не исключалась возможность достигнуть соглашения на переговорах с Англией и Францией «в последний час»⁸⁹.

И вновь японский фактор не мог не учитываться советским руководством в выработке своей внешней политики, теперь уже в условиях резкого усиления агрессивности гитлеровской Германии. Ведя переговоры с Берлином, Москва рассчитывала (не без учета влияния Германии на Токио) разблокировать военный конфликт на р. Халхин-Гол и принять меры к ослаблению конфронтации с Японией⁹⁰. Озабоченность Москвы японской угрозой просматривается в ряде документов, предшествовавших подписанию советско-германского договора о ненападении. В частности, в ответ на озабоченность временного поверенного в делах СССР в Берлине Г. А. Астахова по этому поводу влиятельный сотрудник германского МИД К. Ю. Шнурре еще 26 июля заявил о том, что германо-японские отношения «строятся на основе прочной дружбы, которая, однако, не нацелена против России», а 2 августа, реагируя на новый зондаж Г. А. Астахова по поводу Японии, уже министр иностранных дел Германии И. фон Риббентроп, подтвердив, что «германо-японские отношения хорошие и дружественные», заверил его в том, что русско-японские отношения будут сохранять долгосрочный модус вивенди, то есть поддерживаться, исходя из практики, без специального договора⁹¹.

15 августа посол Германии в Москве В. Шуленбург сообщил в германский МИД о том, что в беседе с ним в этот день председатель правительства, министр иностранных дел СССР В. М. Молотов, затронув вопрос о пакте, спросил также, «готово ли германское правительство повлиять на Японию в целях улучшения советско-японских отношений и урегулирования пограничных конфликтов»⁹². 16 августа в своем секретном меморандуме В. Шуленбург сообщил, что в вечерней беседе с ним В. М. Молотов вновь заявил, что «советское правительство хотело бы знать, видит ли Германия какую-нибудь реальную возможность повлиять на Японию в целях улучшения ее отношений с Советским Союзом», при этом посол ответил, что, судя по словам, сказанным имперским министром иностранных дел Г. А. Астахову, И. фон Риббентропа «может заинтересовать и этот вопрос, тем более что его влияние на японское правительство определенно не маленькое»⁹³.

Уже в ходе визита в СССР для подписания Пакта о ненападении И. фон Риббентроп в ночь с 23 на 24 августа заявил в беседе с И. В. Сталиным и В. М. Молотовым, что Германия в состоянии, «имея хорошие отношения с Японией, внести действительный вклад в дело улаживания разногласий между Советским Союзом и Японией» и что, если И. В. Сталин и советское правительство желают этого, он готов действовать в этом направлении и соответствующим образом использует свое влияние на японское правительство. Более того, И. фон Риббентроп заявил, что он уже «на протяжении месяцев» использовал беседы с японским послом в Берлине в интересах «улучшения советско-японских отношений»⁹⁴. Таким образом, при всем том, что главным содержанием переговоров были условия договора о ненападении между СССР и Германией, немалое место в них занимал и вопрос о будущем советско-японских отношений и о позитивном влиянии на них со стороны Германии.

Зная на примерах мюнхенского кризиса и испанской гражданской войны те пределы, до которых западные державы были готовы пойти в ограничении агрессии Германии и Японии, как считает американский профессор Д. Глэнтц, «Советский Союз скорее в целях защиты, чем исходя из (других. — *Прим. ред.*) устремлений, круто повернул свою политику и подписал циничный молотовско-риббентроповский пакт, призванный обеспечить вза-

имное ненападение между Советским Союзом и Германией»⁹⁵. При всей непопулярности этого договора, особенно сопутствующих ему документов, в условиях угрозы оказаться перед войной на два фронта и продолжавшейся действительно «циничной» мюнхенской политики в Европе и Азии ведущих западных демократий подписание его было, безусловно, вынужденным и единственно возможным шагом, явившимся следствием сложного переплетения вышеназванных факторов, а также отражением той атмосферы конфронтации, лицемерия, недоверия и пренебрежения нормами морали и нравственности, которая царила в предвоенном мире. Это было в то время единственным шансом советского руководства хотя бы на год-два уберечь неготовую страну от большой войны, обезопасить свои как западные, так и восточные границы, о чем свидетельствует и вскоре последовавший финал халхин-голских событий. «В то время, когда советские войска, очевидно, были в состоянии развить успех (достигнутый в результате их августовского наступления на восточном побережье р. Халхин-Гол. — *Прим. ред.*), — отмечает Д. Глэнц, — они пошли на прекращение кровопролития»⁹⁶.

Объективно, Советский Союз, ведя военные действия на Востоке, не мог себе позволить иметь еще один фронт на Западе. С другой стороны, нормализация, хотя бы временная, отношений с Германией, должна была способствовать разблокированию конфликта с Японией в Монголии и укреплению безопасности границ СССР на Дальнем Востоке. Очевидно, что именно подписание 23 августа 1939 г. советско-германского договора о ненападении, произошедшее на фоне мощного контрнаступления советско-монгольских войск на Халхин-Голе, стало событием, потрясшим токийское руководство и приведшим к отставке кабинета К. Хиранумы и командования Квантунской армии. Действия Германии, которые, вероятно, были предприняты без согласования с Японией, явились резким и внезапным ударом для Японии, вызвав правительственный кризис, и породили мощный всплеск антигерманских настроений. «Возможно, — пишет американский аналитик Дж. Баллентайн, — что японско-советское перемирие (от 16 сентября 1939 г. в халхин-голском конфликте. — *Прим. ред.*) представляет собой принятие Японией условий России в результате давящей на Японию потребности найти выход из сложившейся затруднительной ситуации с Россией, обусловленной подписанием российско-германского пакта и последующей изоляцией Японии»⁹⁷.

Военное поражение Японии, таким образом, сопровождалось поражением политическим. 16 сентября 1939 г. Япония была вынуждена пойти на заключение соглашения о прекращении вооруженного конфликта. При всех морально-политических издержках советско-германского договора он объективно ослабил Антикоминтерновский пакт, посеяв в Токио серьезные сомнения относительно политики Германии как союзника Японии, что привело к временной нормализации ее отношений с Москвой. Есть все основания считать, что возникшая в оси Токио — Берлин трещина впоследствии способствовала тому, что Япония не пожелала безоглядно следовать за Германией в агрессии против Советского Союза, подписав с Москвой пакт о нейтралитете в апреле 1941 г. и развернув в декабре того же года широкомасштабные военные действия на южном направлении. Тем самым стратегическое поражение потерпело и гитлеровское руководство Германии: подписание советско-германского договора и победа советско-монгольских войск на Халхин-Голе отняли у А. Гитлера важного союзника, ослабили фашистско-милитаристский блок в разворачивавшейся коалиционной мировой войне. Уже одно это оправдывает подписание договора о ненападении с Германией.

Не дало ожидавшегося эффекта и заключение 27 сентября 1940 г. в Берлине после длительных переговоров и взаимных подозрений Германией, Японией и Италией Тройственного пакта, слабость которого проявилась хотя бы в том, что примерно в течение года (с сентября 1939 по конец 1940 г.) подписанты, в первую очередь Япония и Германия, пытались втянуть в орбиту этого агрессивного блока Советский Союз («блок четырех против демократии»)⁹⁸. Дело в том, что сложившаяся в сентябре 1939 г. ситуация делала для Японии, не имевшей мощных и надежных союзников на Дальнем Востоке, планы войны с СССР бесперспективными, а это подталкивало прагматичные круги этой страны к определенной, хотя и временной ревизии своих подходов к нему⁹⁹.

Продавец газет несет выпуск с объявлением о вступлении Великобритании в войну. 1939 г.

Немецкие солдаты бегут через горящую норвежскую деревню. Апрель 1940 г.

Бельгийские женщины со слезами на глазах прощаются с мужьями и сыновьями, отправляющимися на фронт. 11 мая 1940 г.

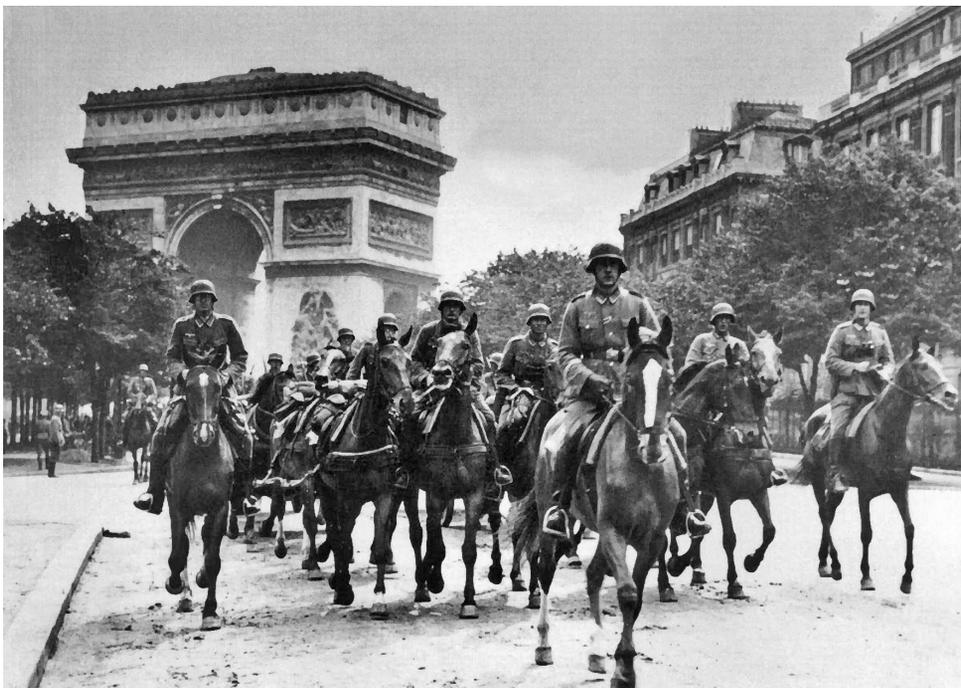
Беженцы покидают свои разрушенные города в Бельгии после немецких бомбежек. Май 1940 г.

Передовые отряды немецких войск входят в Люксембург. Май 1940 г.

Французские артиллеристы заряжают тяжелое орудие. Западный фронт. Май 1940 г.

Немецкий конный отряд в районе Триумфальной арки. Париж. 1940 г.

Немецкое высшее командование вместе с Гитлером триумфально шагает по оккупированному Парижу. 1940 г.

Жители Лондона укрываются от налетов немецкой авиации в тоннеле метро. Осень 1940 г.

Лондонские спасатели извлекают из развалин пострадавших в результате налета немецкой авиации.
Осень 1940 г.

Британские пожарные тушат здания, пострадавшие в результате немецких бомбардировок. 1940 г.

Таким образом, советское руководство допускало ошибку, считая, что вступление в сражение главных сил сторон не совпадет хронологически с началом военных действий. Напомним известное признание Г. К. Жукова: «Внезапный переход в наступление в таких масштабах, притом сразу всеми имеющимися и заранее развернутыми на важнейших стратегических направлениях силами, то есть характер самого удара, во всем объеме нами не предполагался. Ни нарком, ни я, ни мои предшественники Б. М. Шапошников, К. А. Мерецков и руководящий состав Генерального штаба не рассчитывали, что противник сосредоточит такую массу бронетанковых и моторизованных войск и бросит их в первый же день мощными компактными группировками на всех стратегических направлениях с целью нанесения сокрушительных рассекающих ударов»²⁸¹.

Непосредственный свидетель и участник событий тех лет, причем весьма информированный, П. А. Судоплатов так откликнулся на развернувшуюся в начале 1990-х гг. дискуссию по поводу советских предвоенных планов. «Должен сказать, однако, со всей ответственностью, — заявил он, — что плана так называемой превентивной войны с Германией не существовало. Жуков и Василевский предлагали предупредить немцев в стратегическом развертывании войск в случае начала Германией военных действий»²⁸².

После заключения 27 сентября 1940 г. Тройственного пакта Германия, ощущая его слабость, также предприняла настойчивые попытки привязать СССР к фашистскому блоку в целях скорейшего разгрома Великобритании. Нажим особенно усилился в ходе визита 12–14 ноября 1940 г. В. М. Молотова в Берлин. Однако позиции партнеров по переговорам явно не совпадали, и альянс не состоялся.

В начале 1941 г. Япония предприняла еще одну попытку поделить договорным путем мир на четыре сферы влияния, но теперь в качестве союзников предполагалось привлечь не только Германию, Италию и СССР, но и США. На межведомственном совещании кабинета министров и начальников генеральных штабов армии и флота Японии 3 февраля 1941 г. была одобрена новая программа переговоров с руководством Германии, Италии и СССР. Участники совещания разделили мир на следующие сферы: великая восточно-азиатская во главе с Японией; европейская (с Африкой) во главе с Германией и Италией; американская под эгидой США; советская, включая Иран и Индию, во главе с Советским Союзом. Важнейшей внешнеполитической задачей Японии определялось удержание США от вступления в мировую войну; ту же задачу в отношении СССР должны были решать Германия и Италия. На случай, если Советский Союз все же нападет на Японию, Германия и Италия, по мнению участников совещания, должны были немедленно нанести удар по СССР и дать обязательство не заключать с ним секретного мирного договора. Для реализации этих задач и направился в Европу министр иностранных дел Ё. Мацуока¹⁰⁰. Однако идеи японских геополитиков не могли найти поддержку не только у СССР, но даже у Германии и Италии. Провалом закончились и японские переговоры с США, которые велись вплоть до вероломного нападения Японии на Пёрл-Харбор 7 декабря 1941 г.

И все же курс японского и немецкого правительств, направленный на подключение Советского Союза к фашистскому блоку, был на данном этапе выгоден для СССР, занятого тем, чтобы путем создания иллюзий о его все более близкой готовности пойти на сговор с агрессорами на максимально длительное время отвести от себя угрозу крупной войны на Западе и Востоке, и стремившегося использовать это время для укрепления безопасности своих границ, развертывания военного производства и усиления армии и флота. Тактика советского правительства, принятая для ведения переговоров, несомненно, дала положительные результаты, но, к сожалению, не смогла обеспечить решение всех стоявших перед Советским Союзом проблем.

Необходимо отметить, что Советский Союз, несмотря на выгодность предложений со стороны стран оси и очевидную легкость их реализации в случае его согласия, счел необходимым ограничиться военными действиями и дипломатическими акциями в пределах бывших территорий России, причем исключительно в целях повышения безопасности своих западных границ, и не пошел на сделку с фашизмом за счет интересов стран юга Евразии. В то же время на Востоке Советский Союз не дал в обиду дружественные Монголию и Китай (подписывая в апреле 1941 г. пакт о нейтралитете с Советским Союзом, Япония так и не смогла добиться того, чтобы СССР прекратил помощь режиму Чан Кайши и коммунистам)¹⁰¹, не оставил шансов Японии напасть на СССР и обеспечил отсрочку ее агрессии в южном направлении.

С другой стороны, в результате дипломатических маневров вокруг подключения Советского Союза к фашистской коалиции в Токио решили лишь несколько изменить тактику: выждать нападения на Советский Союз фашистской Германии и затем в удобный момент вероломно ударить ему в спину.

Продолжалось наращивание японского военного потенциала в Китае, в первую очередь в Маньчжурии и Корее. В результате к осени 1939 г. японцы контролировали более 25% всей территории Китая с населением около 200 млн человек, что составляло около половины всего населения¹⁰², то есть была оккупирована и эксплуатировалась в целях наращивания потенциала экспансии наиболее развитая и заселенная часть страны.

Постепенно расширяя масштабы агрессии против Китая, Япония продолжала готовиться к большой войне с СССР. В Маньчжурии быстро сооружался так называемый железобетонный пояс, который смог бы обеспечить скрытное наращивание сил и развертывание японской

армии к готовящейся войне с СССР. В рамках этих приготовлений с 1939 г. осуществлялся трехлетний план развития северных районов Маньчжурии. К 1941 г. число укрепленных районов у советских границ достигло 13, а затем было доведено до 17; их расположение и первоначально небольшая глубина говорили о том, что японская армия готовится к наступлению, а не к обороне. Шло и активное наращивание сил Квантунской группировки войск: число дивизий за период с лета 1937 по лето 1941 г. возросло в четыре раза, а численность личного состава достигла 350 тыс. человек. Быстрыми темпами увеличивалась техническая оснащенность группировки: за 1937–1941 гг. число орудий выросло более чем в 4 раза, танков — в 2 раза, самолетов — в 3 раза¹⁰³.

После нападения Германии на СССР военные приготовления Японии в Китае к войне с Советским Союзом еще более активизировались. Реализуя программу срочных военных мероприятий по мобилизационному развертыванию Квантунской группировки войск и приведению ее в полную боевую готовность (план «Кантокуэн»), Япония довела численность Квантунской группировки до 700 тыс. человек. Кроме того, ее командованию подчинялись марионеточные войска Маньчжоу-Го и армия японского ставленника во Внутренней Монголии князя Дэвана (Тонлопа). Специально для участия в войне против Советского Союза был создан 5-й флот¹⁰⁴. По мере приближения гитлеровских войск к Москве в руководящем эшелоне Японии стали усиливаться тенденции к немедленному выступлению против СССР. Из 53 располагавшихся в Китае японских пехотных дивизий в Маньчжурии и других прилегающих к границам СССР районах дислоцировалось 30, из пяти кавалерийских бригад — четыре, из 10 танковых полков — семь, из 20 отдельных бригад — шесть¹⁰⁵. Отсюда можно сделать вывод, что главным фронтом японское командование считало в то время готовящийся фронт войны с СССР, а не с Китаем. Таким образом, даже не воюя, Советский Союз облегчал судьбу борющихся с Японией сил Китая, спасал жизни многих сотен и тысяч китайцев.

Территория Китая уже в который раз использовалась для подготовки нападения на СССР, в том числе для отомобилизации Квантунской группировки и оборудования маньчжурского плацдарма.

С началом гитлеровской агрессии против СССР японская стратегия была уточнена на императорской конференции 2 июля 1941 г. В документе этой конференции, названном «Программа национальной политики империи в соответствии с изменением обстановки», предусматривалось «по-прежнему прилагать усилия к разрешению конфликта в Китае» и вместе с тем «продолжать продвижение на юг». Нападение на Советский Союз связывалось с коренным улучшением стратегической обстановки в пользу гитлеровских войск. В документе говорилось, что «если германо-советская война будет развиваться в направлении, благоприятном для империи, она, прибегнув к силе, разрешит северную проблему»¹⁰⁶. Однако в ходе Великой Отечественной войны такого удобного случая СССР Японии так и не предоставил.

Подготовка Германии к нападению на СССР

18 декабря 1940 г. А. Гитлер подписал директиву № 21, в которой под грифом «Совершенно секретно. Только для командования!» содержался план нападения на Советский Союз. Плану было дано условное наименование «Барбаросса» — прозвище средневекового германского короля Фридриха I, который проводил особо агрессивную захватническую политику и бесславно погиб во время Третьего крестового похода. Основную суть директивы наиболее полно отражали фразы, с которых она начиналась: «Германские вооруженные силы должны быть готовы разбить Советскую Россию в ходе кратковременной кампании еще до того, как будет закончена война против Англии... Приказ о стратегическом развертывании вооруженных сил

против Советского Союза я отдам в случае необходимости за восемь недель до намеченного срока начала операций. Приготовления, требующие более продолжительного времени, если они еще не начались, следует начать уже сейчас и закончить к 15.5.41 г.»¹⁰⁷.

Издание этой директивы явилось как бы подведением итогов начавшегося летом 1940 г. первого этапа подготовки антисоветской агрессии и началом ее завершающего этапа, официально зафиксированным верховным главнокомандующим германскими вооруженными силами. К этому времени жертвами германской агрессии уже стали народы Австрии, Чехословакии, Польши, Дании, Норвегии, Бельгии, Голландии, Люксембурга и Франции. Германии оставалось сокрушить только СССР, чтобы установить свое господство над всей континентальной Европой.

С призывами уничтожить СССР А. Гитлер выступал с самого начала своей политической карьеры. В своей книге «Майн кампф» («Моя борьба»), первое издание которой вышло в свет еще в 1925 г., он заявлял, что главной внешнеполитической целью национал-социалистов является завоевание и заселение немцами обширных земель на востоке Европы, что только захват этих земель обеспечит Германии статус действительно «мировой державы», способной вступить в борьбу за мировое господство. Он писал: «Мы, национал-социалисты, сознательно подводим черту под внешнеполитическим курсом нашего довоенного времени. Мы начинаем движение в том направлении, в котором оно было прекращено шесть веков тому назад. Мы прекращаем вечное германское движение на юг и запад Европы и обращаем взгляд на землю на Востоке. Мы, наконец, завершаем колониальную и торговую политику довоенного времени и сознательно переходим к земельной политике будущего. И если мы сегодня говорим о новых землях, то думаем в первую очередь только о России и подвластных ей окраинных государствах»¹⁰⁸.

С тех пор идея уничтожения СССР заняла особое место во внешнеполитической программе нацистской партии. Это преступное намерение нацисты пытались оправдать, исходя из своего расистского мировоззрения. А. Гитлер утверждал, что громадная Российская империя якобы существовала исключительно благодаря наличию в ней «государствообразующих германских элементов среди неполноценной расы», что без «германского ядра», утраченного в ходе революционных событий в конце Первой мировой войны, она уже созрела для распада¹⁰⁹. Незадолго до захвата нацистами власти в Германии он заявил: «Вся Россия должна быть расчленена на составные части. Эти компоненты являются естественной имперской территорией Германии»¹¹⁰.

После назначения 30 января 1933 г. А. Гитлера рейхсканцлером подготовка к уничтожению СССР стала главным направлением внутренней и внешней политики Третьего рейха. 3 февраля 1933 г. на закрытом совещании с представителями высшего командования рейхсвера А. Гитлер сообщил, что его правительство в области внутренней политики намерено «искоренить марксизм», установить «строго авторитарный режим» и ввести всеобщую воинскую повинность, а во внешней политике — добиться ликвидации Версальского мирного договора, найти союзников, вести борьбу за рынки сбыта и подготовиться к «захвату нового жизненного пространства на Востоке и его беспощадной германизации». При этом он подчеркнул, что приоритет будет отдан подготовке агрессии на Востоке¹¹¹.

Германская агрессия в Европе 1936—1940 гг. рассматривалась нацистами лишь как предлюдия к развязыванию антисоветской агрессии. Заключение германо-советских договоров о ненападении (23 августа 1939 г.) и о дружбе и границе (28 сентября 1939 г.) с дополнительными секретными протоколами рассматривалось в Берлине как тактический маневр в целях создания наиболее благоприятных политических и стратегических предпосылок для нападения на СССР в будущем. Выступая перед группой членов рейхстага 28 августа 1939 г., А. Гитлер подчеркивал, что Пакт о ненападении «ничего не изменяет в принципиальной антибольшевистской политике» и, более того, будет использоваться Германией против Советов¹¹². Представители высшего командного звена были об этом прекрасно информированы.

17 октября 1939 г. генерал-квартирмейстер сухопутных войск Германии полковник Э. Вагнер получил через начальника штаба ОКВ (верховное главнокомандование вермах-

та) генерал-фельдмаршала В. Кейтеля приказ А. Гитлера о том, чтобы в оккупированной немецкими войсками Польше были приведены в порядок и поддерживались в хорошем состоянии железные и шоссейные дороги, а также средства связи. «Эта область, — подчеркивал А. Гитлер, — имеет для нас военное значение как передовое укрепление. Она может быть использована для развертывания войск»¹¹³.

А. Гитлер, по свидетельству его бывшего адъютанта Н. фон Белова, после разгрома Польши неоднократно во время бесед со своими генералами говорил, что ему необходимо «высвободить тыл» на Западе для того, чтобы легче было «разгромить большевизм»¹¹⁴. Это находит подтверждение в протоколе совещания А. Гитлера с представителями высшего командования вермахта, состоявшегося 23 ноября 1939 г. На этом совещании он заявил: «Россия сейчас не опасна. Она сегодня ослаблена многими внутренними процессами. Кроме того, у нас есть договор с Россией. Договоры, однако, соблюдаются только до тех пор, пока они соответствуют целям... Мы сможем выступить против России только тогда, когда будем свободны на Западе»¹¹⁵.

После заключения 22 июня 1940 г. перемирия с Францией германское руководство, несмотря на то что ему не удалось вывести из войны Англию, решило повернуть оружие против СССР. Начальник генерального штаба сухопутных войск генерал-полковник Ф. Гальдер уже 3 июля по собственной инициативе, еще до получения соответствующего распоряжения А. Гитлера приступил к изучению вопроса о «нанесении России военного удара», который «вынудил бы ее признать господствующую роль Германии в Европе»¹¹⁶. 21 июля на совещании у А. Гитлера главнокомандующий сухопутными войсками генерал-фельдмаршал В. Браухич выступил с докладом о соображениях по этому вопросу. Он заявил, что в Красной армии насчитывается всего 50–70 «хороших дивизий» и поэтому для ее разгрома потребуется не более 80–100 немецких дивизий, на сосредоточение и развертывание которых у советской границы уйдет 4–6 недель. А. Гитлер принял этот доклад к сведению и распорядился продолжить планирование¹¹⁷.

К планированию нападения приступило также управление (8 августа переименовано в штаб) оперативного руководства верховного главнокомандования вермахта. Его начальник генерал-полковник А. Йодль был не согласен с В. Браухичем. Он считал, что для разгрома Красной армии потребуется не 100, а 120 дивизий, что для их сосредоточения и развертывания на восточном фронте потребуется не 4–6 недель, а четыре месяца. А. Йодлю 29 июля удалось переговорить с А. Гитлером и убедить его перенести начало нападения на СССР на весну следующего года¹¹⁸. Возникшие разногласия среди немецких военачальников были сняты А. Гитлером на совещании 31 июля, где присутствовали В. Браухич, Ф. Гальдер, В. Кейтель и А. Йодль. А. Гитлером было принято решение о нападении на СССР не в 1940 г., а мае 1941 г. Им же был установлен срок «уничтожения жизненной силы России» — пять месяцев, то есть до наступления русской распутицы. Он ориентировал участников совещания на разгром Красной армии в ходе «одного стремительного удара» и согласился с предложением А. Йодля увеличить количество соединений, предназначавшихся для нападения на СССР, до 120 дивизий¹¹⁹. На основании этих указаний началась новая работа по составлению планов войны на Востоке в генеральном штабе сухопутных войск и управлении оперативного руководства ОКВ.

По поручению Ф. Гальдера генерал Э. Маркс, считавшийся знатоком России, 5 августа 1940 г. составил план под условным названием оперативный проект «Ост». В управлении оперативного руководства ОКВ аналогичный документ под названием оперативная разработка «Ост» по поручению А. Йодля был подготовлен 15 сентября 1940 г. начальником группы «Сухопутные войска» подполковником Б. Лоссбергом. Идеи, изложенные в вариантах Э. Маркса и Б. Лоссберга, легли в основу дальнейшей работы по планированию войны против СССР. Ее координация с начала сентября 1940 г. была возложена на первого обер-квартирмейстера генерального штаба сухопутных войск генерал-лейтенанта Ф. Паулюса. В первой половине декабря работа над планом была завершена.

На его основе Б. Лоссберг под руководством А. Йодля подготовил директиву № 21, которую А. Гитлер подписал 18 декабря 1940 г. В ней в концентрированном виде отразилась

абсолютизация германским военным командованием опыта молниеносных войн против Польши и Франции, уверенность в том, что война против СССР будет выиграна в течение нескольких недель в ходе приграничных сражений. Трём группам армий «Север», «Центр» и «Юг», предназначенным для наступления на ленинградском, московском и киевском направлениях, была поставлена задача только на глубину одной стратегической операции до рубежа рек Днепр — Западная Двина. Группа армий «Центр» должна была наступать танковыми и моторизованными соединениями из района Варшавы и севернее её с целью раздробить силы Красной армии в Белоруссии. Затем ей предписывалось передать часть своих подвижных войск группе армий «Север» для успешного решения задачи по полному уничтожению советских войск в Прибалтике и захвату Ленинграда. После этого группы армий «Центр» и «Север» всеми своими силами должны были возобновить наступление на Москву. Раздельное наступление двух групп армий на Ленинград и Москву предусматривалось только в случае неожиданно быстрого развала фронта советских войск.

Группе армий «Юг» была поставлена задача развернуть основные силы на своих северном и южном флангах, а затем посредством нанесения концентрических ударов до выхода к Днепру полностью уничтожить советские войска на Правобережной Украине. Главный удар наносился из района Люблина в общем направлении на Киев. Находившиеся в Румынии немецкие войска должны были форсировать р. Прут в нижнем течении и осуществить глубокий охват противника.

В директиве подчеркивалась важность быстрейшего захвата немецкими войсками после форсирования Днепра Москвы и Донецкого бассейна. Однако вопрос о взаимодействии групп армий «Центр» и «Юг» во время наступления к востоку от Днепра не рассматривался. Авторы директивы считали, что за Днепром боевые действия будут носить характер преследования остатков разгромленных советских войск, что немецкие войска без особого труда выйдут на линию Волга — Архангельск и создадут там «заградительный барьер против Азиатской России».

В плане «Барбаросса» предусматривалось участие в войне Румынии и Финляндии. Румынские войска должны были «поддержать наступление южного фланга германских войск, хотя бы в начале операции», а «в остальном нести вспомогательную службу в тыловых районах». Финской армии поручалось прикрыть сосредоточение и развертывание у советской границы выдвигавшейся из оккупированной Норвегии группировки германских войск, а затем «вести боевые действия совместно с этими войсками»¹²⁰. В мае 1941 г. к участию в подготовке нападения на СССР была привлечена и Венгрия. Расположенная в центре Европы, она являлась перекрестком важнейших коммуникаций. Без её участия или даже согласия германское командование не могло осуществлять переброску своих войск в Юго-Восточную Европу.

31 января 1941 г. главное командование сухопутных войск (ОКХ) подготовило директиву по стратегическому развертыванию сухопутных войск по плану «Барбаросса». 3 февраля 1941 г. эта директива была одобрена А. Гитлером. Затем она была направлена в штабы трех групп армий, военно-воздушных и военно-морских сил. Штабы групп армий разработали оперативные планы всех своих объединений. Они были уточнены и одобрены в Генеральном штабе сухопутных войск. В конце февраля 1941 г. началось развертывание немецких групп армий у границ СССР.

Параллельно с разработкой плана нападения на СССР, задолго до его утверждения А. Гитлером, начались реорганизация и перевооружение вермахта с учетом вставшей перед ним новой задачи. По распоряжению начальника штаба ОКВ генерал-фельдмаршала В. Кейтеля от 5 сентября 1940 г. общая численность сухопутных войск весной 1941 г. должна была составить 180 дивизий, в том числе 10 моторизованных, 20 танковых и 20 резервных¹²¹. К тому времени германская военная экономика уже переключилась на выпуск оружия для этого огромного количества войск. 20 августа 1940 г. управление военной экономики и вооружения ОКВ получило директиву, в которой говорилось: «Для составления программы вооружения армии военного времени следует взять за основу 200 дивизий (включая дополнения)»¹²². Эта так называемая августовская программа предусматривала в течение семи месяцев, до 1 апреля

1941 г., обеспечить полное перевооружение сухопутных войск. За ее выполнение взялись не только военные предприятия Третьего рейха, но и 4876 предприятий оккупированных Польши, Дании, Норвегии, Голландии, Бельгии и Франции¹²³. В результате перед нападением на СССР уровень вооружения Германии значительно возрос. Однако выпуск военной продукции в ходе выполнения августовской программы постоянно отставал от темпов роста числа дивизий. Так, число танков перед нападением на СССР увеличилось по сравнению с маем 1940 г. на 60%, однако их было недостаточно для того, чтобы оснастить новые танковые дивизии по штатам 1940 г. Поэтому количество танков в танковых дивизиях пришлось значительно сократить. В разросшихся войсках ощущалась нехватка грузовых автомобилей, особенно тягачей для тяжелых артиллерийских орудий. Немецкому командованию пришлось использовать гужевой транспорт. Несмотря на эти и другие проблемы, немецкие войска перед нападением на СССР представляли собой громадную, хорошо оснащенную современной техникой и вооружением армию вторжения¹²⁴.

Рассматривая вопрос о вооружении Германии, нельзя не упомянуть о том, что с сентября 1939 г. и почти до самого начала Великой Отечественной войны СССР оставался одним из ее главных торговых партнеров. В связи с этим в различных изданиях можно встретить утверждение, что советское руководство, продавая Германии продовольствие и сырье, в которых та действительно нуждалась, якобы чуть ли не набивалось ей в союзники. При этом упускается из виду, что СССР использовал торговые связи с Германией для того, чтобы укрепить собственную обороноспособность на случай вовлечения его в войну против той же Германии и ее союзников.

Перед нападением на СССР в вермахте насчитывалось 7,3 млн человек, 71,5 тыс. артиллерийских орудий и минометов, 5,6 тыс. танков и 5,7 тыс. боевых самолетов¹²⁵. Первостепенное внимание германское руководство уделяло наращиванию численности и качественному совершенствованию сухопутных войск. Если перед наступлением на Францию насчитывалось 156 дивизий, в том числе 10 танковых и шесть моторизованных, то перед нападением на СССР было уже 214 дивизий, в том числе 21 танковая и 14 моторизованных. Для «войны на Востоке» было выделено более 70% соединений: 153 дивизии, в том числе 17 танковых и 14 моторизованных, а также три бригады. Это была наиболее боеспособная часть сухопутных войск Германии. Для ее авиационного обеспечения из имевшихся в вермахте пяти воздушных флотов было выделено три флота полностью и один частично¹²⁶. Этих сил, по мнению немецкого военного командования, было вполне достаточно, чтобы разгромить Красную армию в ходе одной быстротечной кампании.

А. Гитлер и его министр иностранных дел И. фон Риббентроп с самого начала Второй мировой войны требовали от своих партнеров по Антикоминтерновскому пакту (фашистской Италии и милитаристской Японии) немедленно вступить в войну против Англии и Франции. Эти требования первой выполнила Италия. Успехи вермахта во французской кампании, начавшейся 10 мая 1940 г., послужили сигналом для ее вступления в «параллельную войну» за установление господства на Средиземном море: 10 июня 1940 г. она объявила войну Англии и Франции. На разгром Франции и распад англо-французской коалиции летом 1940 г. японские милитаристы отреагировали провозглашением в качестве своей программной цели борьбу за создание так называемой великой восточноазиатской сферы процветания и взяли твердый курс на сближение с Германией в расчете заручиться ее помощью в предстоящей борьбе против США и Англии за господство в «восточноазиатском пространстве»¹²⁷.

9 сентября 1940 г. в Токио по германской инициативе начались секретные германо-японские переговоры о военном союзе Германии и Италии с Японией. Эти переговоры завершились заключением в Берлине 27 сентября 1940 г. трехстороннего военного союза, вошедшего в историю под названием «Пакт трех держав». В опубликованном тексте содержалась оговорка, что «данное соглашение никоим образом не затрагивает политического статуса, который в настоящее время существует между каждой из трех сторон и Советской Россией». Для Германии она служила лишь маскировкой готовившегося нападения на СССР. Оговорка о России не означала отказа и Японии от вынашиваемых с начала 1930-х гг. антисовет-

ских военных планов. В ходе германо-японских переговоров в Токио 14 сентября бывший японский посол в Риме Т. Сиратори заявил, что он не оставляет надежды на «установление сотрудничества Германии с Японией в уничтожении России»¹²⁸.

А. Гитлер и его генералы, скрывая от Италии и Японии свои антисоветские планы, на время проведения операции «Барбаросса» отводили им роль прикрытия Германии с флангов и тыла. 5 марта 1941 г. штаб ОКВ издал директиву № 24 «О сотрудничестве с Японией». В ней предусматривалось как можно скорее добиться согласия на проведение операции по захвату главной военно-морской базы Англии в Сингапуре, с тем чтобы «ослабить английские силы», а также отвлечь внимание США от Европы на Тихий океан¹²⁹. Этой директивой запрещалось сообщать японцам о плане «Барбаросса». Однако немецким военным и дипломатам не удалось скрыть роста своей враждебности к СССР от японского посла в Берлине Х. Осимы. Об этом он сообщал в Токио. В том, что А. Гитлер и И. фон Риббентроп крайне агрессивно настроены против СССР, лично убедился и министр иностранных дел Японии Ё. Мацуока во время визита в Берлин в конце марта — начале апреля 1941 г. Они советовали Японии не заключать с СССР никаких политических соглашений и в то же время требовали, чтобы она как можно скорее захватила Сингапур и объявила войну Англии. При этом А. Гитлер гарантировал, что Германия немедленно нанесет сокрушительный удар по любой державе, будь то СССР или США, если кто-то из них посмеет воспрепятствовать расширению японской агрессии в Азиатско-Тихоокеанском регионе¹³⁰.

Ё. Мацуока сомневался в том, что Германия в ближайшее время нападет на СССР. Поэтому он 13 апреля 1941 г. подписал в Москве соглашение с советским правительством о нейтралитете, чтобы обеспечить Японии свободу тыла на севере на случай ее перехода к вооруженной экспансии в южном направлении. Для того чтобы как-то разрядить возникшую в связи с этим некоторую напряженность в германо-японских отношениях, он 6 мая заявил германскому послу в Токио О. Отту: «Ни один премьер-министр или министр иностранных дел не будет в состоянии удержать Японию на нейтральной позиции в случае конфликта с Советским Союзом. В этом случае Япония будет вынуждена напасть на Россию на стороне Германии»¹³¹.

6 июня 1941 г. Х. Осима сообщил в Токио, что А. Гитлер и И. фон Риббентроп в общих чертах все же ознакомили его с планом «Барбаросса». Они предложили японскому правительству, если оно пожелает, «в как можно более короткий срок» подготовиться к нападению на СССР, но точной даты нападения не назвали. Получив такое запоздалое сообщение, японское правительство решило пока продолжать начатую подготовку к войне против Великобритании и США, но если выяснится, что СССР не сможет дать отпор напавшей на него Германии и утратит способность продолжать борьбу, то в этом случае «применить оружие и одним ударом разрешить северную проблему»¹³².

А. Гитлер, И. фон Риббентроп и немецкие генералы до последнего дня перед нападением на СССР скрывали от итальянского союзника свои антисоветские замыслы. Но руководство Италии все же подозревало, что назревает германо-советский конфликт, и было обеспокоено тем, что может остаться в стороне от «борьбы против большевизма». В конце мая 1941 г. оно приступило к формированию особого армейского корпуса, предназначенного для войны против СССР, а 15 июня объявило о своем желании участвовать в «походе на восток»¹³³. На это Берлин никак не отреагировал. Лишь 21 июня 1941 г. А. Гитлер в письме Б. Муссолини сообщил, что самой лучшей помощью Германии стали бы увеличение численности итальянских войск в Северной Африке и активизация боевых действий итальянской авиации и флота на Средиземном море. Но от отправки итальянского корпуса на советско-германский фронт А. Гитлер не отказался¹³⁴.

Для того чтобы создать более благоприятные условия для размещения своих войск у западных границ СССР, Германия добилась присоединения к Пакту трех держав ряда стран Европы: Венгрии (20 ноября 1940 г.), Румынии (23 ноября 1940 г.), Словакии (24 ноября 1940 г.), Болгарии (1 марта 1941 г.), независимого государства Хорватия (16 июня 1941 г.), созданного германским правительством после разгрома и расчленения Югославии в апреле

1941 г. С Финляндией Германия установила военное сотрудничество без включения ее в Пакт трех держав. Под прикрытием заключенных с ней двух соглашений от 12 и 20 сентября 1940 г. о транзите военных материалов и войск в оккупированную Норвегию началось превращение финской территории в операционную базу для нападения на СССР¹³⁵.

Завершить развертывание основных сил Германии на востоке по плану «Барбаросса», как намечалось, до 15 мая не удалось, поскольку часть немецких войск с 6 по 29 апреля 1941 г. участвовала в Балканском походе вермахта против Югославии и Греции. 30 апреля на совещании высшего командования вермахта начало операции «Барбаросса» было перенесено на 22 июня 1941 г.

Развертывание немецких войск, предназначенных для нападения на СССР, завершилось в середине июня 1941 г. В группировке вооруженных сил Германии 22 июня 1941 г. насчитывалось 4,1 млн человек, 40,5 тыс. артиллерийских орудий, около 4,2 тыс. танков и штурмовых орудий, более 3,6 тыс. боевых самолетов и 159 кораблей. С учетом войск Финляндии, Румынии и Венгрии, развернутых для вторжения в СССР, были выделены около 5 млн человек, 182 дивизии и 20 бригад, 47,2 тыс. орудий и минометов, около 4,4 тыс. танков и штурмовых орудий, более 4,3 тыс. боевых самолетов и 246 кораблей¹³⁶.

18 июня 1941 г. А. Гитлер вызвал к себе И. фон Риббентропа и дал ему указания по ведению пропаганды. И. фон Риббентроп должен был впредь лживо утверждать, что якобы из-за нарушения советскими войсками границы и вызывающего тревогу развертывания Красной армии вермахту уже нельзя было медлить с нанесением упреждающего удара. Аналогичные указания были даны отделу пропаганды ОКВ. Так родилась легенда о превентивной войне Германии против СССР¹³⁷. Она была озвучена сначала в «Дневном приказе солдатам восточного фронта» 21 июня, а затем и в «Обращении Адольфа Гитлера к немецкому народу», зачитанном министром пропаганды Й. Геббельсом в специальной передаче Великогерманского радио в 5 часов 30 утра (по берлинскому времени) 22 июня 1941 г. В это время невиданная в истории войн мощнейшая германская армия вторжения уже перешла в наступление в глубь советской территории. Немецкое военное руководство было уверено в успехе начавшегося похода. Главнокомандующий сухопутными войсками вермахта генерал-фельдмаршал В. Браухич заверил А. Гитлера в том, что Красная армия будет разбита уже в ходе «ожесточенных пограничных сражений» в течение первых четырех недель войны¹³⁸.

В то, что германский вермахт способен разгромить Красную армию в течение нескольких недель или месяцев, верили и руководители союзных Германии стран. Поэтому правители Италии, Словакии и Хорватии, с которыми А. Гитлер не хотел делиться славой победителя в очередной успешной военной кампании, как только узнали о начале нашествия на СССР, по собственной инициативе спешно направили на германский восточный фронт свои войска. В считанные недели сюда прибыли итальянский экспедиционный корпус в составе трех дивизий, словацкий корпус с двумя дивизиями и хорватский усиленный полк. Эти соединения поддерживали 83 итальянских, 51 словацкий и до 60 хорватских боевых самолетов¹³⁹.

Таким образом, летом 1941 г. против СССР выступили главные военные силы блока агрессоров. Началась беспрецедентная по размаху и напряженности вооруженная борьба. От исхода этой борьбы зависел не только дальнейший ход Второй мировой войны, но и мировой истории.

План «Ост» — план порабощения и уничтожения народов СССР

Высшие инстанции Третьего рейха заблаговременно разработали планы не только ведения войны против Советского Союза, но и его экономической эксплуатации и расчленения. Представление о том, как нацистская верхушка видела ведение войны на уничтожение, дают выступления А. Гитлера перед высшим командным составом вермахта 9 января, 17 и 30 марта

1941 г. Он заявлял, что война против СССР будет «полной противоположностью нормальной войне на западе и севере Европы», в ней предусматривается «тотальное разрушение», «уничтожение России как государства». Пытаясь подвести идейную базу под эти преступные замыслы, он объявил, что предстоящая война против СССР будет «борьбой двух идеологий» с «применением жесточайшего насилия», что в этой войне предстоит разгромить не только Красную армию, но и «механизм управления» СССР, «уничтожить комиссаров и коммунистическую интеллигенцию», функционеров и таким путем разрушить «мировоззренческие узы» русского народа¹⁴⁰.

Представители высшего командного состава вермахта к началу войны против СССР хорошо усвоили нацистское мировоззрение и воспринимали А. Гитлера не только как верховного главнокомандующего, но и как идейного вождя. Его преступные указания они облекали в форму приказов войскам. 28 апреля 1941 г. В. Браухичем был издан приказ «Порядок использования полиции безопасности и СД в соединениях сухопутных войск». В приказе подчеркивалось, что войсковые командиры совместно с командирами специальных карательных формирований нацистской службы безопасности (СД) несут ответственность за проведение акций по уничтожению в тыловых прифронтовых районах без суда и следствия коммунистов, евреев и «прочих радикальных элементов». Начальник штаба ОКВ В. Кейтель 13 мая 1941 г. издал указ «Об особой подсудности в районе «Барбаросса» и особых полномочиях войск». Согласно указу с солдат и офицеров вермахта снималась ответственность за будущие преступления на оккупированной территории СССР. Им предписывалось быть безжалостными, расстреливать на месте без суда и следствия всех, кто окажет хотя бы малейшее сопротивление или будет сочувствовать партизанам. В «Руководящих указаниях о поведении войск в России», подготовленных в штабе ОКВ в качестве одного из приложений к особому распоряжению № 1 от 19 мая 1941 г. к директиве «Барбаросса», говорилось: «Эта борьба требует беспощадных и решительных действий против большевистских подстрекателей, партизан, саботажников, евреев и полного подавления любой попытки активного или пассивного сопротивления»¹⁴¹. 6 июня 1941 г. штаб ОКВ издал «Инструкцию об обращении с политическими комиссарами». Солдатам и офицерам вермахта предписывалось истреблять на месте попавших в плен всех политических работников Красной армии¹⁴². Эти противоречившие международному праву, идеологически мотивированные приказы ОКВ и ОКХ были одобрены А. Гитлером.

Преступные цели руководства нацистской Германии в войне против СССР, если изложить их в нескольких строках, сводились к следующему: уничтожение Советского Союза как государства, захват его богатств и земель, истребление наиболее активной части населения, прежде всего представителей партийных и советских органов, интеллигенции и всех тех, кто вел борьбу против агрессора. Остальным гражданам были уготованы либо изгнание в Сибирь без средств к существованию, либо участь рабов арийских хозяев. Обоснованием этих целей служили расистские взгляды нацистского руководства, презрение к славянам и другим народам-«недочеловекам», мешающим обеспечить «существование и размножение высшей расы» якобы из-за катастрофической нехватки ей «жизненного пространства».

«Расовая теория» и «теория жизненного пространства» зародились в Германии задолго до прихода нацистов к власти, но лишь при них они приобрели статус государственной идеологии, охватившей широкие слои населения¹⁴³. Война против СССР рассматривалась нацистской верхушкой прежде всего как война против славянских народов. В разговоре с президентом сената Данцига Х. Раушнинггом А. Гитлер объяснял: «Одна из основных задач германского государственного правления заключается в том, чтобы навсегда предотвратить всеми возможными средствами развитие славянских рас. Естественные инстинкты всех живых существ подсказывают нам не только необходимость побеждать своих врагов, но и уничтожать их»¹⁴⁴. Аналогичной установки придерживались и другие руководители фашистской Германии, в первую очередь один из ближайших соратников А. Гитлера рейхсфюрер СС и полиции Г. Гиммлер, который 7 октября 1939 г. одновременно занял пост «рейхскомиссара по укреплению немецкой расы». А. Гитлер поручил ему заняться вопросами «возвращения» из других стран имперских немцев и фольксдойче и создания новых поселений по мере того,

как в ходе войны будет расширяться немецкое жизненное пространство на Востоке. Г. Гиммлер играл ведущую роль в решении вопроса о будущем, которое должно было бы ожидать население на советской территории вплоть до Урала после победы Германии. Полагая, что Красная армия очень скоро будет разбита, 24 июня 1941 г. он дал задание начальнику планового отдела при рейхскомиссаре по укреплению немецкой расы, директору Института по аграрному делу и аграрной политике Берлинского университета профессору К. Мейеру-Хетлингу подготовить план массовой депортации коренного населения из Центральной и Восточной Европы, чтобы высвободить пространство для заселения немцами.

А. Гитлер, на протяжении всей своей политической карьеры выступавший за расчленение СССР, 16 июля на совещании в своей ставке с участием Г. Геринга, А. Розенберга, Г. Ламмерса, М. Бормана и В. Кейтеля определил задачи национал-социалистической политики в России: «Основной принцип заключается в том, чтобы этот пирог разделить наиболее сподручным способом, для того чтобы мы могли: во-первых, им владеть, во-вторых, им управлять и, в-третьих, его эксплуатировать»¹⁴⁵. На этом же совещании А. Гитлер решил, что после разгрома СССР территория Третьего рейха должна быть расширена на востоке по крайней мере до Урала. Он заявил: «Вся Прибалтика должна стать областью империи, Крым с прилегающими районами, волжские районы должны стать областью империи точно так же, как Бакинская область»¹⁴⁶.

Через несколько дней на состоявшемся 31 июля 1940 г. совещании высшего командования вермахта, посвященном подготовке нападения на СССР, А. Гитлер заявил: «Украина, Белоруссия и Прибалтика — нам». Северо-западные районы России вплоть до Архангельска он собирался тогда передать Финляндии¹⁴⁷.

Г. Гиммлер 25 мая 1940 г. подготовил и представил А. Гитлеру «Некоторые соображения об обращении с местным населением восточных областей». Он писал: «Мы в высшей степени заинтересованы в том, чтобы ни в коем случае не объединять народы восточных областей, а наоборот, дробить их на возможно более мелкие ветви и группы. Что касается отдельных народностей, мы намерены стремиться к их сплочению»¹⁴⁸.

Инициированный Г. Гиммлером секретный документ под названием генеральный план «Ост» был представлен 15 июля. Планом предусматривалось в течение 25–30 лет депортировать 80–85% населения из Польши, 85% из Литвы, 65% из Западной Украины, 75% из Белоруссии и по 50% жителей из Латвии, Эстонии и Чехии. По подсчетам А. Мейера, на пространстве, подлежащем немецкой колонизации, проживали 45 млн человек. Не менее 31 млн тех из них, кто будет объявлен «нежелательным по расовым показателям», предполагалось выселить в Сибирь, а сразу после разгрома СССР переселить на освободившиеся территории до 840 тыс. немцев. В течение последующих двух-трех десятилетий планировались еще две волны поселенцев численностью в 1,1 и 2,6 млн человек¹⁴⁹. Объясняя, откуда взять столько людей для заселения, в сентябре 1941 г. А. Гитлер заявил, что на советских землях, которые должны стать «провинциями рейха», необходимо проводить «планомерную расовую политику», направляя туда и наделяя землями не только немцев, но и родственников им по языку и крови норвежцев, шведов, датчан и голландцев¹⁵⁰. «При заселении русского пространства, — говорил он, — мы должны обеспечить имперских крестьян необычайно роскошным жильем. Германские учреждения должны размещаться в великолепных зданиях — губернаторских дворцах. Вокруг них будут выращивать все необходимое для жизни немцев. Вокруг городов в радиусе 30–40 км раскинутся поражающие своей красотой немецкие деревни, соединенные самыми лучшими дорогами. Возникнет другой мир, в котором русским будет позволено жить, как им угодно. Но при одном условии: господами будем мы. В случае мятежа нам будет достаточно сбросить пару бомб на их города, и дело сделано. А раз в год проведем группу киргизов по столице рейха, чтобы они прониклись сознанием мощи и величия ее архитектурных памятников. Восточные пространства станут для нас тем, чем была для Англии Индия. Если бы я мог втолковать все это, как они важны для будущего!»¹⁵¹ После поражения под Москвой А. Гитлер утешал собеседников: «Потери будут восстановлены в многократно превосходящем их объеме в поселениях для чистокровных немцев, которые

я создам на Востоке... Право на землю согласно вечному закону природы принадлежит тому, кто завоевал ее, исходя из того, что старые границы сдерживают рост численности народа. И то, что у нас есть дети, которые хотят жить, оправдывает наши притязания на вновь завоеванные восточные территории»¹⁵². Продолжая эту мысль, А. Гитлер говорил: «На Востоке есть железо, уголь, пшеница, древесина. Мы построим роскошные дома и дороги, и те, кто вырастет там, полюбят свою родину и однажды, как немцы Поволжья, навсегда свяжут с ней свою судьбу»¹⁵³.

Особые планы нацисты вынашивали в отношении русского народа. Солдатам и офицерам вермахта вручались памятки, в которых говорилось: «...убивай всякого русского, советского, не останавливайся, если перед тобой старик или женщина, девочка или мальчик, — убивай, этим ты спасешь себя от гибели, обеспечишь будущее своей семьи и прославишься навеки»¹⁵⁴. Один из разработчиков генерального плана «Ост» доктор Э. Ветцель, референт по расовым вопросам в восточном министерстве А. Розенберга, подготовил для Г. Гимmlера документ, в котором утверждалось, что «без полного уничтожения» или ослабления любыми способами «биологической силы русского народа» установить «немецкое господство в Европе» не удастся. «Речь идет не только о разгроме государства с центром в Москве, — писал он. — Достижение этой исторической цели никогда не означало бы полного решения проблемы. Дело заключается, скорее всего, в том, чтобы разгромить русских как народ, разобщить их»¹⁵⁵.

О глубокой враждебности А. Гитлера к славянам свидетельствуют записи его застольных разговоров, которые с 21 июня 1941 до июля 1942 г. вели сначала министерский советник Г. Гейм, а затем доктор Г. Пикер¹⁵⁶, а также записи о целях и методах оккупационной политики на территории СССР, сделанные представителем восточного министерства в ставке А. Гитлера В. Кёппеном¹⁵⁷ с 6 сентября по 7 ноября 1941 г. Записи Г. Гейма и Г. Пикера отличаются от записей В. Кёппена тем, что велись по поручению самого А. Гитлера под контролем его заместителя по нацистской партии и руководителя партийной канцелярии М. Бормана, тогда как В. Кёппен вел свои записи неофициально по поручению А. Розенберга, назначенного имперским министром оккупированных восточных областей. В первом случае авторы преследовали цель представить А. Гитлера деятелем, желающим обеспечить немцам процветание посредством захвата земель на Востоке, В. Кёппен же стремился фиксировать каждое указание фюрера относительно того, каким образом должен быть насажден «новый порядок» на советских территориях. Из записей В. Кёппена явствует, что русских, украинцев и белорусов А. Гитлер и его окружение называли не иначе как «славянским сбродом», не способным к самоуправлению. А. Гитлер заявлял, что не следует даже думать о предоставлении русским и украинцам возможности получить какое-либо образование. Их нужно будет использовать исключительно как рабочую силу при освоении Востока имперскими и зарубежными немцами (последних, по его словам, насчитывалось 1,5 млн человек)¹⁵⁸. Видя в русских лишь рабскую силу, А. Гитлер замечал: «В данном случае было бы совершенно бессмысленно говорить о трудовой морали и долге, люди этого не поймут, так как привыкли реагировать только на удары кнута».

После поездки А. Гитлера на Украину в сентябре 1941 г. В. Кёппен фиксировал разговоры в Ставке: «В Киеве сторел целый квартал, но в городе проживает все еще довольно большое количество человек. Они производят очень плохое впечатление, внешне походят на пролетариев, и поэтому их численность следовало бы сократить на 80–90%. Фюрер немедленно поддержал предложение рейхсфюрера (Г. Гимmlера. — *Прим. ред.*) конфисковать расположенный неподалеку от Киева древний русский монастырь (как он называется, нам не сказали), чтобы он не превратился в центр возрождения православной веры и национального духа»¹⁵⁹. И русские, и украинцы, и славяне в целом, по мнению А. Гитлера, принадлежали к расе, недостойной гуманного обращения и затрат на образование: «С них будет вполне достаточно умения читать дорожные указатели, немецкому учителю там нечего делать. Под свободой украинцы понимают разрешение мыться только один раз в месяц, а не два раза, как прежде, немец со своей зубной щеткой вскоре будет вызывать у них только раздражение. Он лично, будучи фюрером немецкого народа, принял достаточно хорошо продуманное реше-

ние управлять именно в соответствии с этими принципами, и его совершенно не интересует мнение славян по этому поводу»¹⁶⁰.

После разговора с А. Гитлером 8 июля 1941 г. начальник Генерального штаба сухопутных войск генерал-полковник Ф. Гальдер записал в своем дневнике: «Непоколебимо решение фюрера сровнять Москву и Ленинград с землей, чтобы полностью избавиться от населения этих городов, которое в противном случае мы потом будем вынуждены кормить в течение зимы. Задачу уничтожения этих городов должна выполнить авиация. Для этого не следует использовать танки. Это будет народное бедствие, которое лишит центров не только большевизм, но и москвитов (русских) вообще»¹⁶¹. Разговор Ф. Гальдера с А. Гитлером, посвященный уничтожению населения Ленинграда, В. Кёппен конкретизирует следующим образом: «Город нужно будет лишь взять в кольцо, подвергнуть артиллерийскому обстрелу и взять измором. Не имеет значения, сколько это займет времени: несколько дней или даже недель. Осуществить предложенный финнами план отвода воды расположенного на возвышенности Ладожского озера в Финский залив и тем самым затопить Ленинград технически довольно сложно»¹⁶².

Оценивая положение на фронте, 9 октября В. Кёппен записал: «Фюрер дал распоряжение о запрете немецким солдатам вступать на территорию Москвы. Город будет окружен и стерт с лица земли»¹⁶³. Соответствующий приказ был подписан 7 октября и подтвержден главным командованием сухопутных войск в «Указании о порядке захвата Москвы и обращении с ее населением» от 12 октября 1941 г.¹⁶⁴ Группе армий «Центр» запрещалось принимать капитуляцию Москвы, и ни одному немецкому солдату не разрешалось вступать в город до тех пор, пока он не будет превращен в руины артиллерийским обстрелом и воздушными налетами, а гражданское население не будет обращено в бегство. В указании подчеркивалось, что «совершенно безответственно было бы рисковать жизнью немецких солдат для спасения русских городов от пожаров или кормить их население за счет Германии». Аналогичную тактику немецким войскам предписывалось применять ко всем советским городам, при этом разъяснялось, что «чем больше населения советских городов устремится во внутреннюю Россию, тем сильнее увеличится хаос в России и тем легче будет управлять оккупированными восточными районами и использовать их». В записи от 17 октября В. Кёппен отметил также, что А. Гитлер дал понять генералам — после победы он намерен сохранить лишь немногие русские города¹⁶⁵.

В начале января 1942 г. А. Гитлер сделал очередное заявление по поводу политики в области образования на оккупированных советских землях: «Прежде всего мы не должны направлять немецких учителей на восточные территории. Иначе мы потеряем и детей, и родителей. Мы потеряем весь народ, так как вбитые в его головы знания впрок не пойдут. Самое лучшее было бы, если бы люди освоили там язык жестов. По радио для общины передавали бы то, что ей полезно: музыку в неограниченном количестве. Только к умственной работе приучать их не следует. Не допускать никаких печатных изданий. Кто-нибудь видел, чтобы европейская культура дала там достойные плоды? Возник духовный анархизм! Эти люди будут считать себя самыми счастливыми, если их по возможности оставят в покое. Иначе мы вырастим там наших злейших врагов!»¹⁶⁶. Записи, сделанные Г. Геймом, Г. Пикером и В. Кёппеном, лишь отчасти раскрывают замысел нацистов относительно будущего славян на Востоке после победы Германии — довести их до первобытного состояния. В этих записях отсутствует главное — намерение физически уничтожить славянское население Центральной и Восточной Европы.

К концу декабря 1941 г. значительная часть СССР оказалась оккупированной. На территориях, прилегавших к линии фронта, власть принадлежала немецкой военной администрации. Во главе ее стоял генеральный квартирмейстер главного командования сухопутных войск Э. Вагнер. Начальниками военной администрации при группах армий «Север», «Центр» и «Юг» в их тыловых районах являлись командующие — генералы сухопутных войск, а при армиях — коменданты тыловых районов. Они опирались на многочисленные гарнизоны, полевые, поселковые и городские комендатуры. В их распоряжении находились охранные

дивизии, караульные и полицейские батальоны, части полевой жандармерии. Помощь в «обеспечении безопасности пространства» в оперативном тылу командующим оказывали начальники СС и полиции, в распоряжении которых имелись три бригады СС и ряд самостоятельных полицейских подразделений¹⁶⁷.

По мере продвижения на Восток за тыловыми районами групп армий устанавливалось управление немецкой гражданской администрации. Общее руководство ею осуществлялось созданным в Берлине 17 июля 1941 г. на основании указа А. Гитлера «О гражданском управлении в оккупированных восточных областях» имперским министерством по делам оккупированных восточных областей (восточное министерство). Возглавил его рейхслейтер А. Розенберг. В состав министерства вошли гауляйтер земли Вестфален-Норд и заместитель земли Шаумбург-Липпе А. Мейер (заместитель А. Розенберга). Главный отдел «Политика» возглавил Г. Лейббранд, прежде отвечавший за антикоммунистическую пропаганду во внешнеполитическом управлении НСДАП. Его заместителем стал профессиональный дипломат О. Бройтигам, одновременно обеспечивавший связь восточного министерства с командованием вермахта. В главном отделе «Хозяйство» промышленным сектором руководил Г. Шлоттерер, сельскохозяйственным — Г.-И. Рике. Годом ранее Г. Шлоттерер работал в министерстве экономики, занимаясь хозяйственными проблемами установления «нового порядка в Европе». Будучи прикомандированным к восточному министерству, он оставался начальником восточного отдела своего прежнего министерства и руководителем группы промыслового хозяйства в экономическом штабе «Восток», членом административного совета общества «Берген унд Хюттен Ост». На новой для себя должности в восточном министерстве Г.-И. Рике одновременно оставался начальником отдела министерства продовольствия и сельского хозяйства и начальником главной группы продовольствия экономического штаба «Восток».

Региональными гражданскими сферами власти оккупантов являлись рейхскомиссариаты. План их создания был подготовлен А. Розенбергом в сотрудничестве с МИД Германии еще в начале мая 1941 г. Рейхскомиссариат «Остланд» во главе с гауляйтером Шлезвиг-Гольштейна Г. Лозе включал Прибалтийские республики и часть Белоруссии. В рейхскомиссариат «Украина», управлявшийся гауляйтером Восточной Пруссии Э. Кохом, была включена большая часть Украинской ССР. Рейхскомиссариату «Остланд» подчинялись областные генеральные комиссариаты Эстонии, Латвии, Литвы и части белорусской территории, которая, дабы завуалировать историческую связь русского и белорусского народов, была переименована в «Белую Рутению» (Weissruthenien). В составе рейхскомиссариата «Украина» были созданы генеральные комиссариаты (в Волыне-Подоллии, Николаеве, Житомире, Киеве и Днепрпетровске). Генеральные комиссариаты включали в себя комиссариаты окружные и городские с районными и местными органами управления.

На рейхскомиссаров возлагалось руководство «всеми сферами гражданского управления их областями». Командующим оккупационными войсками генералам В. Бремеру («Остланд») и К. Критцингеру («Украина») было дано указание оказывать поддержку рейхскомиссарам в политической и управленческой работе и обеспечивать внутреннюю военную безопасность. К рейхскомиссарам были прикомандированы руководители СС и полиции — обергруппенфюреры СС Ф. Йеккельн («Остланд») и Г. Прютцманн («Украина»). При окружных генеральных комиссарах действовали руководители СС и полиции. Рейхсфюрер СС Г. Гиммлер обладал правом через этих руководителей «отдавать директивы» рейхскомиссарам по вопросам, относящимся к обеспечению политической безопасности. Для решения хозяйственных вопросов рейхскомиссарам придавались учреждения экономического штаба «Восток», которыми руководили люди, обладающие опытом работы на частных предприятиях.

Ввиду нарастающего сопротивления Красной армии создание рейхскомиссариатов растянулось до конца 1941 г. В ходе этого разрушалась территориальная целостность и перекраивались границы оккупированных советских республик. 1 августа белорусский округ Белосток и г. Брест были включены в состав Восточной Пруссии, а Западная Украина (Галиция) — в состав «Генерал-губернаторства Германской империи», образованного 29 октября 1939 г. в восточной части захваченной польской территории. Одновременно было объявлено

о включении в рейхскомиссариат «Остланд» Литовской ССР. 30 августа украинские земли между Днестром и Бугом и Молдавию, названные Транснистрией, Германия передала союзной ей Румынии. 1 сентября в рейхскомиссариат «Остланд» были включены также Минск с прилегающей к нему областью и Латвийская ССР, а в рейхскомиссариат «Украина» — территория между Пинском, Брестом, Каменец-Подольским и Могилёвом. 20 октября в составе того же рейхскомиссариата оказались районы Винницы, Первомайска, Черкасс, Киева и Житомира, 15 ноября — Николаева, Херсона, Никополя и Днепропетровска. 5 декабря «Остланд» пополнился Эстонией с сохранением в ней немецкой военной администрации¹⁶⁸. Созданию запланированного перед нападением на СССР рейхскомиссариата «Москва», территория которого должна была простираться от западных границ России далеко за Урал, а также рейхскомиссариата «Кавказ» препятствовала Красная армия.

Пытаясь разобщить население оккупированных территорий в областях, где советская власть была образована лишь в 1939–1940 гг. (Западная Украина, Западная Белоруссия, Прибалтика), фашисты установили тесные контакты с националистами. Чтобы стимулировать их, было решено допустить «местное самоуправление». Однако в восстановлении собственной государственности народам Прибалтики и Белоруссии было отказано. Когда вслед за вступлением немецких войск в Литву националисты без их санкции создали правительство во главе с полковником К. Скирпой, германское руководство отказалось его признать, заявив, что вопрос об образовании правительства в Вильно будет решаться только после победы в войне¹⁶⁹. Берлин не допускал мысли о восстановлении государственности в Прибалтийских республиках и Белоруссии, решительно отвергая просьбы «расово неполноценных» коллаборационистов создать собственные вооруженные силы и прочие атрибуты власти. Вместе с тем руководство вермахта охотно использовало их для формирования добровольческих иностранных частей, которые под командованием немецких офицеров участвовали в боевых действиях против партизан и на фронте. Они же служили в качестве бургомистров, деревенских старост, во вспомогательных подразделениях полиции и прочее.

В рейхскомиссариате «Украина», от которого была отторгнута значительная часть территории, включенная в состав Транснистрии и Генерал-губернаторства в Польше, пресекались любые попытки националистов не только возродить государственность, но и создать «украинское самоуправление в политически целесообразной форме»¹⁷⁰.

Вопреки надеждам нацистов благоприятных условий для развития коллаборационизма на оккупированных западных территориях РСФСР не возникло и единой гражданской администрации, существовавшей на Украине, создано не было. Занятые вермахтом русские области были поделены на округа, во главе которых стояли обер-бургомистры. Округ объединял семь-восемь районов. В каждом имелась районная управа, район делился на шесть-семь волостей, возглавляемых волостными старшинами¹⁷¹.

При подготовке нападения на СССР нацистская верхушка чуть ли не первостепенное значение придавала разработке планов использования советского экономического потенциала в интересах обеспечения программы завоевания германского мирового господства. На совещании с командованием вермахта 9 января 1941 г. А. Гитлер говорил, что если Германия «заполучит в свои руки неисчислимые богатства огромных русских территорий», то «в будущем она сможет вести борьбу против любых континентов»¹⁷².

В марте 1941 г. для эксплуатации оккупированной территории СССР в Берлине была создана военизированная государственно-монополистическая организация — штаб экономического руководства «Восток». Его возглавили два старых соратника А. Гитлера: заместитель Г. Геринга, председатель наблюдательного совета концерна «Герман Геринг», статс-секретарь П. Кёрнер и начальник управления военной промышленности и вооружения объединенного командования вермахта генерал-лейтенант Г. Томас. В их подчинении находился экономический штаб «Восток» во главе с генерал-лейтенантом В. Шубертом, сфера деятельности которого распространялась на всю экономику оккупированных восточных земель. Кроме «руководящей группы», которая занималась также рабочей силой, в состав штаба входили группы промышленности, сельского хозяйства, организации работы предприятий и лес-

ного хозяйства. С самого начала в нем доминировали представители немецких концернов: Мансфельда, Круппа, Цейса, Флика, «И. Г. Фарбен». На 15 октября 1941 г. без учета экономических команд в Прибалтике и соответствующих специалистов в армии штаб насчитывал около 10 тыс., а концу года — 11 тыс. человек¹⁷³.

Планы германского руководства по эксплуатации советской промышленности были изложены в «Директивах по руководству во вновь оккупированных областях», получивших по цвету переплета название «Зеленая папка» Г. Геринга. Директивами предусматривалось организовать на территории СССР добычу и вывоз в Германию тех видов сырья, которые были важны для функционирования германской военной экономики, и восстановить ряд заводов в целях ремонта техники вермахта и производства отдельных видов вооружения. Большинство советских предприятий, выпускающих мирную продукцию, планировалось уничтожить. Особый интерес Г. Геринг и представители военно-промышленных концернов проявляли к захвату советских нефтеносных районов. В марте 1941 г. было основано нефтяное общество под названием «Континенталь А. Г.», председателями правления которого стали Э. Фишер от концерна «И. Г. Фарбен» и К. Блессинг, бывший директор Имперского банка¹⁷⁴.

В общих указаниях организации «Восток» от 23 мая 1941 г. по экономической политике в области сельского хозяйства говорилось, что целью военной кампании против СССР является «снабжение немецких вооруженных сил, а также обеспечение на долгие годы продовольствием немецкого гражданского населения». Реализовать эту цель планировалось за счет «уменьшения собственного потребления России» посредством перекрытия каких-либо поставок излишков продуктов из черноземных южных областей в северную нечерноземную зону, в том числе в такие промышленные центры, как Москва и Ленинград¹⁷⁵. Те, кто готовил эти указания, прекрасно осознавали, что это приведет к голодной смерти миллионов советских граждан. На одном из совещаний штаба «Восток» говорилось: «Если мы сумеем выкачать из страны все, что нам необходимо, то десятки миллионов людей будут обречены на голод»¹⁷⁶.

Штабу экономического руководства «Восток» подчинялись экономические инспекции, действовавшие в оперативном тылу немецких войск на восточном фронте, экономические отделы в тылу армий, включая технические батальоны специалистов горнодобывающей и нефтяной промышленности, части, занятые изъятием сырья, сельскохозяйственной продукции и орудий производства. Экономические команды были созданы в дивизиях, экономические группы — в полевых комендатурах. В частях, экспроприрующих сырье и контролирующих работу захваченных предприятий, советниками состояли специалисты немецких концернов. Уполномоченному по металлу ротмистру В.-Г. Шу и генерал-инспектору по изъятию сырья В. Виттингу предписывалось сдавать трофеи военным концернам Флика и «И. Г. Фарбен»¹⁷⁷.

Сателлиты Германии за пособничество в агрессии также рассчитывали на быструю победу и богатую добычу. Правящая верхушка Румынии во главе с диктатором И. Антонеску намеревалась вернуть не только Бессарабию и Северную Буковину, которую ей пришлось уступить СССР летом 1940 г., но и получить значительную часть территории советской Украины. В Будапеште за участие в нападении на СССР мечтали заполучить бывшую Восточную Галицию, включая нефтеносные районы в Дрогобыче, а также всю Трансильванию, так как по второму Венскому арбитражу, осуществленному Германией и Италией в августе 1940 г., Румыния была вынуждена уступить Венгрии только северные районы этой спорной области. Правящие круги Финляндии надеялись при содействии Германии распространить свою власть на советские земли к северу от Невы и Свири, то есть на часть Ленинградской области, советскую Карелию и Кольский полуостров¹⁷⁸.

В программном выступлении на совещании эсэсовских руководителей 2 октября 1941 г. начальник главного управления имперской безопасности Р. Гейдрих заявил, что после войны Европа будет делиться на «германское великое пространство», где будет жить германское население — немцы, голландцы, фламандцы, норвежцы, датчане и шведы, и на «восточное пространство», которое станет сырьевой базой для германского государства и где «немецкий высший слой» будет использовать покоренное местное население в качестве «илотов», то

есть рабов¹⁷⁹. У Г. Гимmlера на этот счет было иное мнение. Его не устраивала проводившаяся кайзеровской Германией политика германизации населения захваченных территорий. Он считал ошибочным стремление старых властей заставить покоренные народы отказаться лишь от родного языка, национальной культуры, вести немецкий образ жизни и исполнять немецкие законы. Славяне, как и евреи, и цыгане, вообще не должны проживать на территории, которую захватывает вермахт. В газете «Дас Шварце Кор» от 20 августа 1942 г. в статье «Германизировать ли?» Г. Гимmlер писал: «Нашей задачей является не германизировать Восток в старом смысле этого слова, то есть привить населению немецкий язык и немецкие законы, а добиться того, чтобы на Востоке жили люди только действительно немецкой, германской крови»¹⁸⁰.

Достижению этой цели служило массовое уничтожение мирного населения и военнопленных, происходившее с самого начала вторжения немецких войск на территорию СССР. Одновременно с планом «Барбаросса» вступил в действие приказ ОКХ от 28 апреля 1941 г. «Порядок использования полиции безопасности и СД в соединениях сухопутных войск», подчеркивающий, что войсковые командиры совместно с командирами специальных формирований службы безопасности (СД) несут ответственность за проведение акций по уничтожению в тыловых прифронтовых районах без суда и следствия коммунистов, евреев и «прочих радикальных элементов». В соответствии с этим приказом главную роль в массовом уничтожении коммунистов, комсомольцев, депутатов областных, городских, районных и сельских советов, советской интеллигенции и евреев на оккупированной территории играли четыре карательные части, так называемые эйнзатцгруппы, обозначенные буквами латинского алфавита «А», «В», «С», «D». Эйнзатцгруппа «А» была придана группе армий «Север» и действовала в Прибалтийских республиках (руководил ею бригаденфюрер СС В. Шталеккер). Эйнзатцгруппа «В» в Белоруссии (руководитель — начальник 5-го управления РСХА группенфюрер СС А. Небе) была придана группе армий «Центр». Эйнзатцгруппа «С» на Украине (начальник — бригаденфюрер СС О. Раш, инспектор полиции безопасности и СД в Кёнигсберге) «обслуживала» группу армий «Юг». Приданная 11-й армии эйнзатцгруппа «D» действовала в южной части Украины и в Крыму, командовал ею О. Олендорф, начальник 3-го управления РСХА (служба безопасности внутри страны) и одновременно главный управляющий делами имперской группы по торговле. Кроме того, в оперативном тылу немецких соединений, наступавших на Москву, располагалась карательная команда «Москва» во главе с бригаденфюрером СС Ф. -А. Зиксом, начальником 7-го управления РСХА (мировоззренческие исследования и их использование)¹⁸¹. Каждая эйнзатцгруппа насчитывала от 800 до 1200 единиц личного состава (СС, СД, уголовная полиция, гестапо и полиция порядка), находившихся под юрисдикцией СС. Из 990 карателей эйнзатцгруппы «А» 340 представляли войска СС, 18 — административную группу, 35 — СД, 41 — уголовную полицию, 133 — полицию порядка, 89 — вспомогательную полицию, 13 — обслуживающий персонал (женщины). Кроме них в эйнзатцгруппе состояли 51 переводчик, три телеграфиста и восемь радиосвязистов¹⁸².

Следуя по пятам наступавших немецких войск, к середине ноября 1941 г. эйнзатцгруппы армий «Север», «Центр» и «Юг» истребили в Прибалтике, Белоруссии и на Украине более 300 тыс. мирных граждан. Массовыми убийствами и грабежом они занимались до конца 1942 г. По самым осторожным оценкам, на их счету свыше миллиона жертв. Затем эйнзатцгруппы формально были ликвидированы, войдя в состав тыловых войск¹⁸³.

Документы германского военного командования, касавшиеся обращения с советскими военнопленными, имеют явно выраженную печать антикоммунистической и расистской идеологии. Еще до нападения на Советский Союз, 30 марта 1941 г., на совещании с главнокомандующими видов вооруженных сил вермахта А. Гитлер заявил, что предстоящая война с СССР будет войной мировоззрений, что в этой войне немецкие солдаты и офицеры при обращении с попавшими в плен политработниками Красной армии «должны отказаться от точки зрения солдатского товарищества». «Коммунист, — говорил он, — не был нашим камрадом раньше, не будет он им и впредь. Речь идет об уничтожении»¹⁸⁴. На упомянутом

выше совещании в Ставке 16 июля 1941 г. А. Гитлер приказал не рассматривать как солдат-фронтовиков всех советских военнопленных и беспощадно их уничтожать¹⁸⁵.

В одной из «Памяток об использовании труда советских военнопленных», изданной штабом ОКВ 15 августа 1941 г., декларировалось, что «русские военнопленные прошли школу большевизма, их следует рассматривать как большевиков и обращаться с ними как с большевиками... С беспощадной строгостью, если они дают для этого хотя бы малейший повод»¹⁸⁶. В «Распоряжении ОКВ об обращении с советскими военнопленными» от 8 сентября 1941 г. и дополнявшей его «Памятке об охране советских военнопленных» все они характеризовались как «большевистские солдаты», «смертельные враги национал-социалистической Германии», всегда готовые «дать выход своей ненависти ко всему немецкому». На этом основании утверждалось, что еще до того, как попали в плен, советские солдаты «потеряли всякое право претендовать на обращение с ними как с честными солдатами». При малейших признаках неповиновения военнопленных от немецких солдат требовалось «безжалостно применять оружие», а при попытках к бегству «немедленно стрелять без предупреждения»¹⁸⁷.

В развитие «Приказа о комиссарах» (официальное название директивы об обращении с политическими комиссарами; был издан верховным командованием вермахта 6 июня 1941 г., за две недели до начала войны Германии против Советского Союза, и предусматривал немедленный расстрел всех взятых в плен политработников Красной армии как «носителей сопротивления») верховное командование вермахта 16 июля заключило соглашение с главным управлением имперской безопасности. По этому соглашению, подготовленному начальником РСХА Р. Гейдрихом, специальные команды полиции безопасности и СД под эгидой начальника 4-го главного управления тайной государственной полиции (гестапо) Г. Мюллера были обязаны выявлять среди доставляемых с фронта в стационарные лагеря советских военнопленных «неприемлемые» в политическом и расовом отношении элементы. «Неприемлемыми» признавались не только партийные работники всех рангов, но и «все представители интеллигенции, все фанатичные коммунисты и все евреи»¹⁸⁸. Подчеркивалось, что применение оружия против советских военнопленных считается, «как правило, законным». Подобная фраза означала официальное разрешение на убийство. Лишь спустя полгода она была изъята из приказа, поскольку слишком много военнопленных оказались уничтожены без всякой причины¹⁸⁹. 10 октября Р. Гейдрих издал директиву специальным командам полиции безопасности и СД, «работающим» в лагерях для военнопленных. В ней предписывалось обращать внимание на национальность пленных, не путать подлежащих уничтожению евреев с внешне похожими на них представителями тюркских народов, строго обращаться с украинцами, белорусами, азербайджанцами, выходцами из республик Северного Кавказа, грузинами «только в случае, если среди них будут обнаружены фанатики-большевики и опасные функционеры большевистской партии». Вместе с тем в директиве предписывалось более строго относиться ко всем русским, поскольку даже «примитивный, неграмотный советский русский может быть в своем политическом фанатизме более опасным, чем образованный советский инженер»¹⁹⁰. Подобная «селекция» среди военнопленных осуществлялась вплоть до конца войны. В ходе нее, по подсчетам одних немецких историков, экзекуционными командами были уничтожены не менее 200 тыс. человек¹⁹¹, а по подсчетам других — «минимум 140 тыс., а возможно, даже в два или три раза больше советских военнопленных»¹⁹². Имеющаяся документальная база не позволяет точно установить число жертв.

В соответствии с «Приказом о комиссарах» немецкие солдаты и офицеры на сборных пунктах для пленных выискивали политработников, изолировали их от товарищей и убивали. В мае 1942 г. ОКВ было вынуждено отменить этот приказ по требованию некоторых высокопоставленных фронтовиков, сообщавших, что обнаружение фактов расстрела политруков привело к резкому возрастанию силы отпора со стороны Красной армии. Впредь политруков стали уничтожать не сразу после пленения, а в концлагере Маутхаузен¹⁹³.

О преступлениях в отношении советских военнопленных международная общественность узнала из ноты наркома иностранных дел СССР от 24 ноября 1941 г., адресованной правительствам стран, с которыми СССР поддерживал дипломатические отношения. В ноте

были приведены факты многочисленных зверств, попрания Германией элементарных норм международного права и человеческой морали¹⁹⁴.

Стремясь извлечь максимальную выгоду из эксплуатации оккупированных территорий, нацисты повсеместно вводили принудительный труд. На промышленных предприятиях и в создаваемых сельскохозяйственных имениях местное население заставляли работать по 10–12 и более часов в сутки. За невыход на работу заключали в специальные лагеря, подозреваемых в саботаже расстреливали. Этот каторжный труд почти не оплачивался, не было создано учреждений, которые бы отвечали за обеспечение продовольствием и товарами первой необходимости. «Живут ли другие народы в благоденствии или они издыхают от голода, — заявлял рейхсфюрер СС Г. Гиммлер, — интересует меня лишь в той мере, в какой они нужны как рабы для нашей культуры. В ином смысле это меня не интересует»¹⁹⁵.

Руководство экспроприацией культурных и научных ценностей в восточных областях возлагалось на оперативный штаб, подчиненный А. Розенбергу, чья деятельность получила полное одобрение нацистского руководства уже в ходе кампаний в Европе. Учетом и эвакуацией культурных ценностей занималась инстанция под руководством чиновника Г. Утикаля. В Германию переправлялись материалы архивов и библиотек, экспонаты музеев и галерей. Еще весной 1941 г. в некоторых немецких армиях были созданы оперативные штабы Г. Утикаля. В директиве начальнику тыла сухопутных войск от 5 апреля 1941 г. ОКВ требовало оказывать уполномоченному А. Розенберга «любое возможное содействие для осуществления скорейшего и четкого выполнения его задачи»¹⁹⁶. В процессе подготовки к войне министерство иностранных дел Германии предусмотрело даже такую инстанцию, как штаб для хищения в СССР документов самого разного свойства («спецкоманда фон Кюнсберг»). Каждой из трех групп армий придавалась ее рабочая группа. Сходным образом был организован грабеж советских военных архивных материалов управлением начальника архивов сухопутных войск.

В конце апреля 1942 г., когда предпринятое после битвы под Москвой общее наступление Красной армии закончилось, в Берлине была начата работа по совершенствованию генерального плана «Ост». Подключилось к ней и восточное министерство. Референт по расовым вопросам его главного отдела «Политика» доктор Э. Ветцель подверг критике июльский вариант плана, подготовленный А. Мейером. Свои соображения он изложил в документе под названием «Замечания и предложения восточного министерства по генеральному плану «Ост» рейхсфюрера войск СС». Благодаря этому документу историкам представилось наконец возможность восстановить основное содержание первоначального (июльского) варианта плана. Поддерживая идею колонизации Центральной и Восточной Европы, Э. Ветцель вместе с тем критиковал план А. Мейера за то, что в нем существенно уменьшена численность жителей захваченных Германией земель Польши, Чехии, Прибалтики и Западной Украины. В действительности их насчитывалось не 45 млн, а 60–65 млн, а количество тех, кого надлежало депортировать в Сибирь или уничтожить, составляло не 31 млн, а 46–51 млн¹⁹⁷. Недостаток плана А. Мейера Э. Ветцель усматривал и в том, что не были предложены практические меры депортации русских и заселения их земель немцами. Указав, что некоторые известные немецкие антропологи склоняются к мысли, что представление обо всех русских, как о «недочеловеках», неверно, поскольку многих из них явно следует отнести к «арийской» расе, то есть к той же «расе господ», что и немцы, Э. Ветцель делал вывод, что «без полного уничтожения» или ослабления самыми разными способами «биологической силы русского народа» установить «немецкое господство в Европе» не удастся. «Речь идет не только о разгроме государства с центром в Москве, — писал он. — Достижение этой исторической цели никогда не означало бы полного решения проблемы. Дело заключается, скорее всего, в том, чтобы разгромить русских как народ, разобщить их»¹⁹⁸.

По приказу Г. Гиммлера А. Мейер продолжил работу над программой расширения германского «жизненного пространства» на Востоке (в основном за счет российской территории) и к концу мая 1942 г. подготовил меморандум «Генеральный план Ост: правовые, экономические и территориальные основы обустройства на Востоке». В этом документе,

который давно известен историкам (в ноябре — декабре 2009 г. оригинал был размещен в Интернете)¹⁹⁹, речь шла уже не столько о депортации местного населения с захваченных вермахтом восточных территорий, сколько о заселении их немцами и другими народами, относящимися к германской расе. После разгрома СССР намечалось «в течение кратчайшего срока» создать и заселить три имперских округа: округ Ингерманландия (Ленинградская, Псковская и Новгородская области), Готский округ (Крым и Херсонская область) и округ Мемель — Нарев (Белостокская область и Западная Литва). Для обеспечения связи Германии с Ингерманландским и Готским округами предполагалось построить две автострады, каждая протяженностью до 2 тыс. км. Одна доходила бы до Ленинграда, другая — до Крымского полуострова. Чтобы обезопасить автострады, вдоль них планировалось создать 36 военизированных немецких поселений («опорных пунктов»): в Польше — 14, на Украине — 8, в Прибалтике — 14. Всю территорию на Востоке, которая будет захвачена вермахтом, предлагалось объявить государственной собственностью, передав власть над ней эсэсовскому аппарату управления во главе с Г. Гиммлером, который лично будет решать вопросы, связанные с предоставлением немецким поселенцам прав на владение земельными участками. По подсчетам А. Мейера, на строительство автострад, размещение в трех округах 4,85 млн немцев и их обустройство потребуются 25 лет и до 66,6 млрд рейхсмарок²⁰⁰.

Одобрив проект А. Мейера в принципе, Г. Гиммлер потребовал, чтобы в нем была предусмотрена «тотальная германизация Эстонии, Латвии и Генерал-губернаторства»: заселение их немцами в течение примерно 20 лет. В сентябре 1942 г., когда немецкие войска вышли к Сталинграду и предгорьям Кавказа, на совещании с командирами частей СС в Житомире Г. Гиммлер заявил, что сеть немецких опорных пунктов (военизированных поселений) будет расширена до Дона и Волги.

Второй «Генеральный план поселений» с учетом пожеланий Г. Гиммлера по доработке апрельского варианта был готов 23 декабря 1942 г.²⁰¹ Главными направлениями колонизации в нем были названы северное (Восточная Пруссия — Балтийские страны) и южное (Краков — Львов — Причерноморье). Предполагалось, что территория немецких поселений будет равняться 700 тыс. кв. км, из которых 350 тыс. — пахотные земли (вся территория рейха в 1938 г. составляла менее 600 тыс. кв. км)²⁰².

В период разработки генерального плана «Ост» в 1941—1942 гг. расселение немцев на территории советской Прибалтики и Украины проводилось в экспериментальном порядке. В юго-западную часть Литвы должны были возвратиться 30 тыс. немцев, репатриированных в Германию в 1939—1940 гг.²⁰³ После разгрома войск вермахта под Сталинградом все работы, связанные с планированием послевоенного «нового порядка» в Европе, приказом А. Гитлера были прекращены.

К какой войне и как готовился Советский Союз?

Период, непосредственно предшествовавший июню 1941 г., был для СССР исключительно сложным, а порой и драматичным. Несмотря на заключение договора о ненападении с Германией, прямая угроза фашистской агрессии все ошутимее нависала над ним.

Накануне войны Советский Союз провел ряд неотложных мероприятий, усиливших экономический и оборонный потенциал. Была начата подготовка народного хозяйства к работе в условиях военного времени, осуществлена перестройка планирования и управления производством. Начался первый этап мобилизационного развертывания промышленности. Однако ограниченность и недостаточная сбалансированность обеспечения ресурсами поставили экономику и государство перед тяжелейшими испытаниями.

В преддверии войны предстояло заранее подготовиться к резкому увеличению выпуска оружия, боеприпасов, других средств вооруженной борьбы. Нужно было также не только

спланировать надежную систему новых связей между предприятиями и отраслями, которые соответствовали бы условиям войны, но и создать материальные резервы и запасы. Ведь от военно-экономической готовности в решающей степени зависел ход начального периода войны. «Зимняя война» с Финляндией обнажила недочеты, ошибки военного и хозяйственного характера, вскрыла крупные недостатки в техническом оснащении армии и организации снабжения войск. Комиссия, возглавляемая А. А. Ждановым, вынуждена была констатировать: «Материальная часть ВВС и вооружение танковых частей отстают в своем развитии; материальная часть артиллерии отстает по крупным калибрам и зенитной артиллерии; по боеприпасам потребность армии по средним системам обеспечивается недостаточно; внедрение современных образцов стрелкового вооружения... производится с опозданием и крайне медленно; не придавалось значения минно-минометному вооружению»²⁰⁴.

Несмотря на то что уроки из Советско-финляндской войны не были извлечены в полной мере, в 1939–1941 гг. был принят целый ряд постановлений по ускоренному развитию производства сложных в техническом отношении видов вооружения, прежде всего авиационной и бронетанковой техники, артиллерийских систем. Так как на базе использования имевшихся мощностей нельзя было разрабатывать программы строительства новых заводов, многие гражданские предприятия переключили на выпуск военной продукции. Условия, в которых развивалась советская экономика в предвоенный период, были весьма сложны и противоречивы. Практически не закончив индустриализацию, ей пришлось все в большей мере переключать основные ресурсы на обеспечение нужд предстоящей войны, наращивание военного производства, еще не имевшего достаточно развитых и мощных тылов. В создавшихся условиях советскому народу приходилось решать весьма непростую задачу: с одной стороны, подтягивать развитие базовых производств, восполнять недостающие материальные и технические ресурсы, а с другой — упорно преодолевать обозначившееся отставание в качестве и комплектности вооружения, расширять и совершенствовать оборонное производство.

В предвоенный период был осуществлен крупный народно-хозяйственный маневр, позволивший нарастить мощности оборонной индустрии, расширить производство и поставки вооружения и боеприпасов. И хотя производственная база страны по масштабам того времени была еще недостаточной, перераспределение и концентрация сил и ресурсов позволили создать материальный фундамент обороны. Значительная часть построенных гражданских предприятий заранее предназначалась для выпуска в условиях войны комплектующих изделий, полуфабрикатов, готовой продукции военного назначения. В последние предвоенные годы была проведена предмобилизационная подготовка экономики и начала ее частичная мобилизация. По мере нарастания военной опасности мобилизационная работа проводилась все более интенсивно. К концу 1940 г. на заводах оборонных наркоматов и гражданских предприятиях, переведенных на выпуск военной продукции, уже действовало свыше 64% станочного парка страны²⁰⁵. Осуществление мобилизационных мероприятий, проведенных в исключительно сложных условиях, явилось результатом огромного напряжения сил, выпавшего на долю советского народа, его подлинного трудового героизма.

Сравнивая военно-экономические возможности СССР и фашистской Германии накануне Великой Отечественной войны, нетрудно заметить, что, несмотря на огромные преобразования народного хозяйства, экономический потенциал Советского Союза значительно уступал экономическому потенциалу будущего противника. Для Германии слабым местом была нефть, но и это в какой-то степени компенсировалось созданными запасами и производством синтетического горючего, а также импортом румынской нефти.

Обострявшаяся международная обстановка требовала дополнительных мер по расширению военно-промышленной базы, дальнейшему наращиванию мощностей оборонных отраслей как основы материально-технического перевооружения войск, повышения их огневой мощи и мобильности. В качестве одной из основных задач плана 1941 г. предусматривалось обеспечение форсированного роста производства принятых на вооружение новых самолетов и авиамоторов, крупных калибров боеприпасов, тяжелой и зенитной артиллерии, автоматического стрелкового оружия, новых типов танков и боевых кораблей.

Форсированное развитие в СССР оборонной промышленности позволило резко увеличить выпуск военной продукции. Если прирост производства всей промышленности за три года третьей пятилетки составил 13,2%, то в оборонной — 39% в год, а выпуск производимой ею продукции возрос за это время в 2,7 раза. К лету 1941 г. производственные мощности советской авиационной и танковой промышленности превысили мощности соответствующих отраслей германской промышленности. Конечно, этого можно было достигнуть только за счет «затягивания поясов», то есть за счет экономии на обеспечении жизненного уровня населения, который и без того был крайне низок.

Оценивая военно-экономические потенциалы Советского Союза и Германии с позиций качественных показателей, следует отметить, что ликвидировать разрыв в уровне развития науки и техники так и не удалось. Накануне войны значительная часть военной техники, находившейся на вооружении Красной армии, по своим тактико-техническим характеристикам уступала немецкой. Усиленное внимание не только к количественной, но и к качественной стороне военного производства хоть и медленно, но давало положительные результаты. Создавались специальные научно-исследовательские центры и учреждения, которые входили в структуру вооруженных сил, оборонных ведомств и их промышленных предприятий. В 1936 г. на самолетостроительных заводах были развернуты новые опытно-конструкторские бюро (ОКБ). Такие же специализированные КБ действовали на танковых и артиллерийских заводах. Перед ними была поставлена задача разработки всевозможных современных видов военной техники, оружия и боеприпасов. В Академии наук существовал отдел спецработ. В системе исправительно-трудовых лагерей НКВД была развернута сеть особых конструкторских бюро, так называемых «шарашек», в которых работали многие известные ученые. Так, в 1937 г. было ликвидировано КБ А. Н. Туполева, а сам он осужден на 15 лет исправительно-трудовых лагерей. Тем не менее уже в феврале 1939 г. под его руководством сформировалось Особое техническое бюро при НКВД СССР. В спецтюрьме ЦКБ-29 НКВД он спроектировал бомбардировщик, получивший в дальнейшем название Ту-2²⁰⁶. Впоследствии А. Н. Туполев был освобожден и удостоен Сталинской премии.

В предвоенные годы в СССР были созданы танки нового поколения, в частности средний танк Т-34, являвшийся во время Второй мировой войны лучшим в мире, и принципиально новый тяжелый танк КВ. Оба они были вооружены 76-мм пушкой и оснащены новым дизельным двигателем. С 1939 г. до начала войны в СССР были сконструированы и запущены в серийное производство новые образцы боевых самолетов: истребители ЛаГГ-3, МиГ-3, Як-1, бомбардировщики Пе-2, Пе-8, Ил-4, штурмовик Ил-2. За 1940 г. и первое полугодие 1941 г. авиационная промышленность произвела: штурмовиков Ил-2 — 249, истребителей ЛаГГ-3 — 322, Як-1 — 399, МиГ-1 — 111, МиГ-3 — 1289, пикирующих бомбардировщиков Пе-2 — 459 (всего 2829 самолетов новых конструкций)²⁰⁷. К июню 1941 г. производство самолетов «всех типов достигло 50 единиц в сутки»²⁰⁸. В 1940 г. танковая промышленность произвела 246 танков КВ и 115 танков Т-34, а в первой половине 1941 г. уже соответственно 393 и 1110²⁰⁹. За полтора предвоенных года было также выпущено более 900 легких танков новых образцов — БТ-7М, Т-40 и Т-50. Увеличивался и артиллерийский парк вооруженных сил. Так, с мая 1940 г. и до начала Великой Отечественной войны он возрос более чем в 1,5 раза²¹⁰.

Оценивая трудности и проблемы, с которыми столкнулся СССР в процессе подготовки к обороне, следует отметить, что многие из них имели как объективные, так и субъективные стороны. Объективная сторона, которая диктовала порядок подготовки экономики страны к войне, во многом упиралась в реальный уровень экономических возможностей Советского Союза в конкретных исторических условиях. Трудности усугублялись нехваткой мощностей, наличием узких мест, решение которых требовало немалых затрат, поиска рациональных технических и организационных решений, перераспределения средств и ресурсов. Нельзя сбрасывать со счетов и то, что в канун войны произошло снижение темпов роста выплавки стали, добычи нефти, производства электроэнергии, металлорежущих станков. По выпуску этих видов продукции абсолютный прирост за 1938—1940 гг. был ниже, чем за 1935—1937 гг.²¹¹ Это случилось прежде всего потому, что угроза надвигающейся войны вынудила значительную

часть рабочей силы, материальных и финансовых ресурсов, предназначенных для развития базовых отраслей народного хозяйства, направить на расширение собственно военного производства.

В предвоенные годы советское правительство максимально использовало военно-техническое сотрудничество с Германией. В 1932 г. треть машиностроительной продукции Германии шла в СССР. На кредиты, которые СССР брал у Германии, закупались немецкие машины и станки для заводов. Расплачивались за кредиты сырьем. Последний кредит в 200 млн марок Советский Союз взял перед подписанием советско-германского пакта в 1939 г. Одним из условий подписания такого пакта являлась выдача кредита²¹². В немецком капитальном труде «Германский рейх и Вторая мировая война» так характеризуются советско-германские отношения перед войной: «В торговых отношениях с Германией Советский Союз показал себя упорным, несговорчивым партнером, который последовательно отстаивал свои собственные экономические и оборонные интересы. Часто высказываемое исследователями мнение о «существенной поддержке» германской военной экономики советскими поставками сырья не учитывает того объема и ассортимента, которые СССР требовал и получал от Германии. Например, в конце 1940 г. СССР согласился увеличить поставки зерна в Германию на 10%, но за это Германия должна была увеличить поставки в СССР алюминия и кобальта, которых крайне не доставало ей самой. А в ответ на просьбы Германии о дополнительных поставках сырья СССР выдвигал новые требования о поставках станков и грузовых машин, а также вооружений»²¹³.

Недавно опубликованные документы из Архива Президента Российской Федерации свидетельствуют, что в период действия советско-германского хозяйственного соглашения от 11 февраля 1940 г. советское руководство до 11 февраля 1941 г. добивалось поставки ему самой современной военной техники и промышленного оборудования из Германии в обмен на поставки зернобобовых культур, нефтепродуктов, руды и различных видов сырья. По этому хозяйственному соглашению Германия обязалась выполнить советские заказы на 15 видов вооружения на сумму 94 584 тыс. германских марок, на 33 вида промышленного оборудования на сумму 41 985 тыс. марок, на 11 наименований различных металлов и металлоизделий, а также поставлять СССР большое количество каменного угля. Согласно договору общая сумма этих поставок составляла 253 726,6 тыс. германских марок. Для того чтобы обеспечить выполнение важных для него заказов, СССР обязался поставить Германии продовольствие и сырье на сумму 353 млн марок. Таким образом, общая сумма взаимных поставок должна была составить почти 600 млн германских марок²¹⁴.

Во время действия хозяйственного соглашения от 11 февраля 1940 г. советским специалистам был открыт доступ на германские военные предприятия, и они могли составить представление о выпускаемой ими готовой продукции. В счет кредита или за наличные были куплены некоторые образцы вооружения и военной техники, стоявшие тогда на оснащении германского вермахта, в том числе образцы всех основных типов самолетов: бомбардировщиков «Юнкерс-88», «Хейнкель-100», «Дорнье-215», истребителей «Мессершмит-109», «Мессершмит-110» и других. Образцы немецких самолетов были изучены и испытаны в СССР. Это, конечно, расширило представление советских авиаконструкторов о вероятном противнике и способствовало принятию ими во внимание задачи по созданию таких самолетов, которые по своим летным характеристикам и вооружению не уступали бы, а превосходили немецкие.

Советское руководство требовало от германского руководства неукоснительного выполнения заказов в установленные сроки и принимало меры против их нарушения. Так, за шесть недель до начала наступления вермахта на западном фронте СССР в ответ на задержку с выполнением заказов отказался поставлять Германии зерно и нефтепродукты и возобновил их только после начала крушения Франции²¹⁵. Однако и после этого советское руководство продолжало требовать от Германии ликвидировать задолженность, которая в начале августа 1940 г. составила 73,3 млн марок²¹⁶. 10 января 1941 г. был подписан новый советско-германский торговый договор, по которому Германия обязалась к маю 1941 г. ликвидировать задолженность по советским заказам 1940 г., а затем новыми поставками техники компенсировать

текущие поставки продовольствия и сырья из СССР²¹⁷. В действительности же А. Гитлер и его генералы не собирались возмещать растущие задолженности по поставкам СССР, а приступить в мае 1941 г. к его уничтожению.

С появлением новых очагов мировой войны и нарастанием военной угрозы проблема подготовки экономики СССР к отражению возможного нападения становилась все более актуальной. В стране полным ходом шла подготовка к тому, чтобы в случае необходимости быстро и организованно перевести народное хозяйство на военные рельсы. Создавались резервы производственных мощностей, запасы стратегического сырья, материалов, топлива и продовольствия. Материальные резервы предназначались для обеспечения резкого расширения военного производства, а мобилизационные запасы создавались в целях обеспечения действующей армии в начале войны, когда экономика будет занята переходом на военные рельсы.

Тем не менее за предвоенные годы удалось добиться результатов огромной важности в борьбе за создание материальных основ военной мощи страны. Именно в предвоенные годы закладывались основы для экономической победы над агрессором. Избранный курс на оптимальное сочетание борьбы за рост военно-экономического потенциала с борьбой за обеспечение непосредственной экономической готовности к войне оказался правильным. «На протяжении многих лет, — отмечал впоследствии маршал Г. К. Жуков, — в экономическом и социальном отношении делалось все или почти все, что было возможно. Что же касается периода с 1939 г. до середины 1941 г., то в это время народом и партией были приложены особые усилия для укрепления обороны, потребовавшие всех сил и средств»²¹⁸. Достигнутый количественный и качественный уровень военно-экономического потенциала стал той основой, на которой оказалось возможным даже в тяжелейших условиях войны, при огромных потерях организовать производство тех материальных средств, которые, в конце концов, обеспечили победу как в экономическом, так и в военном противоборстве с нацистской Германией и ее союзниками по блоку. Этот потенциал в целом отвечал требованиям длительной и упорной войны, которой суждено было обрушиться на советский народ. Провозглашенный руководством СССР тезис о неизбежности вооруженного столкновения с коалицией капиталистических государств определил ту высокую степень внимания, которое оно уделяло военному строительству. Индустриализация и коллективизация сельского хозяйства, развитие науки и культуры, воспитание граждан — все это осуществлялось под лозунгом укрепления обороноспособности страны, подготовки к защите социалистического Отечества. Количественные, а во многом и качественные показатели проделанной работы, особенно в области производства военной техники, были гигантскими. То, что было сделано, явилось неоценимым вкладом в укрепление военно-промышленного потенциала Советского Союза. То, чего, к сожалению, осуществить в преддверии войны не удалось, пришлось переложить на плечи героических тружеников тыла, сумевших выковать в ходе войны оружие победы.

К началу Второй мировой войны Вооруженные силы Советского Союза по количеству личного состава и основных видов вооружения не уступали армиям ведущих государств Европы и Азии. Однако война с Финляндией показала, что они во многом не соответствовали требованиям времени. Создавшееся положение обсуждалось на мартовском 1940 г. пленуме ЦК ВКП(б), а затем на совещании высшего командного состава в апреле того же года. Принятые на них решения знаменовали коренной поворот в военном строительстве. Были предприняты попытки реорганизовать органы управления почти всех видов вооруженных сил и родов войск, перестроить обучение и воспитание войск, разрабатывались новые планы мобилизации и развертывания вооруженных сил на случай войны, а также ведения ими стратегических операций. Велись интенсивные работы по подготовке Западного театра военных действий. Одновременно налаживались производство новой военной техники, перевооружение и реорганизация армии и флота. Однако времени для осуществления столь существенных преобразований оставалось слишком мало.

К лету 1941 г. Вооруженные силы Советского Союза насчитывали 5,7 млн человек и включали Рабоче-крестьянскую Красную армию (РККА), Рабоче-крестьянский Военно-морской

флот (РК ВМФ), Пограничные (ПВ) и Внутренние войска (ВВ). Красная армия являлась основной вооруженной силой, предназначавшейся для защиты СССР на сухопутных театрах войны. Применительно к современной терминологии она включала три вида вооруженных сил: Сухопутные войска (303 дивизии), Военно-воздушные силы (ВВС), Войска противовоздушной обороны (ПВО) страны. На нее приходилось 88% (5 млн человек) всех вооруженных сил. Военно-морской флот (277 кораблей основных классов: три линкора, семь крейсеров, 56 эсминцев и лидеров, 211 подводных лодок, 2,7 тыс. самолетов) насчитывал 343 тыс. человек. В пограничных и внутренних войсках (14 дивизий, 18 бригад и 21 отдельный полк) числились 337 тыс. человек.

Сухопутные войска состояли из стрелковых, танковых войск, кавалерии, артиллерии, воздушно-десантных войск, войск связи, инженерных, химических и других. По своим возможностям советский корпус по числу дивизий и людей уступал немецкому, но был сильнее по огневой мощи артиллерии. По составу и вооружению стрелковая дивизия Красной армии штата военного времени не уступала пехотной дивизии вермахта. Но такими советские дивизии должны были стать лишь после отмобилизования, а до самого начала войны они содержались по штатам мирного времени, и организация их была различной. В приграничных военных округах их штатная численность достигала 12 тыс. человек (71,1% от штатной численности военного времени), во внутренних — обычно не превышала 6 тыс. человек. Дивизии приграничных округов имели все части и подразделения, необходимые для боя. Ряд частей и подразделений дивизий внутренних округов располагал лишь минимальным количеством командного состава, предназначенного для руководства их развертыванием при мобилизации. Двенадцатитысячные стрелковые дивизии имели менее половины штатного числа автомобилей и тракторов. Планировалось, что войска получают их из народного хозяйства с объявлением мобилизации. Из-за недостатка артиллерии значительная часть корпусов и дивизий имела по одному артиллерийскому полку вместо двух, положенных по штату. Необходимо отметить, что дивизии вермахта, развернутые на границе с СССР, были укомплектованы личным составом, вооружением, транспортом по штатам военного времени.

Пехота стрелковых и танковых войск была оснащена современным для того времени стрелковым оружием: ручным пулеметом ДП-27, одним из лучших в мире, станковым пулеметом ДС-39, пистолетом-пулеметом (автоматом) ППД конструкции В. А. Дегтярёва, самозарядной винтовкой Ф. В. Токарева (СВТ). Однако внедрение новых образцов стрелкового оружия, особенно автоматического, осуществлялось крайне медленно²¹⁹. Только на опыте войны с Финляндией советское военное руководство убедилось в высокой эффективности пистолетов-пулеметов. В частях Красной армии к началу войны имелось свыше 89,5 тыс. автоматов²²⁰. С учетом того, что советская стрелковая дивизия должна была иметь 1204 автомата, это количество пистолетов-пулеметов было недостаточным для укомплектования всех соединений (в германской пехотной дивизии имелось 486 автоматов). В первую очередь автоматами снабжали войска западных приграничных округов. К началу войны их насчитывалось 63,9 тыс. единиц. Каждая приграничная дивизия имела в среднем 400 пистолетов-пулеметов, в их распределении наблюдалась значительная диспропорция. Так, в Западном особом военном округе на 44 дивизии сухопутных войск приходилось 24,2 тыс. автоматов (в среднем по 550 на дивизию), а в Киевском на 58 дивизий — 15,5 тыс. автоматов (по 267 на дивизию). Основными же видами стрелкового оружия Красной армии накануне войны по-прежнему оставались винтовка С. И. Мосина и станковый пулемет системы Х. Максима.

Танковые войска (перед войной их называли автобронетанковыми) являлись главной ударной силой сухопутных войск. В соответствии с теорией глубокого боя и глубокой операции они по своему предназначению подразделялись на две крупные группы. Одну из них предполагалось использовать для поддержки пехоты и конницы. Другую группу составляли танковые корпуса, входившие в состав фронтовой или армейской подвижной группы, в задачу которых входило развитие тактического успеха в оперативный. Однако 21 ноября 1939 г. на заседании Главного военного совета было принято решение о ликвидации корпусов и переходе к бригадной системе²²¹. К марту следующего года в составе автобронетанковых

войск имелось 39 танковых бригад, 22 моторизованные дивизии и три мотобронеприкрытия РКК, 31 танковый полк, 100 танковых батальонов стрелковых и кавалерийских соединений. В них насчитывалось 20 тыс. танков всех типов²²². Опыт Советско-финляндской войны 1939—1940 гг. показал, что организационная структура танковых войск не позволяет применять их массированно, а действия танковых бригад не подкреплены достаточным количеством моторизованных частей²²³. В то же время война на Западе продемонстрировала один непреложный факт: в современных операциях крупные танковые формирования играют важнейшую роль. Вот почему в мае 1940 г. было принято решение о создании танковых корпусов, которые с лета стали называться механизированными. В 1940 г. предполагалось сформировать девять корпусов и сохранить в прежнем виде 25 танковых бригад. Однако в феврале 1941 г. началось формирование 20 новых корпусов, для укомплектования которых были использованы все танковые бригады Красной армии и отдельные танковые батальоны стрелковых дивизий, и в результате предназначенных для поддержки пехоты танковых соединений и частей не осталось.

Было установлено, что общая потребность Красной армии в танках с учетом танковых частей кавалерийских дивизий и воздушно-десантных корпусов составляет 37 895 единиц. К началу войны их имелось почти 19 тыс., то есть не хватало свыше 19 тыс.²²⁴ Хотя танковая промышленность работала с большим напряжением, заказы Наркомата обороны систематически не выполнялись. В результате вооруженные силы недополучили в 1938 г. — 104 танка, в 1939 г. — 292 танка, в 1940 г. — 773 танка²²⁵. Без перевода всей промышленности страны на военные рельсы обеспечить создание такого количества новых формирований в ближайшие два-три года было невозможно. К началу войны не удалось завершить формирование механизированных корпусов. Даже в западных приграничных военных округах только половина соединений имела более 50% положенных по штату танков. Низкая укомплектованность танками, необеспеченность средствами тяги, ремонта, заправки и транспортом делали механизированные корпуса малоподвижными и небоеспособными. Формирование большого количества танковых и моторизованных соединений без учета материальных возможностей привело к нарушению слаженности имевшихся танковых бригад и батальонов, которые, по сути, растворились в огромной массе новых дивизий и полков. В свою очередь, снизилась боеспособность стрелковых и кавалерийских дивизий, из которых было изъято большое количество самых подготовленных солдат, сержантов и офицеров. Стрелковые дивизии лишились штатных танковых батальонов.

Сравнение тактико-технических характеристик советских и немецких танков свидетельствует, что танки Т-34 и КВ значительно превосходили немецкие по основным показателям (калибру орудий, количеству пулеметов, запасу хода, мощности двигателя и броневой защите). Они имели менее пожароопасный дизельный двигатель, в то время как большинство немецких танков — бензиновый. Броня КВ была неуязвимой для всех немецких танков. В то же время орудия КВ и Т-34 пробивали броню немецких танков. Не уступали по основным конструктивным параметрам однотипным танкам вермахта и советские машины Т-26 и БТ. Более 6,5 тыс. БТ-5 и БТ-7 было оснащено дизельными моторами. 45-мм орудия советских легких танков на дальности 500 метров пробивали лобовую броню всех германских танков, кроме Т-IV. В то же время орудия всех немецких машин на такой дальности пробивали броню советских легких танков.

По данным Главного автобронетанкового управления Красной армии на 1 июня 1941 г., из общего числа танков 3,6 тыс. приходилось на пулеметные Т-37, Т-38, Т-40. Большинство боевых машин находилось в войсках, а 686 хранилось на центральных складах²²⁶. Около 91,3% танкового парка составляли легкие машины. Сильно изношенные, они требовали ремонта, замены деталей и агрегатов, запас которых был скудным. Разнотипность советских танков (более десятка образцов) создавала дополнительные трудности в поддержании боеспособности частей и соединений.

В отличие от вермахта, который имел оперативные объединения типа танковой группы, в Красной армии аналогичные формирования предполагалось создавать только по мере

необходимости в ходе боевых действий. Так как органы управления ими заблаговременно не предусматривались, вряд ли можно было рассчитывать на четкое руководство действиями подобных объединений.

Некоторые исследователи в своих работах утверждают, что кадры для танковых войск вермахта в 1930-х гг. готовились в Советском Союзе, и в пример приводят Казанское танковое училище. Действительно, в Казани была создана танковая школа, где проходили подготовку немецкие и советские танкисты. Школа была создана на немецкие деньги, преподаватели были также немецкими, расходы на обучение несла Германия. Школа подготовила для рейхсвера всего 30 танкистов и 65 человек начсостава для танковых войск РККА. После прихода А. Гитлера к власти школа была закрыта, а оборудование осталось Красной армии²²⁷.

Артиллерия, которая являлась главной огневой силой сухопутных войск, организационно состояла из войсковой артиллерии и артиллерии резерва Главного командования. Части и подразделения войсковой артиллерии были во всех структурах сухопутных войск — от корпуса до роты. Артиллерия РККА предназначалась для усиления армий и корпусов. Советская артиллерия была оснащена вполне современными артиллерийскими системами, значительная их часть не уступала основным системам вермахта. Она имела 76-мм полковые, дивизионные и горные пушки для оснащения полковых батарей и дивизионных артиллерийских полков. 122-мм и 152-мм гаубицами вооружались дивизионные и корпусные полки, а также полки РККА. Для оснащения корпусных артиллерийских полков и полков РККА производились также 107-мм и 122-мм пушки. Пушки 152-мм калибра, а также 210-мм пушка, 280-мм мортира, 203-мм и 305-мм гаубицы находились на вооружении артиллерии РККА. Минометами калибра 50 мм вооружались стрелковые роты, калибра 82 мм — батальоны, калибра 120 мм — полки. Были разработаны системы полевой реактивной артиллерии. Однако внедрение наземных систем для применения реактивных снарядов осуществлялось медленно. В то время как в СССР было создано только семь боевых машин, Германия уже располагала четырьмя химическими полками, оснащенными 180-мм шестиствольными реактивными минометами, имевшими наряду с химическими снарядами еще и осколочные. Как и в танковых войсках, в артиллерии не хватало транспортных и ремонтных средств. Даже в приграничных военных округах половина артиллерийских частей РККА, корпусной и дивизионной артиллерии не имела мастерских по ремонту автомобилей, совершенно отсутствовали тракторные ремонтные мастерские.

Большая роль отводилась кавалерии. В течение длительного времени она не только сохранялась, но и увеличивалась в численности. Считалось, что конница может успешно действовать совместно с танковыми соединениями в составе армейских и фронтовых подвижных групп. В то время как в армиях Германии, Англии, Италии и Франции вместе взятых к началу Второй мировой войны насчитывалось всего пять кавалерийских дивизий и шесть бригад, в СССР было 26 дивизий и три бригады. В связи с формированием механизированных корпусов число кавалерийских дивизий к началу войны сократилось до 13²²⁸.

Советский Союз является пионером в создании воздушно-десантных войск. В соответствии с теорией глубокой наступательной операции воздушно-десантные части и соединения должны были в интересах фронта, армии, корпуса или дивизии высаживаться в тыл противника, обеспечивая таким образом воздействие на его оборону во всей ее глубине. Всего к лету 1940 г. в Красной армии имелось шесть воздушно-десантных бригад. В конце апреля 1941 г. началось формирование пяти воздушно-десантных корпусов. На их укомплектование было обращено несколько стрелковых дивизий. Однако время, отпущенное на организационное развертывание, не позволило подготовить эти войска для выполнения специфических боевых задач, а как стрелковые соединения они были ослаблены из-за малого количества артиллерии и другого тяжелого вооружения.

Таким образом, начало Великой Отечественной войны застало сухопутные войска в стадии широкомасштабных преобразований, направленных на резкое усиление их наступательного потенциала, в первую очередь за счет создания большого количества механизированных и воздушно-десантных корпусов. Однако в процессе реорганизации была разрушена

сложившаяся структура и организация соединений и частей, а создать новые боеспособные так и не удалось. Наиболее низкой оказалась степень боеспособности воздушно-десантных и танковых войск. Особенно отрицательно на боеспособности советских сухопутных войск сказывались низкая укомплектованность транспортом, средствами противотанковой и противовоздушной обороны, обеспеченность радиосредствами.

Вооруженные конфликты кануна Великой Отечественной войны и начавшаяся Вторая мировая война выявили отставание авиационной техники от основных типов боевых самолетов Германии. В связи с этим в СССР началась интенсивная работа по реорганизации, техническому переоснащению Военно-воздушных сил и развитию авиационной промышленности. Планировалось существенно увеличить численность самолетного парка, оснастить его новыми, современными боевыми машинами, перестроить организационную структуру ВВС, усовершенствовать их вооружение. Однако эта работа проводилась с таким расчетом, чтобы завершить ее в основном к 1942 г., поэтому намеченное к началу войны не удалось осуществить. Кроме того, вся реорганизация главным образом сводилась к тому, чтобы сосредоточить большую часть авиации в руках фронтового и армейского командования. На армейскую и войсковую авиацию приходилось 46% всех самолетов ВВС Красной армии, тогда как фронтовая авиация составляла 40,5%. Вместо отдельных авиационных армий, которые предназначались для проведения самостоятельных воздушных операций и состояли из соединений бомбардировочной и истребительной авиации, было создано пять авиакорпусов, которые дислоцировались на территории приграничных военных округов (четыре — на западе и один — на востоке). В оперативном отношении они подчинялись их командованию.

Совершенно иные условия складывались в период Второй мировой войны на Западе. Германская авиация применяла мощные массированные удары, особенно при действиях по войсковым и авиационным группировкам, с помощью крупных централизованно управляемых объединений — воздушных флотов. Опыт первого периода этой войны так и не был в достаточной мере учтен советским руководством.

Исходя из доктринального положения о том, что решающего разгрома агрессора можно достичь только наступательными действиями, советская военная теория отдавала приоритет бомбардировщикам и штурмовикам. Причем штурмовики рассматривались как основное средство авиационной поддержки наземных войск. Учитывая ограниченные возможности экономики страны, приоритет был отдан производству наиболее дешевой и быстро строящейся техники. Это обстоятельство также сыграло свою роль в том, что перед войной приоритет был отдан производству истребителей. В советских ВВС было крайне мало разведывательных самолетов. Маршал Г. К. Жуков вспоминал: «Когда ставился вопрос о необходимости массового производства разведывательных самолетов, И. В. Сталин обычно говорил: «Выбирайте одно из двух: или боевую, или разведывательную авиацию, а то и другое мы строить не можем»²²⁹.

Так как Западный театр войны считался самым опасным, основная часть советских ВВС располагалась на западе. Здесь было сосредоточено до 60% самолетов дальнебомбардировочной, а также свыше 50% фронтовой и армейской авиации. В целом подобное решение на стратегическую группировку Военно-воздушных сил соответствовало складывавшейся военно-политической обстановке. Оно позволяло здесь иметь с учетом авиации ВМФ колоссальное превосходство над противником.

В директиве НКО по итогам зимы 1940–1941 гг. готовность авиационных частей к ведению боевых действий оценивалась так: «...боевая подготовка ВВС Красной армии проходила неудовлетворительно. Эксплуатация новой материальной части летно-техническим составом освоена слабо»²³⁰. В ВВС западных округов количество неисправных самолетов на 22 июня 1941 г. составляло 919 машин, или 12,9%. На 7133 боевых самолета имелось только 5937 экипажей, подготовленных к действиям на старых типах машин. 1196 исправных самолетов оказалось без экипажей. Для новых самолетов было подготовлено только 208 экипажей, а это всего 14% общего количества таких машин. Из 35 перевооружаемых полков 15 имели менее половины самолетов штатной численности, что напрямую было связано с медленным раз-

вертыванием производства новых самолетов, их конструктивными недостатками и большой штатной численностью машин в полках.

Подготовка советских летчиков проходила во многих летных училищах, в том числе и в авиационной школе в Липецке. Эта школа была создана за счет германских средств (около 2 млн золотых рублей). Самолеты все были закуплены немцами. Курсанты обучались под руководством немецких инструкторов, пилотов Первой мировой войны. Школу закончили 360 летчиков, из них 140 советских, а также 45 советских авиамехаников. В те же годы в нелегальных школах в самой Германии были выпущены 2 тыс. военных летчиков. После закрытия авиашколы в Липецке все оборудование осталось советской стороне²³¹.

Базирование советских ВВС на территории западных приграничных военных округов осуществлялось с большими нарушениями мер маскировки и безопасности и невольно способствовало завоеванию противником господства в воздухе уже в первые часы войны. Более 40% авиаполков базировалось по два на одном аэродроме, что влекло за собой сосредоточение до 150 самолетов и более на одном летном поле. На тех аэродромах, где осуществлялось перевооружение, скопилось по два комплекта самолетов — старых и новых. Основная часть авиации была приближена к границе. Некоторые полки находились в зоне досягаемости вражеской артиллерии.

Как и другие виды вооруженных сил, войска ПВО накануне войны подверглись существенной реорганизации. Руководство войсками ПВО возлагалось: в центре — на Главное управление ПВО территории страны; в военном округе — на заместителя командующего войсками округа по ПВО, который и являлся командующим зоной ПВО; в районе — на командиров корпусов, дивизий и бригад. Территория приграничных и наиболее важных внутренних районов страны на глубину до 1200 км от государственной границы была разделена на 13 зон ПВО (Северная, Северо-Западная, Западная, Киевская, Южная, Северо-Кавказская, Закавказская, Средне-Азиатская, Забайкальская, Дальневосточная, Московская, Орловская, Харьковская)²³², границы которых совпадали с границами военных округов. Основные силы и средства противовоздушной обороны сосредоточивались на глубину 500–600 км от государственной границы на западе и 200–250 км на Кавказе. В этой зоне было сосредоточено до 90% всей имевшейся в то время в войсках ПВО зенитной артиллерии среднего калибра (основного огневого средства ПВО). На оборону трех важнейших центров страны — Москвы, Ленинграда, Баку — было поставлено 42,4% всех батарей и до 50% истребительных авиационных полков²³³.

Распределение сил и средств ПВО по зонам фактически означало их распыление, что привело к ослаблению противовоздушной обороны на главных операционных направлениях. Если артиллерийские средства полностью подчинялись помощнику командующего войсками округа по ПВО, то истребительные соединения и части оставались в двойном подчинении — командующему ВВС округа и помощнику командующего войсками округа по ПВО. Такая система управления средствами ПВО, как показал последующий опыт войны, затрудняла централизованное использование всех сил и средств ПВО для решения стоящих перед ними задач.

К началу Великой Отечественной войны пограничные войска насчитывали 168 тыс. человек²³⁴. Основная их часть находилась на западной и дальневосточной границах. Границу от Баренцева до Черного моря охраняли войска восьми пограничных округов. В них несли службу около 100 тыс. человек, что составляло 60% общей численности пограничных войск²³⁵.

Внутренние войска обеспечивали государственную и общественную безопасность, охраняли общественный порядок, правительственные учреждения, важнейшие промышленные предприятия и другие объекты оборонного значения, места заключения. На них возлагались также охрана железнодорожных сооружений, сопровождение воинских и особо ценных грузов, конвоирование лиц, содержащихся под стражей, обслуживание судебных учреждений, охрана тюрем и лагерей. Привлекались они и для охраны общественного порядка. По мобилизационному плану на военное время в задачу внутренних войск входили охрана прифронтовой полосы, коммуникаций, тыловых районов, борьба с диверсионно-разведывательными

группами противника, его агентурой. По своему боевому составу внутренние войска имели легкое вооружение и не предназначались для ведения боевых действий с регулярными частями неприятеля. Из оперативных полков, находившихся на территории Прибалтийского, Западного и Киевского особых военных округов, должны были формироваться 21, 22 и 23-я мотострелковые дивизии. Общая численность внутренних войск накануне войны составляла 173,9 тыс. человек²³⁶.

К началу войны ВМФ организационно состоял из четырех флотов — Северного, Балтийского, Черноморского и Тихоокеанского, и пяти флотилий — Дунайской (в составе Черноморского флота), Каспийской, Пинской, Амурской и Северо-Тихоокеанской (входила в состав Тихоокеанского флота). Флоты состояли из надводных и подводных сил, морской авиации, береговой обороны и обеспечивавших их действия служб наблюдения и связи, а также тыла. Одновременно со строительством кораблей велась усиленная работа по созданию для них современных образцов оружия и военной техники. Береговая артиллерия располагала башенными орудиями калибра 305 мм. Однако значительный процент орудий, особенно тяжелого калибра, относился к устаревшим образцам дореволюционной постройки. В предвоенный период получила развитие подвижная береговая артиллерия (железнодорожная и на механической тяге), оснащавшаяся системами калибра 100, 152, 180, 305 и 356 мм. Советские конструкторы разработали уникальную и сложнейшую 406-мм артиллерийскую установку.

Основные силы ВМФ накануне войны сосредоточивались в Балтийском и Черном морях. Здесь базировались все крупные надводные корабли, а также значительная часть подводных лодок. Наименее сильным был Северный флот, базировавшийся в Баренцевом море, по которому в ходе войны в северные порты от западных союзников поставлялись вооружение и материалы. Вот почему так остро стояла проблема надежной охраны транспортов от германских морских сил.

Всего к началу войны в Красной армии и Военно-морском флоте (в войсках, на кораблях, в береговых службах, военно-учебных заведениях, на полигонах, базах и складах) имелось 117 589 орудий и минометов (в том числе 35 136 минометов калибра 50 мм), 18 691 танк, 16 052 боевых самолета²³⁷. Эта была огромная сила.

Эффективность применения вооруженных сил при отражении агрессии зависела не только от степени их оснащенности вооружением и кадрами, уровня обученности и слаженности войск и штабов, качества оружия и техники, но и в существенной степени определялась умением военного и политического руководства рационально спланировать их боевое использование, правильно определив сроки вероятного нападения агрессора и своевременно приняв меры по приведению войск в полную боевую готовность.

Непосредственное руководство Рабоче-крестьянской Красной армией, Рабоче-крестьянским Военно-морским флотом, Пограничными и Внутренними войсками осуществляли соответственно наркоматы обороны, ВМФ и внутренних дел СССР. Наркоматы обороны и ВМФ разрабатывали и представляли на утверждение правительства планы дальнейшего развития армии и флота, руководили их боевой и политической подготовкой, оперативным использованием в мирное и военное время, организовывали противовоздушную оборону, ведали вооружением армии и флота, снабжением их всеми видами продовольствия, направляли оборонительное строительство. Соответствующие функции имел Наркомат внутренних дел. Народный комиссариат обороны с 7 мая 1940 г. возглавлял Маршал Советского Союза С. К. Тимошенко. В проектах положения о Наркомате обороны, разработанных накануне войны, проводилась мысль о том, что с началом войны нарком обороны становится главнокомандующим Вооруженными силами СССР. Руководство армией и флотом наркомы осуществляли через главные военные советы, Генеральный и Главный морской штабы, систему главных и центральных управлений, а также органы окружного управления.

Для рассмотрения основных вопросов строительства и организации войск и флотов, образцов оружия и военной техники, принятия их на вооружение, а также осуществления мероприятий по устройству войск и флотов, обучению личного состава и других вопросов при наркоматах обороны и ВМФ имелись главные военные советы. В соответствии с поста-

новлением ЦК ВКП(б) и СНК СССР от 24 июля 1940 г. в состав Главного военного совета Красной армии вошли нарком обороны С. К. Тимошенко (председатель), секретари ЦК партии А. А. Жданов и Г. М. Маленков, заместители наркома С. М. Будённый, Г. И. Кулик и Л. З. Мехлис, начальник Генерального штаба Б. М. Шапошников, начальник управления ВВС Красной армии Я. В. Смушкевич, командующие войсками округов Г. К. Жуков, К. А. Мерецков и Д. Г. Павлов²³⁸.

Состав Главного военного совета РК ВМФ был объявлен постановлением СНК СССР от 8 апреля 1938 г. В него вошли нарком ВМФ П. А. Смирнов (председатель), секретарь ЦК ВКП(б) А. А. Жданов, заместители наркома И. С. Исаков, П. И. Смирнов-Светловский, начальник Главного штаба Л. М. Галлер, начальник Политического управления М. Р. Шапошников, командующие флотами Н. Г. Кузнецов и Г. И. Левченко, начальник Управления снабжения и вооружения И. С. Мушнов. С марта 1939 г. председателем Главного военного совета РК ВМФ стал нарком ВМФ Н. Г. Кузнецов²³⁹.

В Генеральном штабе сосредоточивались такие функции, как оперативно-стратегическое планирование, оборудование театров военных действий, оперативная подготовка высшего начальствующего состава и штабов, организационное строительство и обеспечение мобилизационной готовности вооруженных сил, планирование всестороннего снабжения армии на военное время. Соответственно перестраивалась и его структура. К началу войны в состав Генерального штаба входило восемь управлений: оперативное, разведывательное, организационное, мобилизационное, военных сообщений, устройства тыла и снабжения, военно-топографическое, по укомплектованию войск, а также четыре отдела: укрепленных районов, военно-исторический, кадров и общий. С июня 1937 по август 1940 г. Генеральный штаб возглавлял Маршал Советского Союза (до мая 1940 г. — командарм 1 ранга) Б. М. Шапошников, с августа 1940 по январь 1941 г. — генерал армии К. А. Мерецков. 1 февраля 1941 г. пост начальника Генштаба занял генерал армии Г. К. Жуков.

Народным комиссаром Военно-морского флота СССР с апреля 1939 г. был адмирал Н. Г. Кузнецов, начальником Главного морского штаба с 1938 по 1940 г. — адмирал Л. М. Галлер, а с октября 1940 г. — адмирал И. С. Исаков.

В целях совершенствования управления Военно-воздушными силами существовавшие ранее два самостоятельных управления (Главное управление ВВС и Главное управление авиационного снабжения Красной армии) 21 июня 1940 г. были слиты в одно — Главное управление Военно-воздушных сил Красной армии.

Войска РККА для управления сводились в военные округа (военно-морские силы — во флоты). В июле 1940 г. в связи с поступающими сведениями о подготовке Японии к агрессии против СССР было создано управление Дальневосточного фронта (ДВФ). Перед войной в структуре управления войсками имелось одно фронтовое, 16 окружных и 20 армейских управлений. В августе 1940 г. органы управления военных округов подверглись реорганизации. Для Ленинградского, особых Прибалтийского, Западного и Киевского, а также Забайкальского военных округов, на базе которых в случае войны планировалось создавать фронты, и Дальневосточного фронта устанавливалась структура управления, позволявшая им выполнять функции фронтовых управлений. В приграничных военных округах, за исключением Одесского, имелись и армейские управления.

Таким образом, в преддверии фашистской агрессии были осуществлены преобразования во всех звеньях руководства вооруженными силами. Однако при проведении этих мероприятий была допущена поспешность, а в ряде случаев — просчеты и упущения. Вот самые существенные из них. С началом Второй мировой войны структура органов и методы стратегического руководства в воевавших государствах были различными. Однако наметилась общая тенденция — стремление достичь максимального соответствия форм и методов стратегического руководства характеру войны. Война велась не только армией, но и всей страной. Это требовало от государства максимального напряжения всех политических, экономических, военных и моральных сил. А компетенция главнокомандующего Вооруженными силами Советского Союза — наркома обороны — ограничивалась лишь сферой вооруженной

борьбы, в которой он к тому же не пользовался правом принятия окончательного решения. Не пошла дальше проектов и работа по совершенствованию функций главнокомандования. Функции главнокомандующего не были четко определены, практическая подготовка его к руководству военными действиями всех вооруженных сил не проводилась. Отдельные командно-штабные учения в последние предвоенные месяцы не имели прямого отношения к организации и деятельности института Главного командования. Отрицательное влияние на деятельность Генштаба оказала и частая смена его начальников, особенно в последние предвоенные месяцы. По этому поводу Г. К. Жуков писал после войны: «Каждый здравомыслящий человек понимает, что даже с позиций высокого поста начальника Генерального штаба Красной армии нельзя за четыре с половиной месяца всего постигнуть»²⁴⁰.

В отличие от вермахта, где сухопутные войска, ВВС и ВМФ имели свои главные командования (ОКХ, ОКЛ и ОКМ) с генеральными штабами и другими органами управления, в Вооруженных силах Советского Союза сухопутные войска, которым в предстоящей войне отводилась ведущая роль, не имели своего командования. Не был должным образом решен вопрос о командовании Военно-воздушными силами, артиллерией, бронетанковыми и инженерными войсками, войсками связи и противовоздушной обороны.

Перед войной фронтовой и армейский тылы фактически отсутствовали. Имелось лишь небольшое количество стационарных госпиталей, ремонтных учреждений и складов, предназначенных в основном для обеспечения нужд войск мирного времени и развертывания тыловых учреждений по мобилизации. Войсковой тыл содержался в сильно сокращенном составе (25–30% штата военного времени). В целом состояние боевой готовности тыла было значительно ниже боевой готовности войск. Для полного отмотилизования и развертывания дивизионного тыла требовалось трое суток, армейского — до семи, фронтового — до 15. На отмотилизование учреждений тыла центра требовалось до 30 суток. Наличными частями и учреждениями невозможно было обеспечить в полном объеме боевые действия войск.

В связи с недостатком транспорта и складских помещений в округах размещение запасов боеприпасов, горючего и смазочных материалов не всегда было рациональным. Половина боеприпасов хранилась на складах центра на территории внутренних военных округов, то есть на значительном удалении от войск. В результате реальная обеспеченность войск боеприпасами оказалась значительно ниже установленной нормы. Около трети боеприпасов западных округов хранилось в 500–700 км от границы²⁴¹. Особенно плохо были обеспечены боеприпасами механизированные корпуса. Мобилизационные запасы горючего для округов создавались на те же сроки ведения войны, что и запасы боеприпасов. Однако нефтеперерабатывающая промышленность не справлялась с заявками Наркомата обороны, поэтому в войсках принимались жесткие меры экономии в ущерб качеству боевой учебы и техническому состоянию машин. В размещении запасов горючего, как и боеприпасов, имелись существенные недостатки, обусловленные в основном нехваткой складских помещений, емкостей для хранения горючего и транспорта для его перевозки. От 40 до 90% запасов западных приграничных военных округов хранилось на складах Московского, Орловского и Харьковского военных округов, а также на нефтебазах Главнефтебьта в глубине страны. Запланированные в 1941 г. мероприятия по перемещению запасов на запад в связи с начавшейся войной не были осуществлены. Следует отметить, что не только мобилизационные, но и неприкосновенные запасы горючего, которые должны были храниться непосредственно в войсках, из-за недостатка емкостей частично содержались на нефтебазах Главнефтебьта.

В связи с резким увеличением с осени 1939 г. численности Вооруженных сил Советского Союза имевшихся запасов продовольствия и фуража оказалось недостаточно. Были приняты меры по накоплению продовольствия как в войсках, так и на складах центра и баз Главного управления государственных и материальных ресурсов. Введение сухого пайка не только облегчило снабжение войск в полевых условиях, но и позволило создавать запасы, практически готовые к употреблению. В целях экономии средств в интересах создания запасов продовольствия были введены вегетарианские дни. Вместе с некоторым изменением ассортимента продуктов питания военнослужащих это давало экономию в размере 658 млн

рублей в год. Были выделены дополнительные средства на строительство заводов и цехов по производству сухарей, пищевых концентратов и комбикорма. Расширилось производство витаминов, фасованного мяса и других продуктов, необходимых для создания запасов. Однако выполнение большинства намеченных мероприятий планировалось лишь к концу 1942 г., поэтому к началу войны так и не было создано необходимых запасов сухих пайков, пищевых концентратов, витаминов и других специальных продуктов. Более того, имеющиеся мощности не могли обеспечить бесперебойное снабжение армии. Накануне войны армия стала оснащаться новыми современными техническими средствами продовольственной службы, однако к ее началу обеспеченность ими была невысокой. Только заменой устаревших кухонь на конной тяге современными кухнями-автоприцепами, а также устаревших хлебопечей — на автохлебозаводы можно было обеспечить мобилизационную потребность армии. Примерно треть старых кухонь и печей находилась в неисправном состоянии.

Потребности армии в вещевом имуществе в основном удовлетворялись, за исключением обуви, обеспеченность которой составляла лишь 70%. Опыт боевых действий в период Советско-финляндской войны выявил несовершенство принятой в Красной армии формы одежды, поэтому накануне Великой Отечественной войны принимались меры по ее улучшению. На снабжение армии стали поступать стальные шлемы (каска), шапки-ушанки, пилотки, плащ-палатки, маскировочные халаты, специальное обмундирование для лыжников. В неприкосновенный запас закладывалось дополнительное количество ватного обмундирования и валяной обуви. В январе 1941 г. было принято решение об установлении единой формы одежды для всех родов войск по крою и цвету (защитному). Завершение перехода на новую форму одежды с учетом возможностей производственной базы ожидалось не ранее октября 1942 г., поэтому армия вступила в войну в обмундировании различного покроя и расцветки.

Следует отметить, что экономика страны с большим напряжением выполняла заказы военного ведомства по поставкам вещевого имущества, как, впрочем, и других материальных средств. Это делалось не без существенного ущемления потребностей гражданского населения. Так, по докладу А. В. Хрулёва на всеармейском совещании начальствующего состава интендантской службы в марте 1941 г., на армию шло 35% всех выпускаемых в стране льняных тканей, 31% шерстяных тканей, 56% яловой обуви²⁴². Если учесть, что весной 1941 г. численность армии составляла примерно 5 млн человек, то можно представить, что оставалось остальным 180 млн населения страны.

Созданные перед войной запасы материальных средств, предназначенные для обеспечения мобилизационного развертывания армии и ведения ею военных действий, могли быть эффективно использованы только при условии полного обеспечения войск транспортом. Решающая роль в подвозе материальных средств войскам принадлежала железнодорожному транспорту, что было обусловлено в первую очередь его удельным весом в общем объеме перевозок. В 1940 г. на его долю приходилось 85,1% всего грузооборота страны. В целом транспорт был в состоянии обеспечить мобилизацию и развертывание вооруженных сил. Однако так и не удалось устранить низкую пропускную способность ряда направлений, не были доведены до установленной нормы запасы материальных средств, а железные дороги были слабо обеспечены мерами защиты от воздушного противника. Ряд организационно-технических мероприятий, намеченных мобилизационным планом НКПС, оказался нереальным и слабо отработанным.

В общем грузообороте страны на долю автомобильного транспорта в 1940 г. приходилось всего 1,8% грузов. К 1 июня 1941 г. в СССР имелось более 700 тыс. грузовых автомобилей²⁴³. Среди них преобладали полоторатонные ГАЗ-АА. В последние предвоенные годы автомобильный парк Красной армии интенсивно развивался. С 1937 по 1941 г. число автомобилей выросло в семь раз²⁴⁴. Всего на 15 июня 1941 г. в войсках имелось около 272,2 тыс. автомобилей, 36% штатной численности²⁴⁵, 193,2 тыс. приходилось на грузовые машины. Однако грузоподъемность автотранспорта не обеспечивала нормальную боевую деятельность. Имевшаяся в войсках ремонтная база не отвечала потребностям даже мирного времени, поэтому свыше

половины ремонтов осуществляли заводы, но и их производственных мощностей не хватало. В результате перед войной 23,1% автомобилей Красной армии являлись неисправными²⁴⁶.

Говоря о степени готовности тыла к войне, следует отметить, что чисто теоретически все обстояло вроде бы благополучно. Вот только теория эта исходила из опыта Первой мировой войны, без учета особенностей новых явлений в вооруженной борьбе. Это было обусловлено ограниченностью боевого опыта, запаздыванием с его обобщением, отсутствием хорошо подготовленных кадров. Общая установка при планировании войны на то, что активным боевым действиям будет предшествовать период мобилизационного развертывания, привела к тому, что накануне войны тыл оказался в сильно сокращенном составе. Даже армиям и большинству дивизий приграничных военных округов предстояло в течение нескольких суток вести боевые действия без основных тыловых частей и учреждений.

Подводя итоги работы по реорганизации и техническому переоснащению вооруженных сил накануне войны, необходимо отметить, что принятых мер оказалось недостаточно, а допущенные просчеты снизили боеспособность армии. При общем значительном превосходстве в основных средствах вооруженной борьбы над вооруженными силами Германии и ее сателлитов Вооруженные силы Советского Союза оказались в парадоксальной ситуации: для полного укомплектования им не хватило танков, самолетов и орудий. Одной из причин ошибок в реорганизации явился просчет в определении сроков начала войны. Судя по тому, что завершение оснащения формируемых соединений самолетами, орудиями и танками планировалось в основном к 1942 г., советское военное и политическое руководство исходило из того, что в 1941 г. войны удастся избежать. В результате основная часть намеченных мероприятий оказалась к началу войны незавершенной. Это в значительной степени снизило боеспособность вооруженных сил. Они оказались не полностью укомплектованными людьми, особенно командным составом, военной техникой и оружием, а поэтому имели низкую подвижность, обученность и слаженность.

Говоря о формировании профессиональных качеств будущих военачальников, необходимо иметь в виду среду, в которой формировались их военно-теоретические взгляды. Межвоенный период характерен бурным развитием военно-теоретической мысли как в нашей стране, так и за рубежом. Мировая наука и техника шагнули далеко вперед, в армии передовых стран начали массово внедряться новинки техники, в первую очередь самолеты и танки. С учетом этого менялось представление о характере будущей вооруженной борьбы. Оценки перспектив развития военного искусства были неоднозначны. Этот период характерен выходом в свет целого ряда работ, в которых авторы стремились изложить свой взгляд на перспективы развития вооруженных сил с учетом опыта предшествовавших войн и развития технической оснащенности войск²⁴⁷. В тот же период за рубежом появились труды ряда авторов, рассматривавших возможные перспективы развития характера вооруженной борьбы с учетом развития военной техники, которые полностью или частично в переводе были опубликованы в нашей стране. Это, в частности, теории Д. Фуллера, Д. Дуэ и целого ряда их последователей. Таким образом, выходящая в то время литература была существенным подспорьем для военных специалистов. Передовые командиры Красной армии внимательно следили за книжными новинками по военной тематике. При этом командование всячески поощряло самостоятельную работу командного состава над повышением своего военно-теоретического уровня, рекомендовало следить за военной периодикой.

Развитию уровня военно-теоретической подготовки командного состава РККА способствовала существовавшая в то время практика направления командиров в военные академии и на курсы усовершенствования командного состава, где они под руководством высокоподготовленных преподавателей овладевали военной наукой. Была создана сеть военно-учебных заведений, нацеленных на совершенствование знаний и профессиональных навыков командиров.

При Военной академии имени М. В. Фрунзе в Москве существовали Курсы усовершенствования высшего начальствующего состава (КУВНАС). Их слушателями в 1929 г. были Г. К. Жуков, Л. А. Говоров, М. А. Пуркаев, Ф. И. Толбухин (до того уже обучавшийся

на годичных курсах усовершенствования при этой же академии). Несколько раньше курсы усовершенствования при академии окончили И. С. Конев, К. А. Мерецков и К. К. Рокоссовский, а И. Х. Баграмян несколько позже. Курс обучения состоял главным образом из решения ряда тактических задач и проведения ряда малых военных игр в группах. На лекциях слушателей знакомили с современным для того времени состоянием теории военного искусства, новостями военной техники²⁴⁸. К проведению занятий на КУВНАС были привлечены высокоподготовленные военные специалисты, такие как А. Г. Лигнау, В. М. Цейтлин, Н. А. Калиновский, П. Д. Гладков, М. М. Загю, Д. М. Карбышев и другие военные ученые. По признанию Г. К. Жукова, на занятиях царил творческая обстановка, «слушатели основательно проработали ряд важнейших оперативно-тактических и специальных тем, познакомились с образцами новой техники и вооружения»²⁴⁹. Занятия на курсах были исключительно полезны и поучительны. Они давали слушателям систематизированные военные знания, позволяли приобрести определенную практику планирования боевых действий и руководства войсками в различных видах.

Стрелково-тактические курсы «Выстрел», отделение командиров полков, закончил А. М. Василевский. Вместе с ним учились В. И. Тупиков, руководивший в годы Великой Отечественной войны штабом фронта, будущие командармы Ф. Ф. Жмаченко, Н. П. Пухов, С. Г. Трофименко и другие. «Я с благодарностью вспоминаю свое пребывание и учебу на курсах, которые дали мне твердые знания как командиру Красной армии», — вспоминал позднее А. М. Василевский²⁵⁰.

Учеба на курсах, безусловно, способствовала систематизации, совершенствованию и углублению знаний и навыков, приобретенных командирами в период их службы в войсках. Они получили хорошую практику работы с картой, приобрели дополнительные навыки глубокого анализа обстановки, лучше узнали возможности вероятного противника и своих войск. Многие командиры окончили полный курс Военной академии имени М. В. Фрунзе. Среди них И. Х. Баграмян, Л. А. Говоров (в том числе оперативный факультет), А. И. Ерёменко, И. С. Конев, Р. Я. Малиновский, К. А. Мерецков (Военную академию РККА), Ф. И. Толбухин.

Совершенствование военного образования и подготовка военных кадров в то время были объектом повышенного внимания высшего военного и политического руководства страны. Об этом, в частности, свидетельствует тот факт, что только в 1929 г. Реввоенсоветом СССР были приняты постановления «О высших военно-учебных заведениях», «О курсах усовершенствования командного состава РККА» и «О постановке учебной работы в военных академиях РККА», в 1929 и 1931 гг. ЦК ВКП(б) принимались постановления «О командном и политическом составе РККА».

21 мая 1932 г. Комиссия обороны при СНК СССР приняла постановление о создании специальных военных академий РККА: Моторизации и механизации, Артиллерийской, Электротехнической, Военно-инженерной, Военно-химической, Военно-транспортной. В сентябре 1935 г. была организована еще и Военно-хозяйственная академия.

В 1936 г. по решению советского правительства было создано принципиально новое учебное заведение — Академия Генерального штаба РККА, готовившая высший командный состав. В приказе отмечалось, что академия призвана «совершенствовать подготовку высококвалифицированных командиров для несения службы Генерального штаба в крупных общевойсковых штабах и органах высшего командования». На академию, которая была подчинена непосредственно начальнику Генерального штаба, возлагалась и другая, не менее важная задача — стать центром военно-теоретической работы в вооруженных силах, и в частности всесторонне разработать коренные вопросы теории современного военного искусства. Для работы в новой академии были приглашены лучшие преподаватели военных академий, главным образом Академии имени М. В. Фрунзе, пользовавшиеся известностью в армии благодаря своим военно-теоретическим трудам, способные не только готовить руководящие кадры высшего звена, но и разрабатывать вопросы теории военного искусства, среди них: П. И. Вакулич, А. И. Верховский, А. В. Голубев, А. И. Готовцев, М. И. Дратвин, Я. М. Жигур, Г. С. Иссерсон, Д. М. Карбышев, А. В. Кирпичников, Н. А. Левицкий, В. А. Медиков,

В. К. Мордвинов, А. А. Свечин, Ф. П. Шафалович, Н. Н. Шварц, Е. А. Шиловский и другие. Формирование новой академии было поручено начальнику штаба Киевского военного округа комдиву Д. А. Кучинскому.

Безусловно, Академия Генерального штаба принесла большую пользу слушателям для их профессионального роста. Она в значительной мере помогла им пополнить и систематизировать свои знания, значительно расширить военный кругозор и во многом способствовала успешному выполнению возлагавшихся на них в последующем сложнейших задач. Достаточно отметить, что из числа слушателей первого набора в годы Великой Отечественной войны занимали в разное время посты начальника Генерального штаба А. М. Василевский и А. И. Антонов; командовали фронтами И. Х. Баграмян, Н. Ф. Ватутин, Л. А. Говоров, П. А. Курочкин; возглавляли штабы фронтов А. Н. Боголюбов, М. В. Захаров, В. М. Злобин, В. Е. Климовских, В. В. Курасов, Г. К. Маландин, Ф. П. Озеров, А. П. Покровский, Л. М. Сандалов; командовали армиями А. И. Гасилович, К. Д. Голубев, М. И. Казаков, А. И. Крутиков, А. В. Петрушевский, В. П. Свиридов, А. В. Сухомлин, С. Г. Трофименко. Свыше двадцати человек были начальниками штабов общевойсковых, танковых или воздушных армий. Около сорока человек командовали стрелковыми, танковыми и авиационными соединениями. Шесть человек, в том числе М. П. Миловский и Н. И. Четвериков, руководили управлениями в Наркомате обороны, а Н. Е. Басистый стоял во главе штаба Военно-морского флота.

В середине 1930-х гг. в войсках активно шло изучение и освоение теории и практики глубокого боя и операции. Многим из тех, кому в годы войны предстояло возглавить фронты и армии, в то время довелось командовать соединениями. Причем некоторых из них военная судьба свела тогда в Белорусском военном округе (БВО).

Округом в то время командовал И. П. Уборевич. «Иероним Петрович, — по свидетельству И. С. Конева, также служившего в то время в Белоруссии, — умел смотреть далеко вперед. В наибольшей степени именно у него многие командиры учились и перенимали богатый современный опыт, которым обладал этот незаурядный военачальник. Особенно сведущим он был в вопросах организации и обучения войск, командования и штабов, оперативно-тактической подготовки»²⁵¹. Показательно, что школу И. П. Уборевича в то время прошли многие командиры, ставшие в годы Великой Отечественной войны видными военачальниками. Это, в частности, работники штаба округа К. А. Мерецков (в то время начальник штаба округа), М. В. Захаров, Р. Я. Малиновский, В. В. Курасов, А. П. Покровский, командиры корпуса, а затем заместитель командующего войсками округа С. К. Тимошенко, командиры дивизий Г. К. Жуков, И. С. Конев, В. Д. Соколовский, В. Я. Колпакчи, на различных должностях служили в округе А. А. Новиков, И. Х. Баграмян, другие будущие военачальники.

В то время, по утверждению К. А. Мерецкова, в БВО большое внимание уделялось воспитанию и подготовке руководящего состава и штабов, особенно командиров корпусов и дивизий, с учетом меняющихся условий и бурного развития военной техники. Важно было, чтобы все то новое, что было приобретено во время опытных учений и полевых поездок, немедленно внедрялось в войска, повышало их выучку и боевую готовность, чтобы достижение какой-либо одной части или соединения немедленно становилось достоянием всего округа²⁵². При подготовке начсостава и штабов применялись разнообразные приемы: от групповых упражнений и летучек до командно-штабных игр, учений с войсками и маневров. Особое значение придавалось полевым занятиям, так как тактическую игру на местности можно провести значительно содержательнее и поучительнее, чем на картах, особенно мелкого масштаба.

Осенью 1936 г. в округе прошли маневры, на которые было привлечено шесть мехбригад, восемь авиабригад, шесть стрелковых и четыре кавдивизии²⁵³, всего порядка 85 тыс. человек личного состава, 1136 танков, 580 орудий, 638 самолетов²⁵⁴. Руководство намеревалось отработать важнейшие вопросы глубокой операции и боя. В ходе маневров отрабатывались наступательные действия крупных механизированных и кавалерийских соединений на большую глубину, вопросы всестороннего их обеспечения, форсирование крупной водной преграды. Кроме того, был совершен марш танковой бригады, выброшен парашютный десант

в количестве 1800 человек и высажен посадочный десант численностью 5700 человек, отрабатывались вопросы организации ведения боевых действий ночью. Маневры подтвердили правильность положений теории глубокой операции²⁵⁵. Наиболее трудными и вместе с тем наиболее интересными вопросами на маневрах были: встречный танковый бой, прорыв глубокоэшелонированной противотанковой обороны, организация флангового контрудара армейской ударной группы, и наконец, на фоне армейской операции были отработаны вопросы применения авиации²⁵⁶.

В 1937 г. в БВО прошли самые крупные маневры в предвоенный период, проводившиеся с учетом новейшей теории. Руководство действиями осуществляло (впервые в истории Красной армии) армейское управление, а не штаб руководства, как это было раньше. На этих маневрах предполагалось определить наиболее приемлемые строи и боевые порядки танковых подразделений и частей в различных видах боя, отработать приемы непрерывной разведки и наблюдения за полем боя, вопросы совместного маневрирования танков и пехоты (конницы) и взаимного целеуказания на поле боя, взаимодействия танковых масс с артиллерией и пехотой в основных видах боя²⁵⁷. На маневрах для развития прорыва отработывалось использование подвижной группы в составе кавалерийского и танкового корпусов под командованием комкора И. Р. Апанасенко. Для совместных с подвижной группой действий планировалась выброска двух воздушно-десантных бригад (реально осуществлена выброска одной). Для командиров, участников этих маневров, они стали хорошей школой воинского мастерства.

Но, как бы ни была организована боевая подготовка в условиях мирного времени, основная школа для военного человека — это участие в боевых действиях. Здесь проверяются на практике полученные в ходе учебы знания и навыки. Для Г. К. Жукова первым экзаменом на полководческую зрелость стал Халхин-Гол в 1939 г.; для Р. Я. Малиновского — Гражданская война в Испании в 1936—1937 гг.; К. А. Мерецков боевое крещение прошел в Испании, а затем командовал армией во время Советско-финляндской войны в 1939—1940 гг. Начальником штаба артиллерии в этой армии был Л. А. Говоров.

Конец 1930-х гг. оказался непростым для военных кадров. Репрессии 1937—1938 гг. не обошли стороной Красную армию. В этот период из армии по разным причинам были уволены около 40 тыс. командиров, из них арестованы около 18 тыс. человек²⁵⁸. Многие из них, имея глубокие знания и богатый войсковой опыт, могли бы успешно командовать объединениями или, по крайней мере, готовить будущих командармов и командующих войсками фронтов. Следствиями политических репрессий в РККА явились снижение научного и интеллектуального потенциала Красной армии, падение уровня профессиональной подготовки и существенное ослабление политико-морального состояния и дисциплины ее личного состава. Многие командиры и командующие, боясь ответственности, стали менее инициативными и самостоятельными.

С другой стороны, в связи с обострением международной обстановки и возросшими экономическими возможностями страны численность вооруженных сил увеличивалась, что требовало все большего количества квалифицированных военных кадров. В результате число военно-учебных заведений из года в год росло: с 49 в 1937 г. до 114 (это без учета авиационных и военно-морских) в 1940 г. Количество их выпускников возросло соответственно с 8508 до 35 501 человек. Только за 1938—1939 гг. Красная армия получила 158 147 командиров, политработников и других военных специалистов, что в 2,5 раза больше, чем за десять предшествовавших лет. Тем не менее квалифицированных кадров не хватало. Особенно остро ощущалась нехватка подготовленных кадров оперативного звена, несмотря на то что в период с 1938 по 1941 г. было сформировано 20 общевойсковых армий.

На вакантные должности зачастую назначались люди, не имевшие достаточного опыта и знаний. Назначение на номенклатурную должность в 1939 г. получил 3031 человек, то есть 62,5% их штатной численности, по группе строевых должностей от командира полка и выше за тот же год было произведено 2452 назначения, или 73,9% их штатного числа²⁵⁹. Особо ярко недостатки в подготовке командных кадров в армии выявились в ходе Советско-финлянд-

ской войны 1939—1940 гг. Военное и политическое руководство вынуждено было признать, что в военной кадровой политике имеются значительные изъяны. Выступая 14 апреля 1940 г. на совещании высшего командного состава РККА, которое было посвящено итогам «зимней войны», И. В. Сталин обратил внимание на необходимость создания «культурного, квалифицированного и образованного командного состава». Он отметил: «Такого командного состава нет у нас или есть единицы»²⁶⁰.

После анализа итогов Финской кампании вновь последовали значительные кадровые перемещения в высшем военном руководстве страны. Правда, теперь на руководящие должности выдвинулись лучшие военачальники, среди них оказались многие из тех, кому в недалеком будущем суждено было встать во главе фронтовых объединений. Так, на должность наркома обороны СССР был назначен Маршал Советского Союза С. К. Тимошенко. Генеральный штаб возглавил генерал армии²⁶¹ К. А. Мерецков. Командующим войсками Киевского особого военного округа был назначен генерал армии Г. К. Жуков, Забайкальского — генерал-лейтенант И. С. Конев, Западного особого — генерал-полковник Д. Г. Павлов, Ленинградского — генерал-лейтенант М. П. Кирпонос, Московского — генерал армии И. В. Тюленев. Генерал-лейтенант Н. Ф. Ватутин был назначен начальником Оперативного управления Генштаба, генерал-майор А. М. Василевский стал его заместителем, а генерал-майор артиллерии Л. А. Говоров — заместителем генерал-инспектора артиллерии Красной армии. Тогда же были освобождены из заключения необоснованно арестованный в 1937 г. генерал-майор К. К. Рокоссовский и некоторые другие военачальники.

В Красной армии начались позитивные изменения, был взят курс на перестройку боевой и оперативной подготовки войск. Приказом наркома обороны от 16 мая 1940 г. «О боевой и политической подготовке войск в летний период 1940 учебного года» от войск требовалось организовать и проводить боевую подготовку, исходя из основной задачи — всегда быть в полной боевой готовности, приблизить обучение войск к условиям боевой действительности. Тактическую подготовку предписывалось «проводить в сложных условиях, приучая войска действовать днем и ночью, в любую погоду, переносить длительное физическое напряжение, умело маневрировать на разнообразной местности, преодолевая искусственные и естественные препятствия, быстро зарываться в землю и отражать внезапные нападения противника». Особое внимание уделялось организации взаимодействия различных родов войск. От всего личного состава требовалось повысить дисциплину и порядок в войсках. Повышенные требования предъявлялись к подготовке командиров и штабов. От всего начальствующего состава новый нарком обороны требовал «руководству боевой подготовкой и контролю за ее проведением уделять большую часть своего служебного времени»²⁶².

В декабре 1940 г. в Москве состоялось совещание высшего руководящего состава РККА, по окончании которого были проведены двусторонние оперативно-стратегические игры на картах. Участники совещания в своих выступлениях говорили о многих злободневных проблемах строительства Красной армии, в том числе о качестве военных кадров. В частности, К. А. Мерецков, Г. К. Жуков, И. С. Конев, И. Р. Апанасенко подчеркивали необходимость преодоления мелочной опеки над кадрами, воспитания смелых, инициативных генералов, способных действовать самостоятельно, творчески. «В условиях маневренной войны с подвижным и искусным противником, — отмечал Г. К. Жуков, — потребуются командиры, воспитанные на проявлении разумной инициативы и большой самостоятельности, иначе командиров, приученных все делать по расписанию, активный, инициативный противник разобьет в первом же сражении»²⁶³.

После совещания вновь последовали значительные кадровые перестановки в высшем военном руководстве. Г. К. Жуков был назначен начальником Генерального штаба РККА, К. А. Мерецков — заместителем наркома обороны по боевой подготовке, М. П. Кирпонос возглавил войска Киевского особого военного округа, М. М. Попов — Ленинградского, П. А. Курочкин — Орловского, И. С. Конев — Северо-Кавказского военного округа. В результате проведенных кадровых перестановок к 22 июня 1941 г. большинство командующих военными округами имели стаж работы в должности менее года.

В подготовке страны и вооруженных сил к отражению возможной агрессии важную роль играло оперативно-стратегическое планирование, то есть разработка плана войны, предусматривавшего порядок развертывания вооруженных сил, создание группировок войск для ведения военных действий, и замыслов первых стратегических операций. Оперативно-стратегическое планирование постоянно уточнялось в зависимости от поворотов в международной обстановке, а также изменений сил и средств, форм и способов ведения вооруженной борьбы. Оно представляло собой комплекс множества различных документов, которые делятся на две взаимосвязанные части — оперативную и мобилизационную. Основу оперативной части плана составляли соображения по стратегическому развертыванию вооруженных сил, план стратегического развертывания, план прикрытия мобилизации и сосредоточения войск и планы первых фронтовых операций. Основу мобилизационной части плана войны составляли план (схема) мобилизационного развертывания вооруженных сил (мобилизационный план) и план мобилизации промышленности.

В ходе укрепления обороноспособности страны учитывались принципы внешней политики СССР. Внешняя политика тех лет содержала два ключевых положения. Во-первых, Советский Союз не собирался нападать на кого-либо, стоял за мир и укрепление деловых связей со всеми странами; если же он подвергнется нападению, то враг будет не только отброшен от его границ, но и наголову разгромлен решительным наступлением Красной армии. Второе положение отражалось и в военной доктрине. В основополагающем плане «развертывания Вооруженных сил Советского Союза на западе и на востоке на 1940 и 1941 гг.» от 18 сентября 1940 г. в отношении «основ нашего стратегического развертывания на западе» говорилось: «Активной обороной прочно прикрывать наши границы в период сосредоточения войск. Во взаимодействии с левофланговой армией Западного фронта силами Юго-Западного фронта нанести решительное поражение люблин-сандомирской группировке противника и выйти на р. Висла. В дальнейшем нанести удар в общем направлении на Кельце, Краков и выйти к р. Пилица и верхнее течение р. Одер»²⁶⁴. В последующем в уточненных вариантах плана основополагающая формулировка об активной обороне неизменно сохранялась. Правда, на оборону тогда смотрели как на кратковременный этап военных действий, в котором участвует лишь часть войск, выделенная для прикрытия границы, пока идет от мобилизование и развертывание главных сил для решительного наступления. В плане же «Барбаросса» ни о какой обороне речь не идет и прямо указывается: уничтожить силы Красной армии в западной части СССР и захватить территорию до рубежа Архангельск, Астрахань, то есть жизненно важные регионы СССР. Дальнейшая разработка «плана развертывания» касалась изменения и распределения сил по стратегическим направлениям и уточнения их задач.

К весне 1940 г. в результате присоединения к СССР новых территорий значительная часть советских войск сменила дислокацию. Многие соединения были перемещены на большое расстояние от районов, где они должны были от мобилизоваться по прежнему плану на случай войны. Теперь Красная армия стояла лицом к лицу с армией Германии. К этому времени Вооруженные силы Советского Союза значительно увеличились. План их действий, принятый в 1938–1939 гг., перестал соответствовать обстановке. Поэтому в Генеральном штабе под руководством его начальника Б. М. Шапошникова к лету 1940 г. были разработаны основы нового плана. В августе Б. М. Шапошников передал К. А. Мерецкову пост начальника Генерального штаба и дела, среди которых были и те, где находились соображения по стратегическому развертыванию вооруженных сил. Они-то и легли в основу доклада, сделанного народным комиссаром обороны С. К. Тимошенко и начальником Генерального штаба К. А. Мерецковым И. В. Сталину в сентябре 1940 г. 14 октября «Соображения об основах стратегического развертывания Вооруженных сил Советского Союза на Западе и Востоке на 1940–1941 гг.» были одобрены политическим руководством страны, а в следующем месяце нарком обороны дал соответствующие указания разработать оперативные планы. В феврале следующего года, после завершения составления в Генеральном штабе мобилизационной части плана войны, в округах приступили к разработке своих мобилизационных планов. Завершить все плани-

рование намечалось в мае, однако ввиду продолжавшегося вплоть до 21 июня формирования новых соединений и не прекращавшейся передислокации войск этого сделать не удалось.

Считалось, что Советскому Союзу «необходимо быть готовым к борьбе на два фронта: на Западе — против Германии, поддержанной Италией, Венгрией, Румынией и Финляндией, и на Востоке — против Японии как открытого противника или противника, занимающего позиции вооруженного нейтралитета, всегда могущего перейти в открытое столкновение»²⁶⁵. Допускалось также выступление на стороне фашистского блока и Турции. Основным театром военных действий признавался Западный, а главным противником — Германия. В последние месяцы перед войной ожидалось, что вместе с союзниками она развернет против СССР на западе 230–240 дивизий, более 20,5 тыс. орудий, около 11 тыс. танков и свыше 11 тыс. самолетов всех типов. Предполагалось, что Япония со своей стороны выставит 50–60 дивизий, около 9 тыс. орудий, более 1 тыс. танков и 3 тыс. самолетов. Всего, таким образом, по оценке советского Генерального штаба, на Западе и Востоке наши вероятные противники могли иметь против Советского Союза 280–300 дивизий, примерно 30 тыс. орудий, 12 тыс. танков и 14–15 тыс. самолетов²⁶⁶.

Начальник Генерального штаба Б. М. Шапошников считал, что «Германия, вероятнее всего, развернет свои главные силы к северу от устья р. Сан с тем, чтобы из Восточной Пруссии через Литовскую ССР нанести и развить главный удар в направлении на Ригу, Ковно (Каунас) и далее на Двинск (Даугавпилс), Полоцк или на Ковно, Вильно (Вильнюс) и далее на Минск»²⁶⁷. Ожидался также удар со стороны Сувалок и Бреста на Волковыск и Барановичи. Основными целями этих ударов считались окружение и уничтожение советских войск в Прибалтике и Белоруссии и последующее наступление на Ленинград и Москву. Ожидались удары германских войск из района Люблина на Киев, румынских и немецких — из Северной Румынии в целях окружения и уничтожения советских войск на Правобережной Украине. Предполагалось, что финские войска при поддержке немецких соединений будут наступать на Ленинград, Петрозаводск и Кандалякшу, а немецкие — на Мурманск. «Основным, наиболее политически выгодным для Германии, а следовательно, и наиболее вероятным является 1-й вариант ее действий, то есть с развертыванием главных сил немецкой армии к северу от устья р. Сан», — считал Б. М. Шапошников²⁶⁸. Исходя из декларированной руководством страны политики ненападения, концепции ответного удара, то есть перехода в наступление после отражения удара агрессора, Б. М. Шапошников предлагал: «Считая, что основной удар немцев будет направлен к северу от устья р. Сан, необходимо и главные силы Красной армии развернуть к северу от Полесья»²⁶⁹.

Однако с таким вариантом не согласилось новое руководство наркомата во главе с С. К. Тимошенко и К. А. Мерецковым. Стратегический план ведения войны с Германией строился на неверном предположении о том, что в случае нападения немецкое командование будет стремиться в первую очередь к захвату экономически развитых районов Украины и Кавказа. В записке от 18 сентября 1940 г., написанной от руки А. М. Василевским, утверждалось, что Германия нанесет главный удар севернее р. Припять. Основным вариантом развертывания советских войск должен стать такой, при котором «главные силы сосредоточивались бы к югу от Брест-Литовска»²⁷⁰. Остальные варианты соображений военного руководства по стратегическому развертыванию Вооруженных сил Советского Союза на случай войны, составлявшиеся в 1941 г. практически ежемесячно, отличались от сентябрьского главным образом тем, что в них развертывание главных сил противника ожидалось «на юго-востоке, от Седлец до Венгрии, с тем чтобы ударом на Бердичев, Киев захватить Украину»²⁷¹. Это мнение усугубило ошибку, допущенную в сентябрьском варианте, и явилось одной из главных причин трагического исхода сражений лета 1941 г.

Советская военная доктрина, придававшая большое значение тылу страны, экономическому фактору в вооруженной борьбе, сделала правильный вывод, что война коалиции буржуазных государств против СССР не может быть молниеносной. Но и срыв целей этой коалиции потребует длительного напряжения всех сил советской страны, и война растянется по времени на несколько лет. Именно из этого исходил И. В. Сталин, определяя вероятное

направление главного удара противника на западе: он считал, что Германия будет стремиться захватить в первую очередь богатые сырьем, продовольствием и экономически наиболее развитые районы Советского Союза — Украину и Кавказ. Это вроде бы подтверждалось и данными советской разведки, неоднократно сообщавшей о том значении, которое придавали немецкие политические и военные руководители названным районам. По их мнению (в сообщениях агентуры), оккупация Украины должна была лишить СССР его основной производственной базы, от которой он зависел в сильнейшей степени. Поступала информация и о намерении германского командования захватить Украину в первую очередь.

Все это укрепило И. В. Сталина в мысли, что основные усилия германских войск будут сосредоточены не на западном (московском) стратегическом направлении, а на юго-западном. В октябре 1940 г. он настоял, чтобы советский план войны исходил из того, что главный удар на западе противник нанесет южнее Припяти, из района между Седлецом и границей с Венгрией, на Киев в целях захвата Украины.

В 1941 г. под руководством нового начальника Генерального штаба Г. К. Жукова работа по уточнению документов оперативного планирования продолжалась. Генеральный штаб тревожил вопрос, как предотвратить захват противником стратегической инициативы уже в приграничных сражениях. В начале мая 1941 г. в Генштабе был подготовлен документ, в котором указывалось на растущую концентрацию немецких войск у советских границ и на то, что уже отмобилизованная немецкая армия с развернутыми тылами «имеет возможность предупредить нас в развертывании и нанести внезапный удар». Чтобы не допустить внезапности нападения и захвата противником стратегической инициативы, в проекте документа предлагалось упредить немецкую армию в развертывании и разгромить ее на территории Польши и Восточной Пруссии «в тот момент, когда она будет находиться в стадии развертывания и не успеет еще организовать фронт и взаимодействие родов войск»²⁷².

Следует сказать, что этот документ представляет собой черновики, испещренные многочисленными исправлениями, на которых отсутствуют подписи должностных лиц. Тем не менее они позволяют реконструировать представления советского военного руководства о характере действий Красной армии в будущей войне. Анализ этих документов подтверждает зафиксированный в мемуарах советских военачальников факт, что советское военное руководство исходило из ошибочных представлений о начальном периоде войны. «При переработке оперативных планов весной 1941 года, — свидетельствовал Г. К. Жуков, — практически не были полностью учтены особенности ведения современной войны в ее начальном периоде. Нарком обороны и Генштаб считали, что война между такими крупными державами, как Германия и Советский Союз, должна начаться по ранее существовавшей схеме: главные силы вступают в сражение через несколько дней после приграничных сражений»²⁷³. О том же говорил и А. М. Василевский: хотя руководство Генштаба и исходило «при разработке плана... из правильного положения, что современные войны не объявляются, а они просто начинаются уже изготовившимся к боевым действиям противником», тем не менее «план по старинке предусматривал так называемый начальный период войны продолжительностью 15–20 дней от начала военных действий до вступления в дело основных войск страны»²⁷⁴.

В «Соображениях...» от 18 сентября 1940 г. после постановки задачи войскам Западного фронта «ударом... нанести решительное поражение германским армиям, сосредотачивающимся на территории Восточной Пруссии», указывалось: «В течение двадцати дней сосредоточения войск и до перехода их в наступление армии активной обороной, опираясь на укрепленные районы, обязаны прочно закрыть наши границы и не допустить вторжения немцев на нашу территорию». Таким образом, «нанесение удара» планировалось на двадцатый день от начала сосредоточения, прикрывать которое следовало «активной обороной»²⁷⁵.

Анализ директив, отданных Генштабом командованию западных приграничных округов в мае — июне 1941 г., а также планов прикрытия, разработанных в округах непосредственно перед нападением Германии, показывает, что устаревшие представления о начальном периоде войны сохранялись у командования РККА вплоть до 22 июня 1941 г. Так, в директивах Генштаба, отданных в мае 1941 г. Киевскому и Западному особым военным округам, задачи

на ведение обороны определялись следующим образом: «Упорной обороной укреплений по линии госграницы прочно прикрыть отмотилизованные, сосредоточение и развертывание войск округа... Активными действиями авиации завоевать господство в воздухе и мощными ударами... нарушить и задержать сосредоточение и развертывание войск противника». Ниже определялось количество боеприпасов, которое разрешалось израсходовать до пятнадцатого дня мобилизации. Таким образом, составители директив исходили из того, что военные действия начнутся до окончательного отмотилизования и сосредоточения главных сил Красной армии и, что не менее существенно, немецкие войска также будут заканчивать сосредоточение и развертывание уже после начала боевых действий. Так, в «Записке по плану действий войск в прикрытии», составленной в ЗапОВО, авиации ставилась такая же задача: «...нарушить и задержать сосредоточение войск противника»²⁷⁶. Что касается командования Прибалтийского особого военного округа (ПрибОВО), то, говоря о задачах разведки, составители этого плана указывали: «Цель разведки — с первого дня войны вскрыть намерения противника, его группировку и сроки готовности к переходу в наступление»²⁷⁷.

Таким образом, советское военное руководство исходило из такого представления о начальном периоде войны, в соответствии с которым начало войны и вступление в сражение главных сил противоборствующих сторон хронологически не совпадают. Военные действия в этот период должны были вестись ограниченными силами с целью помешать развертыванию основных сил противника.

В то же время «Соображения...» от 15 мая 1941 г. позволяют предположить, что руководство Генштаба в лице Г. К. Жукова и А. М. Василевского было обеспокоено тем, что Германия имела очевидные преимущества в сроках сосредоточения и развертывания на границах СССР армии вторжения. «Учитывая, что Германия в настоящее время держит свою армию отмотилизованной, с развернутыми тылами, — указывалось в документе, — она имеет возможность предупредить нас в развертывании и нанести внезапный удар. Чтобы предотвратить это, считаю необходимым ни в коем случае не давать инициативы действий германскому командованию, упредить противника в развертывании и атаковать германскую армию в тот момент, когда она будет находиться в стадии развертывания и не успеет еще организовать фронт и взаимодействие родов войск». Предлагались и необходимые подготовительные мероприятия по отмотилизованию и сосредоточению войск²⁷⁸. В одном из интервью после войны Г. К. Жуков заявил, что прежде чем представить документ И. В. Сталину, С. К. Тимошенко и Г. К. Жуков решили сначала проверить его реакцию на идею упреждающего удара, и когда завели об этом речь, то получили недвусмысленный ответ в довольно резких выражениях²⁷⁹. И. В. Сталин обвинил военных в стремлении спровоцировать А. Гитлера на нападение, так как широкомасштабные мероприятия мобилизации, сосредоточения и развертывания войск, занятие ими оборонительных сооружений у границы не могут остаться незамеченными и будут использованы германской стороной как повод для агрессии. Таким образом, в 1939–1941 гг. СССР не разрабатывал планов агрессивной войны против Германии, а записка не вышла за пределы Генерального штаба и была отправлена в архив.

Истолкование рассматриваемого документа как предложения развязать войну не имеет под собой никаких оснований. Составители майских «Соображений...», учитывая возможность начала войны летом 1941 г., предлагали И. В. Сталину заблаговременно осуществить необходимые мероприятия, которые позволили бы войскам Красной армии упредить противника в развертывании основных сил. Предполагалось, что столкновение с Германией может произойти только по инициативе последней, и, не будучи уверенным в том, что война все-таки начнется, руководство Генштаба планировало продолжать оборонительные мероприятия в том случае, если напряженность между двумя странами разрешится как-нибудь иначе. Советское руководство рассчитывало на то, что началу военных действий будет предшествовать выяснение отношений на дипломатическом уровне, в крайнем случае — какая-либо провокация со стороны Германии²⁸⁰. Кроме того, докладываемые И. В. Сталину разведсводки и спецсообщения содержали противоречивые сведения о планах Германии и сроках ее вероятного нападения на СССР.

Представляется все же, что советскому руководству не удалось найти адекватный ответ на проблему, связанную с осознанием неравности стартовых условий двух стран при осуществлении отмобилизования войск и их развертывания, из чего вытекала необходимость признания заведомой «проигрышности» для советской стороны начального этапа войны в ситуации, когда превентивное нападение по политическим соображениям было исключено. В мае 1941 г., после полета Р. Гесса в Великобританию, ситуация требовала немедленных действий по форсированию соответствующих мероприятий, пусть даже ценой несоблюдения маскировки, — именно это имел в виду А. М. Василевский, когда говорил о необходимости «смелого шага вперед» к «Рубикону войны», на что И. В. Сталин вовремя не решился. Выступить инициатором начала военных действий в тот момент, когда назревал, как опасались в Москве, англо-германский компромисс, означало бы для СССР не только отказаться от выгод, которые давал ему статус нейтрального государства, и навязать себе войну с очень сильным и опасным противником, но и стимулировать примирение между Берлином и Лондоном. В результате могло случиться, что СССР пришлось бы вести войну не только против Германии и ее союзников, но и против более широкой коалиции государств. Кроме того, политическое руководство и командование РККА не могли не понимать, что страна и вооруженные силы еще не были готовы к войне. Экономика не была переведена на военное положение. Производство новых образцов танков, самолетов и других видов вооружения только началось. Красная армия находилась в стадии коренной реорганизации. В этих условиях Советскому Союзу было крайне необходимо оттянуть начало войны хотя бы на один-два года.

Когда советское военно-политическое руководство осознало, что войны с Германией в самое ближайшее время не избежать, вооруженные силы явно отставали с созданием исходной группировки войск, предусмотренной предвоенными планами. Сосредоточение и развертывание войск Красной армии осуществлялось как реакция на становившуюся все более явной угрозой германского нападения и поэтому не могло не запаздывать по сравнению с аналогичными мероприятиями врага. Вероятно, И. В. Сталину в последние мирные дни не оставалось ничего иного, как продолжать прежнюю линию: «во что бы то ни стало выиграть время», «еще неделю, еще 15–20 дней», «не поддаваться на провокации», избегать действий, которые могли ускорить выступление Германии. «Все помыслы и действия Сталина в это время, — писал Г. К. Жуков, — были пронизаны одним желанием — избежать войны или оттянуть сроки ее начала — и уверенностью в том, что ему это удастся»²⁸³.

Изложенные в «Соображениях...» планы первых операций РККА носят наступательный характер, что дало ряду историков дополнительный повод для обвинения СССР в подготовке нападения на Германию. Однако прямой связи между характером действий вооруженных сил и политическими целями войны нет. Наступление и нападение — разные вещи. Как представляется, Генеральный штаб и Наркомат обороны считали, что войска должны быть готовы разгромить противостоящего им противника в любом случае. Советское командование не планировало отступления в глубь страны в духе 1812 г., рассчитывая с первых дней войны начать борьбу за стратегическую инициативу. Только такой вариант позволял надеяться на успешный исход столкновения со столь мощным противником, каким являлась нацистская Германия. И в этом не было ничего исключительного: все планы крупных держав — участниц как Первой, так и Второй мировой войн были наступательными²⁸⁴. Даже Польша планировала «наступательную войну». Тем не менее никому не приходило в голову обвинять Францию или Польшу в подготовке нападения на Германию только потому, что военные этих стран в случае войны планировали действовать «наступательным образом».

Так что «наступательный характер» советской военной доктрины и документов планирования никак не может свидетельствовать в пользу того, что советским руководством было принято решение о нападении на Германию летом 1941 г., или же служить аргументом в пользу некоей особой «агрессивности» СССР. Поэтому неправомерно использование некоторыми историками выражения «наступательная война» в качестве синонима войны захватнической, агрессивной. Очевидно, исследователи, используя выражение «наступательная война», имеют в виду способ действия вооруженных сил, вопрос же о целях войны остается за скобками.

Политическое руководство нацистской Германии и командование вермахта, говоря об оценке военных намерений СССР, квалифицировали материально-техническое и кадровое состояние Красной армии как в целом неудовлетворительное и считали, что она не в состоянии вести широкомасштабные наступательные операции. В то же время, зная о неготовности СССР к войне летом 1941 г., германское руководство учитывало тот факт, что в дальнейшем условия для нападения на СССР будут становиться все менее благоприятными. Руководство Германии сознавало, что время работает не на него, а на Советский Союз, именно поэтому надо было спешить с осуществлением нападения. На совещании 27 сентября 1939 г. А. Гитлер говорил: «Время будет работать в общем против нас, если мы его сейчас же не используем... В военном отношении время работает также не на нас»²⁸⁵. С точки зрения интересов Германии это была адекватная оценка обстановки.

Такого рода военно-политические соображения, вероятно, действительно повлияли на принятие в Берлине решения о подготовке нападения на СССР. В то же время в нацистском руководстве сложилось устойчивое убеждение, что в обозримом будущем Советский Союз не только не собирается предпринимать каких-либо агрессивных действий против Германии, но и не рискнет прибегнуть к превентивным наступательным действиям в оборонительных целях. Как свидетельствует дневник Ф. Гальдера, А. Гитлер не раз высказывался в соответствующем ключе. 14 августа 1939 г. на секретном совещании руководящего состава вермахта он заявил, что «Россия не собирается таскать каштаны из огня для Англии и уклонится от войны». Позднее, 22 июля 1940 г., он опять с определенностью констатировал: «Русские не хотят войны»²⁸⁶. Данную оценку разделял, в частности, министр финансов Германии Л. Шверин фон Крозиг, который считал, что «СССР выполняет все условия договора (1939 г. — *Прим. ред.*) и не создает никакой угрозы Германии военной силой»²⁸⁷. Оценка самого Ф. Гальдера совпадала с мнением фюрера: «Россия сделает все, чтобы избежать войны». Непосредственно накануне агрессии, 22 мая 1941 г., Ф. Гальдер, подчеркивая оборонительный характер группировки Красной армии в западных приграничных округах, отмечал «решимость русских удержаться на границе» и отсутствие признаков подготовки к наступлению. 7 мая 1941 г. Й. Геббельс записал в дневнике: «Русские еще ничего, кажется, не подозревают. Свои войска они развертывают таким образом, что их положение отвечает нашим интересам, лучшего мы не можем и желать»²⁸⁸.

Военные специалисты тем не менее не могли не рассматривать превентивный вариант действий Красной армии. В стратегической разработке оперативного отдела ОКВ по подготовке и проведению кампании против СССР от 15 сентября 1940 г. излагались возможные варианты действий СССР в войне против Германии, в том числе и такой, при котором «русские захотят нас упредить и с этой целью нанесут превентивный удар по начинающим сосредотачиваться у границы немецким войскам». Однако авторы документа считали «невероятным, что русские решатся на наступление крупных масштабов, например, на вторжение в Восточную Пруссию и северную часть Генерал-губернаторства... Видимо, на это не будут способны ни командование, ни войска». Наиболее вероятным в документе считался вариант, при котором русские армии «примут на себя удар немецких вооруженных сил, развернувшись вблизи границы». Причем этот вариант рассматривался как более благоприятный для немецкой армии в связи с тем, что «после поражения в приграничных районах русское командование вряд ли сможет обеспечить организованный отход всей армии»²⁸⁹.

Подобной оценки действий советских войск придерживалось командование вермахта и позднее, исходя из того, что Красная армия будет обороняться. В директиве ОКХ по стратегическому развертыванию от 31 января 1941 г. сказано: «Вероятно, что Россия, используя частично усиленные полевые укрепления на новой и старой государственной границе, а также многочисленные удобные для обороны выгодные рубежи, примет главное сражение в районе западнее Днепра и Двины... При неблагоприятном течении сражений, которые следует ожидать к югу и к северу от Припятских болот, русские попытаются задержать наступление немецких войск на рубеже Днепр, Двина»²⁹⁰. Ф. Гальдер 22 марта 1941 г. записал в дневнике: «Я не верю в вероятность инициативы со стороны русских». В таком же духе

высказывался генерал-фельдмаршал Г. фон Рундштедт. Это мнение подтверждалось разведывательными сводками, поступавшими в Берлин. Так, в сводке № 5 от 13 июня 1941 г. Генштаба сухопутных войск Германии отмечалось, что «со стороны русских... как и прежде, ожидаются оборонительные действия»²⁹¹. Такая же оценка возможных действий Красной армии содержалась в донесениях германского посла и военного атташе в Москве. В частности, в мае 1941 г. посол сообщал в Берлин: «Я твердо убежден, что в международной ситуации, которую он считает серьезной, Сталин поставил целью предохранение Советского Союза от столкновения с Германией». В ходе личной беседы с А. Гитлером В. Шуленбург заявил: «Я не могу поверить, что Россия когда-либо нападет на Германию». Согласившись с этим, А. Гитлер выразил недовольство тем, что Советский Союз невозможно даже «спровоцировать на нападение»²⁹².

Во время переговоров с министром иностранных дел Японии Ё. Мацуокой в марте 1941 г. А. Гитлер и И. фон Риббентроп характеризовали позицию СССР соответствующим образом. Отметим, что данные источники предназначались отнюдь не для пропаганды и введения в заблуждение общественного мнения и содержат оценки реальной обстановки.

Что касается Советского Союза, то рассекреченные в 1990-е гг. документы военно-стратегического планирования не дают оснований для утверждений о подготовке им нападения на Германию. Более того, нет достаточных оснований и для утверждений о подготовке Генеральным штабом Красной армии упреждающего удара по сосредоточивающимся у границы немецким войскам.

Конечно, советское руководство готовилось к войне: долгосрочные стратегические планы А. Гитлера, мероприятия германской армии по подготовке к вторжению с определенного момента не являлись для советского руководства тайной, и не реагировать на них было преступным легкомыслием. Однако СССР не намеревался напасть на Германию. Мир с ней был для него во всех отношениях более выгодным, чем столкновение с непредсказуемыми последствиями. Выдвигая войска к границе, советское руководство продолжало искать пути преодоления кризиса мирными средствами. Предположения о том, что СССР мог напасть на Германию в 1942 г. или позднее, — спекуляции, не имеющие документального подтверждения. Планы стратегического развертывания на этот период Генеральным штабом Красной армии разработаны не были, никаких программных заявлений по этому поводу руководство СССР не делало. Да, в 1942 г. СССР чувствовал бы себя более сильным в военном отношении, чем в 1940 или 1941 г. Но это еще не означает, что Советский Союз непременно напал бы на Германию. Мощь Красной армии могла просто стать тем фактором, который исключил бы возможность военного выступления Германии против Советского государства. Таким образом, нападение Германии на СССР являлось неспровоцированной агрессией.

Для отражения агрессии на западе планировалось использовать 237 дивизий (155 стрелковых и горнострелковых, 51 танковую, 25 моторизованных и шесть кавалерийских), 15 воздушно-десантных, все противотанковые и две стрелковые бригады, 55 артиллерийских полков РКК и 159 авиационных полков. На Дальнем Востоке планировалось иметь 31 дивизию, для обороны Крыма — три, Кавказа — 21, Средней Азии — 10 и побережья Белого моря — одну дивизию²⁹³. Первый стратегический эшелон советских войск на западе должны были составить 186 дивизий (120 стрелковых, 40 танковых, 20 моторизованных, шесть кавалерийских). 51 дивизия предназначалась в состав войск второго стратегического эшелона (резерва Главного командования). Войска первого стратегического эшелона планировалось свести в четыре фронта, каждый из которых развертывался в пределах существовавших в мирное время военных округов. Один из них, Юго-Западный, который должен был отразить, как тогда предствлялось, главный удар противника, создавался в пределах границ Киевского особого и Одесского военных округов. Дивизии РКК, прибывавшие из Московского, Уральского, Забайкальского, Сибирского, Орловского, Харьковского, Северо-Кавказского, Ленинградского и Архангельского военных округов, должны были объединиться в пять армий и составить второй стратегический эшелон. Для создания запланированной группировки советских войск на западе необходимо было перевезти железнодорожным транспортом более 60 соединений,

на что требовалось свыше 3 тыс. железнодорожных эшелонов. Особенно много дивизий прибывало на юго-западное направление. Окончательное сосредоточение и развертывание войск на юго-западе ожидалось на 30-й день после объявления мобилизации, на северо-западе и западе — на 20-й день. Все это ставило советские войска в затруднительное положение, поскольку завершение развертывания войск противника предполагалось на 10–15-й день.

Стремясь сократить сроки создания ударных группировок, советское военное руководство уже в мирное время разместило в районах их развертывания — в белостокском и львовском выступах — наиболее укомплектованные боевой техникой подвижные соединения. Они имели много новых танков типа KV и Т-34. В этих же районах располагалось большое количество стрелковых соединений и артиллерии. Такая дислокация в полной мере соответствовала замыслу наступательных действий советских войск, так как они еще в мирное время занимали охватывающее положение по отношению к группировке противника. Однако в случае успеха противника наши группировки сами оказывались под угрозой глубокого охвата.

Сравнивая советский план войны с германским, следует в первую очередь отметить такую их принципиальную разницу, как представление о начале войны. Германский план исходил из необходимости обеспечения внезапного нападения полностью развернутыми вооруженными силами. Советский план предусматривал, что удар агрессора будет отражаться силами войск приграничных военных округов. В ходе этих действий и под их прикрытием будут завершаться от мобилизованные уже действующих войск, а также войск второго стратегического эшелона, создаваться группировки войск, предназначенные для ведения наступательных действий. Это ставило советские войска в сильную зависимость от правильного определения вероятного срока агрессии. Командование же вермахта, приступая к планированию, имело перед собой точно заданный срок нападения и, следовательно, время, отведенное на подготовку к нападению. Это позволяло четко и определенно планировать все мероприятия и начинать агрессию только по достижении максимально возможной в данной ситуации готовности к ней. Разработка советского плана войны характеризовалась незавершенностью и обусловленной этим недостаточной освоенностью исполнителями.

Советский план войны не способствовал успешному отражению нападения противника полностью от мобилизованными силами в целях достижения решающих стратегических результатов уже в начале войны. Фактическое отсутствие предполья при планировании обороны ставило войска Красной армии в случае внезапного нападения в крайне невыгодное положение. Принятый планом мобилизации порядок доставки личного состава, автотранспорта и тракторов из глубины страны в условиях нанесения противником первого удара всеми силами ставил мобилизацию под угрозу срыва. Просчетом планирования являлись чрезмерное внимание к наступлению и подчинение этому всех мероприятий, а также недооценка обороны. В отличие от войск Германии и ее сателлитов, которые к моменту нападения на СССР находились в состоянии полной боевой готовности, группировка советских войск на западе оказалась не развернутой и не готовой к военным действиям.

Тревожная информация о подготовке фашистской Германии к войне против СССР и о политике правящих кругов других западных стран стала поступать в 1938 г., и особенно с середины 1939 г. Разгромив в сентябре 1939 г. Польшу, одержав внушительную победу над англо-французскими войсками в 1940 г., А. Гитлер вновь вернулся к своей цели — подготовке к войне с СССР. Информация о намерении Германии после разгрома Франции и Англии напасть на Советский Союз стала поступать в июне 1940 г. В частности, об этом сообщалось в донесениях Главного управления пограничных войск НКВД СССР, их разведотделов штабов приграничных военных округов. Ценные сведения посылались из Берлина, Токио, Цюриха, Бухареста, Софии, из немецкого посольства в Москве и по другим дипломатическим каналам. 9 июля 1940 г. советский военный атташе в Берлине генерал В. И. Тупиков доложил о переброске немецких войск с запада на восток.

Учитывая темпы наращивания сил противником, советское военное руководство предпринимало меры по усилению западных приграничных округов, а с 13 мая начало отдавать распоряжения о выдвигании дивизий и корпусов из Забайкальского, Северо-Кавказского,

Приволжского, Уральского и Харьковского военных округов. Эти соединения должны были войти в состав трех армий второго стратегического эшелона и одной армии, предназначавшейся для усиления войск Киевского особого военного округа.

Народный комиссар обороны С. К. Тимошенко и начальник Генерального штаба Г. К. Жуков пытались убедить И. В. Сталина в необходимости принятия мер по повышению боевой готовности войск приграничных военных округов или хотя бы разрешить частям занять подготовленные у границы оборонительные рубежи. Однако советское руководство понимало, что Красная армия еще не готова к войне. Поэтому его главная цель в 1941 г. состояла в том, чтобы любой ценой избежать войны, оттянуть ее хотя бы до 1942 г., выиграть время и завершить подготовку страны к отпору агрессору. Исходя из этой цели, И. В. Сталин, как правило, отклонял такие предложения, высказывая опасения, что военные мероприятия могут спровоцировать немцев на вооруженный конфликт.

В феврале 1941 г. началось осуществление плана сосредоточения германских войск у советских границ. Быстрое увеличение их числа не могло не беспокоить советское военное руководство, поэтому оно предпринимало меры для усиления западных приграничных военных округов. В этих целях в апреле 1941 г. туда было переброшено несколько стрелковых дивизий. Однако, учитывая темпы наращивания сил противником и неравные условия развертывания войск, Генеральный штаб во главе с Г. К. Жуковым справедливо считал предпринятые шаги совершенно недостаточными.

Таким образом, накануне войны военно-политическое руководство страны предприняло некоторые меры, направленные на повышение боевой готовности вооруженных сил. Однако основная часть всех этих мероприятий относилась к войскам, которые предназначались для действий в качестве второго стратегического эшелона, а не главных сил. Главные же силы, сосредоточенные в приграничных военных округах, до исхода 21 июня так и не получили из центра распоряжения о приведении их в полную боевую готовность.

В конце мая и начале июня из войск и от командования пограничной охраны стала поступать информация, свидетельствующая о подготовке германских войск к скорому нападению. Развертывание же советских войск на западе продолжалось прежними темпами. 19 июня начальник Генерального штаба от имени наркома обороны отдал распоряжения округам о выделении фронтовых управлений и выводе их к 22–23 июня на командные пункты. Нарком ВМФ Н. Г. Кузнецов 19 июня приказал привести флоты и флотилии в оперативную готовность № 2.

К 22 июня 1941 г. вместо 237 дивизий, которые в соответствии с планом предполагалось развернуть на западе, там оказались 186 (включая три дивизии, расположенные в Крыму), 10 дивизий внутренних округов находились в движении, остальные готовились к нему, будучи рассредоточенными от Архангельска до Забайкалья. Они могли быть введены в сражение не ранее, чем через две-три недели, то есть значительно позже войск стратегического резерва противника. Следует также учитывать, что вражеские войска, входившие в состав стратегического резерва, были полностью отмотобилизованы, советским же требовалось еще значительное время на отмотобилизование и слаживание. Большинство частей, предназначавшихся для прикрытия, не было приведено в состояние полной боевой готовности и не смогло изготовиться для отражения нападения. Войска первого стратегического эшелона и часть сил РГК, выдвинувшихся на запад, были рассредоточены от границы до Днепра. Все самолеты оставались на постоянных аэродромах, расположение которых в большинстве случаев было хорошо известно противнику. Командование ВВС не использовало для рассредоточения машин 382 оперативных аэродрома, рассчитанных на базирование авиации в условиях угрозы нападения. Все это уже заранее создавало противнику предпосылки для завоевания господства в воздухе.

Группировка советских войск на Западе с учетом 16 дивизий РГК насчитывала 3 млн человек, около 39,4 тыс. орудий и минометов, 11,0 тыс. танков и более 9,1 тыс. боевых самолетов²⁹⁴. Эти цифры свидетельствуют, что, уступая противнику в личном составе и артиллерии, советские войска, расположенные на Западном театре военных действий, превосходили его по числу танков и самолетов. Однако общее качественное превосходство было на стороне

противника, и оно, как показали последующие события, имело в начале войны решающее значение. Новых танков типа КВ и Т-34 в войсках было 10–12%, а танки устаревших типов (Т-26, БТ-7, Т-28, Т-35 и другие) в большинстве своем требовали ремонта, причем ремонтная база удовлетворяла потребности лишь на 10%. Из 9,1 тыс. самолетов 13% также были неисправны, а почти 2 тыс. не имели летных экипажей. Новых самолетов, таких как Ил-2, МиГ-3, ЛаГГ-3, Як-1, Пе-2, Су-2, насчитывалось около 1,5 тыс., но лишь 208 экипажей успели переучиться на новую технику. Красная армия значительно уступала вермахту в подвижности, имея 272 тыс. автомобилей против 600 тыс. у немцев. На всю РККА приходилось всего 34 тыс. радиостанций. Велик был и некомплект командного состава, доходивший до 25%, а в ВВС — до 30%, к тому же 73% командиров окончили только курсы младших лейтенантов или были призваны из запаса.

Кроме того, агрессор к моменту нападения обладал целым рядом преимуществ. Одним из важнейших было то, что его войска находились в развернутом состоянии, в полной боевой готовности и вследствие просчетов советского политического и военного руководства получили возможность внезапно напасть на неразвернутые в соответствующие планы группировки и не отобработанные советские войска. Другим преимуществом вермахта являлось качество военной техники. Все его боевые самолеты представляли собой машины новейших образцов, в то время как основной парк самолетов советских ВВС значительно уступал им по тактико-техническим характеристикам. Хотя многие советские танки образца 1930-х гг. и не уступали по техническим характеристикам германским, однако их состояние находилось на более низком уровне. В отличие от советских соединений и частей, находившихся в состоянии формирования или реорганизации, соединения и части противника, полностью укомплектованные по штатам военного времени, слаженные и обученные, во всех звеньях имели хорошо теоретически и практически подготовленный командный состав. Существенную роль играло наличие у войск Германии богатого опыта почти двухлетних боевых действий в Европе.

Одним из важнейших преимуществ вермахта перед советскими войсками являлось также превосходство в подвижности. Перед нападением на Советский Союз Германия получила в свое распоряжение автомобильный транспорт почти всей Западной Европы и оснастила им армию. Только за счет трофейных французских автомобилей были оснащены 92 дивизии вермахта. Советские же войска имели всего треть штатной численности транспорта.

Заканчивался последний мирный день. В Генеральный штаб из войск поступали сообщения одно тревожнее другого. В поведении противника отмечались явные признаки подготовки к немедленному переходу в наступление. Работники Наркомата обороны, несмотря на поздний час, не покидали своих рабочих мест.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Воспользовавшись уничтожением английской эскадры в августе 1914 г. нескольких германских кораблей в районе Маршалловых, Каролинских и Марианских островов, японцы легко овладели этими островами, являвшимися германскими владениями. В сентябре — ноябре 1914 г. Япония при некотором содействии англичан захватила портовый город-крепость Циндао на Шаньдунском полуострове, а затем установила свой контроль над всем Шаньдунем, принадлежавшим Германии на правах аренды (См.: Вооруженные силы Японии. История и современность. М., 1985. С. 18–20, 21–29).

² Кошкин А. Крах стратегии спелой хурмы. М., 1989. С. 15.

³ Военно-исторический журнал. 1998. № 5. С. 44.

⁴ Под термином «цивилизация» имеются в виду уровень и характерные черты общественного развития, материальной и духовной культуры, «социальная форма движения материи» (см.: Цивилизации. М., 1992).

⁵ Ивашов Л. Россия и мир на пороге нового тысячелетия: Глобальные вызовы, новые реалии и старые угрозы. М., 1998. С. 20 и др.

⁶ Лиддел Гарт Б. Вторая мировая война / Пер. с англ. М., 1976. С. 23.

⁷ Мировые войны XX века: в 4 кн. М., 2005. Кн. 4. С. 65.

⁸ Nuremberg. Trial of the Major War Criminals Before the International Military Tribunal: Nuremberg, 14 Nov. 1945 — 1 Oct. 1946: Official Text. Nuremberg, 1947. Vol. XXXI Doc. 126-C (далее — ИМТ); Завтра может быть уже поздно // Вестник МГИМО — Университета. Специальный выпуск к 70-летию начала Второй мировой войны. М., 2009. С. 376.

⁹ Координация действий советских и монгольских войск возлагалась на фронтовое управление, которым руководил командарм 2 ранга Г. М. Штерн. Монгольскими войсками командовал маршал МНР Х. Чойбалсан.

¹⁰ Подробнее см.: Мировые войны XX века. Кн. 3. М., 1995. С. 16–76.

¹¹ Documentes diplomatiques francaise 2-е Serie. Т. XVIII. P. 1984. P. 127, 212. (Далее — DDF). Подробнее см.: 1939 год. Уроки истории. Ч. II. Гл. 5. Упущенная возможность. С. 298–318.

¹² Год кризиса 1938–1939. Т. II. М., 1990. С. 294; подробнее см.: Секреты польской политики 1935–1945. Сб. документов. М., 2009.

¹³ Rees L. Behind Closed Doors. L., 2008. P. 15.

¹⁴ DDF. Т. XVIII. P. 232. Гамелен М. Г. (1872–1958) — главнокомандующий французской армией в начале войны, один из виновников поражения Франции.

¹⁵ Мосли Л. Утраченное время / Пер. с англ. М., 1972. С. 305–307.

¹⁶ Read A., Fisher D. The Deadly Alliance: Hitler, Stalin and the Nazi-Soviet Pact 1939–1941. L., 1988. P. 115.

¹⁷ До 1918 г. Северная Буковина была частью Австро-Венгрии, после распада которой вошла в состав Румынии.

¹⁸ См.: Вестник Архива Президента Российской Федерации. СССР — Германия. 1933–1941. М., 2009. С. 253–324; Анализ взаимной торговли двух стран в этот период, подробные сведения о приобретенном у Германии оборудовании и военной технике содержатся в книге: Пыхалов И., Дьюков А. «Великая оболганная война». М., 2009. С. 199–224.

¹⁹ Черчилль У. Вторая мировая война. Т. I / Пер. с англ. М., 1955. С. 357, 358.

²⁰ Дашичев В. И. Стратегия Гитлера — путь к катастрофе. 1933–1945: в 4 т. М., 2005. Т. 1. С. 12–13; Он же. Банкротство стратегии германского фашизма (1933–1945): в 2 т. М., 1973. Т. 1. С. 8.

- ²¹ История второй мировой войны 1939–1945: в 12 т. М., 1974. Т. 3. С. 357.
- ²² Гальдер Ф. Военный дневник. Т. 1 / Пер. с нем. М., 1968. С. 125.
- ²³ Подробнее см.: Макачук В. С. События сентября 1939 года в свете доктрины интертемпорального права и права на «самопомощь» // Нарочницкая Н., Фалин В. и другие. Партитура Второй мировой. Кто и когда начал войну. М., 2009. С. 208–240.
- ²⁴ К 70-летию начала Второй мировой войны. Исследования, документы, комментарии. М., 2009. С. 274, 427.
- ²⁵ Зимняя война 1939–1940. Кн. 1. М., 1999. С. 375.
- ²⁶ Зимонин В. Канун и финал Второй мировой войны. Советский Союз и принуждение Японии к миру. М., 2010. С. 16–21, 38.
- ²⁷ Телеграмму И. М. Майского об этой беседе см.: Документы внешней политики (далее — ДВП). 1939 год. Кн. 2. М., 1992. С. 167–169.
- ²⁸ Архив внешней политики Российской Федерации (далее — АВП). Ф. 059. Оп. 1. П. 326. Д. 13. Л. 4; Вестник Архива Президента Российской Федерации. С. 185–210.
- ²⁹ АВП. Ф. 059. Оп. 1. П. 326. Д. 13. Л. 44–53; см. также: Майский И. М. Дневник дипломата. Лондон. 1934–1943. Кн. 2. Ч. 1. М., 2009. С. 201.
- ³⁰ ДВП. 1940 — 22 июня 1941 г. Т. 23. Кн. 1. М., 1995. С. 399–400.
- ³¹ Woodward L. British Foreign Policy in the Second World War. Volume I. L., 1970. P. 468–470 (Далее — Woodward).
- ³² Подробнее см.: Чубарьян А. Канун трагедии. Сталин и международный кризис. Сентябрь 1939 — июнь 1941 года. М., 2009. С. 389 и др.
- ³³ ДВП. 1940 — 22 июня 1941 г. Кн. 2. Ч. 1. М., 1998. С. 39 и др.
- ³⁴ Там же. С. 136–137.
- ³⁵ АВП. Ф. 059. П. 353. Д. 2409. Л. 54.
- ³⁶ Правда. 1992. 23 июня.
- ³⁷ Переписка Председателя Совета министров СССР с президентами США и премьер-министрами Великобритании во время Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. Т. 1. М., 1986. С. 442–443.
- ³⁸ Цит. по: Лота В. Увидеть красный свет // Российское военное обозрение. № 7. 2008. Июль. С. 46. Сведения о первоисточнике этой переписки не указаны; см. также: Marphy D. What Stalin Knew. The Enigma of Barbarossa. New Haven, L., 2005. P. 185–191.
- ³⁹ АВП. Ф. 059. Оп. 1. П. 320. Д. 2199. Л. 249–250. Полный текст послания неизвестен. По всей видимости, оно было оставлено без ответа, так как вскоре началась Советско-финляндская война.
- ⁴⁰ ДВП. Т. 22. 1 января — 31 августа 1939 г. Кн. 1. М., 1992. С. 524–525.
- ⁴¹ АВП. Ф. 06. Оп. 2. П. 24. Д. 295. Л. 2–6.
- ⁴² Подробнее см.: ДВП. 1940 — 22 июня 1941. Кн. 1. М., 1995. С. 66–69.
- ⁴³ АВП. Ф. 06. Оп. 3. П. 4. Д. 7361. Л. 44.
- ⁴⁴ Там же. Ф. 059. Оп. 1. П. 345. Д. 236. Л. 328.
- ⁴⁵ Там же. П. 320. Д. 2202. Л. 56–57.
- ⁴⁶ Там же. Л. 84–87.
- ⁴⁷ Foreign Relations of the United States Diplomatic Papers (далее — FRUS), 1940. Washington, 1959. Vol. I. P. 678.
- ⁴⁸ АВП. Ф. 059. Оп. 1. П. 345. Д. 236. Л. 86–87.
- ⁴⁹ Kimball W. The Juggler: Franklin Roosevelt as War time Statesman. Princeton (New Jersey), 1991. P. 30–31.
- ⁵⁰ FRUS, 1940. Vol. I. P. 616–617.
- ⁵¹ АВП. Ф. 06. Оп. 3. П. 4. Д. 35. Л. 173. В свою очередь, К. Хэлл крайне отрицательно относился к К. А. Уманскому и считал, что он «нанес большой ущерб российско-американским отношениям» (The Memoirs of C. Hull. N. Y., 1948. Vol. I. P. 743).
- ⁵² АВП. Ф. 059. Оп. 1. П. 345. Д. 2361. Л. 361. Г. Икес — министр внутренних дел США.
- ⁵³ Секреты Гитлера на столе у Сталина. Разведка и контрразведка о подготовке германской агрессии против СССР. Март — июнь 1941 г. Документы из Центрального архива ФСБ. М., 1995. С. 17.
- ⁵⁴ 16 мая 1941 г. парламентский заместитель министра иностранных дел Р. Батлер заверил советского посла И. М. Майского в том, что «решимость правительства вести войну осталась в полной силе... Гесс

остается в Англии и будет рассматриваться как военнопленный» (ДВП. Т. 23. Кн. 2. Ч. 2. С. 690). Советская разведка получала сведения о Р. Гессе и его встречах начиная с 14 мая, и, по оценке историков разведки, это была реализация замысла нацистского руководства заключить мир с Англией накануне нападения на Советский Союз, подставив его в одиночестве под удар агрессоров. «Во всяком случае, затычка с открытием второго фронта совпадала с требованием Берлина не мешать Гитлеру вести «восточную кампанию», пока он не победит... Не случайно английские власти надолго засекретили архивные материалы, связанные с перелетом Гесса, спустя более полувека после полета «Черной Берты» британские власти предпочитают держать такие сведения в глубочайшей тайне» (Очерки истории российской внешней разведки. Т. 3. М., 1997. С. 433–440). Вокруг дела Р. Гесса возникло множество легенд, одна из них — в Англии. Британский хирург Х. Томас, который в соответствии с порядком пребывания немецких военных преступников в тюрьме Шпандау наблюдал за состоянием Р. Гесса, в 1986 г. в Лондоне утверждал, что в тюрьме Шпандау находился кто-то другой, но не Р. Гесс. Этому «двойнику» Х. Томас сделал несколько рентгеновских снимков легких, но, по его словам, «остающихся на всю жизнь» следов сквозного ранения левого легкого, полученного Р. Гессом в Первую мировую войну, не обнаружил. Х. Томас написал об этом две книги, но особого успеха они не имели. Загадками остаются запрет Р. Гессу во время Нюрнбергского трибунала что-либо сообщать о своем полете в Великобританию, самоубийство Р. Гесса в тюрьме и многое другое в этой истории.

⁵⁵ Подробнее см.: *Очерки истории российской внешней разведки*. Т. 3. С. 468.

⁵⁶ Москва — Вашингтон. Политика и дипломатия Кремля 1920–1941. Сб. документов: в 3 т. М., 2009. Т. 3. С. 719–720.

⁵⁷ Известия. 1941. 14 июня.

⁵⁸ *Кондрашов В.* Знать все о противнике. Военные разведки СССР и фашистской Германии в годы Великой Отечественной войны (историческая хроника). М., 2010. С. 90–93.

⁵⁹ *Мартыросян А.* 200 мифов о Великой Отечественной войне: в 5 т. Трагедия 1941 года. М., 2008. С. 125–130.

⁶⁰ О телеграмме начальника Генерального штаба 18 июня 1941 г. о приведении войск Западного особого военного округа в боевую готовность известно из материалов следственного дела на командующего округом, а затем (июнь 1941 г.) Западным фронтом генерала армии Д. Г. Павлова. См.: *Ямпольский В.* ...Уничтожить Россию весной 1941 г. Документы спецслужб СССР и Германии 1937–1945. М., 2009. С. 509. Оригинал телеграммы или ее копия остаются неизвестными.

⁶¹ *Черчилль У.* Вторая мировая война. Т. III. М., 1995. С. 362–363.

⁶² *Gilbert M.* The Churchill War Papers. Vol. 3. 1941. L., 2000. P. 832.

⁶³ С. Криппс, британский посол в Москве, в те дни находился в Лондоне.

⁶⁴ *Майский И. М.* Дневник дипломата. М., 2009. Кн. 2. Ч. 1. С. 413.

⁶⁵ Советско-английские отношения во время Великой Отечественной войны 1941–1945. Документы и материалы: в 2 т. Т. 1. 1941–1945. М., 1983. С. 47; С. Криппс просил также заверить советское правительство, что британское правительство «не допустит никакого промедления в оказании СССР (в случае нападения на него Германией) той помощи, на которую оно будет способно» (там же. С. 513).

⁶⁶ Российская газета. 2009. 8 июля.

⁶⁷ ДВП. 1939 год: в 2 кн. М., 1992; 1940 — 22 июня 1941 г.: в 3 кн. М., 1995, 1998.

⁶⁸ *Rees L.* Behind Closed Doors.

⁶⁹ *Лавров С.* 65-летие Великой Победы // Дипломатический ежегодник. 2009.

⁷⁰ Советская разведка известила руководство СССР о содержании этого документа уже в августе 1927 г. Разведка приложила немало усилий и истратила большие суммы на приобретение меморандума, что опровергает предположения некоторых авторов о том, что текст меморандума — фальшивка, изготовленная в недрах советского ОГПУ (см.: *Черевко К. Е., Кириченко А. А.* Советско-японская война (9 августа — 2 сентября 1945 г.). Рассекреченные архивы (предыстория, ход, последствия). М., 2006. С. 18); Экспертизу копии документа, добытого агентурой ОГПУ в Харбине, для Генерального штаба РККА сделал специалист высшего класса профессор-японовед Макин, отлично знакомый с японской секретной документацией, подтвердив подлинность документа (см.: *Горбунов Е.* Крах планов «Оцу». Владивосток, 1988. С. 27–28); По представлению американского обвинения меморандум был признан Международным трибуналом в Токио в качестве обвинительного документа за номером 169 (см.: *Черевко К. Е.,*

Кириченко А. А. Указ. соч. С. 11, 20; Смирнов Л. Н., Зайцев Е. Б. Суд в Токио. М., 1984. С. 8–10); Этот документ нередко публиковался в фальсифицированных копиях, что, очевидно, становилось поводом для отдельных исследователей отрицать существование меморандума как такового. Так, японский исследователь Такэси Томита в публикации в российском журнале «Вопросы истории» (2010. № 3) приходит к такому выводу на основе анализа текста меморандума Г. Танаки, датированного почему-то октябрём 1929 г., хотя первые публикации документа появились уже в сентябре 1927 г. в китайском журнале *China Weekly*. Ряд примеров публикации документа в фальсифицированных редакциях приводит и известный отечественный японист К. Е. Черевко, имеющий большой опыт работы с японскими официальными документами (см.: Черевко К. Е., Кириченко А. А. Указ. соч. С. 13–15); Подлинник меморандума был, видимо, уничтожен, как и множество других компрометирующих милитаристское руководство Японии документов, сразу после объявления рескрипта императора Хирохито от 14 августа 1945 г. о капитуляции, по крайней мере, еще до прихода войск союзников на Японские острова. Но его существование в достоверных копиях признано официальной японской военной историографией и рядом японских исследователей (In: *War in Asia and the Pacific, 1937–1949*. Vol. 13; *The Sino-Japanese and Chinese Civil Wars*. Part 1; *History of the Sino-Japanese War*. Vol. 1. P. 5; *Обата Д., Тоино Т.* и др. Нихонси (История Японии). Токио, 1967. С. 489; *Сёва гайко годзюэн / 50 лет дипломатии периода Сёва*. Токио, 1973. С. 28–29); Многие отечественные исследователи также не сомневаются в существовании меморандума Танаки (см.: *Кутаков Л.* Приход к власти правительства Г. Танаки // Япония. М., 1987. С. 90; *Кошкин А. А.* Крах стратегии «спелой хурмы»).

⁷¹ См.: Дайтоа сэно кокан сэн си (Официальная история войны в Великой Восточной Азии) (далее — Дайтоа сэно кокан сэн си): в 110 т. Токио, 1960–1980. Т. 8. Ч. 1. С. 138–139.

⁷² Цит. по: Вторая мировая война: взгляд из начала XXI века. Материалы в помощь лекторам. М., 2009. С. 33.

⁷³ In: *Being Review*. 1985. May 6.

⁷⁴ АВП. Д. 9. Оп. 29. Д. 59. Л. 16–17.

⁷⁵ См.: Милитаристы на скамье подсудимых. По материалам Токийского и Хабаровского процессов. М., 1985. Документы. С. 153.

⁷⁶ О боях у озера Хасан подробнее см.: *Зимонин В. П., Кузеленков В. Н., Логинов А. А., Нагаев И. М.* Герои Хасана. М., 2009. С. 57–113.

⁷⁷ См.: 1939 год: уроки истории. М., 1990. С. 294–296; *Кошкин А. А.* Россия и Япония: узлы противоречий. М., 2010. С. 170.

⁷⁸ См.: История Второй мировой войны 1939–1945: в 12 т. Т. 2. М., 1974. С. 40; Военно-исторический журнал. 1972. № 1. С. 116.

⁷⁹ *Glantz D.* Soviet Military Strategy vis a vis Japan (1921–1945) (An American Perspective) / Paper presented to IV-th Simposium on the Soviet-American Cooperation in World War II. New Brunswick (New Jersey), Rutgers Univ. October 1990. P. 9, 12, 14.

⁸⁰ *Triye A.* The Origins of the Second World War in Asia and the Pacific. L., N. Y., 1989. P. 19, 29–30.

⁸¹ *War in Asia and the Pacific, 1937–1949. A Fifteen Volume Collection / Ed. by Detwiler D. and Burdick Ch.* Vol. 2. Political Background of the War. Appendix № 1. Hirota Cabinet's National and Foreign Policies. N. Y., 1966. P. VII.

⁸² In: *W.* Japan-Soviet Misunderstanding // *Contemporary Japan*. 1936. Vol. V. № 3 (December). P. 424–428.

⁸³ См.: Дипломатический словарь. М., 1984. Т. 1. С. 89–90.

⁸⁴ Центр хранения историко-документальных коллекций. Ф. 451/п. Оп. 5. Д. 72. Л. 17.

⁸⁵ Милитаристы на скамье подсудимых. По материалам Токийского и Хабаровского процессов. Документы. С. 95, 157.

⁸⁶ См.: TSRS — Vokietija (СССР — Германия), 1939–1941. Сб. документов и материалов: в 2 т. Т. 1. Вильнюс, 1989. С. 15.

⁸⁷ Там же. С. 15, 21, 32–33, 39–40, 43–44.

⁸⁸ Там же. С. 52.

⁸⁹ *Городецкий Г.* Миф «Ледокола»: Накануне войны / Пер. с англ. М., 1995. С. 51.

⁹⁰ *Ширер У.* Взлет и падение Третьего рейха / Пер. с англ. М., 1991. Т. 1. С. 553.

⁹¹ TSRS — Vokietija (СССР — Германия), 1939–1941. Т. 1. С. 22, 28.

- ⁹² Мировые войны XX века. Кн. 4. С. 73; TSRS — Vokietija (СССР — Германия), 1939—1941. Т. 1. С. 33.
- ⁹³ TSRS — Vokietija (СССР — Германия), 1939—1941. Т. 1. С. 36.
- ⁹⁴ Там же. С. 65—66.
- ⁹⁵ *Glahtz D.* Soviet Military Strategy. P. 12—13.
- ⁹⁶ Там же. P. 19.
- ⁹⁷ The Far East Situation. Lecture Delivered 17 oktober 1939 by Mr. Joseph W. Ballantine at the Naval War College. Newport, R I. 3881—3281/10—18—39. P. 22, 25.
- ⁹⁸ Подробнее об этом см.: *Iriye A.* The Origins of the Second World War in Asia and the Pacific. P. 79—83; *Зимонин В. П.* Последний очаг Второй мировой. М., 2002. С. 51—64.
- ⁹⁹ *Inahara K.* The Russo-Japanese Newtrality Pact // Contemporary Japan. 1941. Vol. X. № 5 (May). P. 585—596.
- ¹⁰⁰ См.: Мацуока Ёсукэ — сонохитото сёгай (Ёсукэ Мацуока как личность и его жизнь). Токио, 1974. С. 842; *Черевко К. Е.* Серп и молот против самурайского меча. М., 2003. С. 121—122, 126, 129.
- ¹⁰¹ *Inahara K.* The Russo-Japanese Newtrality Pact // Contemporary Japan. 1941. Vol. X. № 5 (May). P. 585—596.
- ¹⁰² *Зимонин В. П.* Последний очаг Второй мировой. М., 2002. С. 23.
- ¹⁰³ См.: *Гольдберг Д. И.* Внешняя политика Японии (сентябрь 1939 — декабрь 1941 г.). М., 1959. С. 101; *Зимонин В. П.* Последний очаг Второй мировой. С. 24.
- ¹⁰⁴ Дайтоа сэнсо кокан сэн си. Т. 20. С. 368.
- ¹⁰⁵ Там же. С. 301, 321, 365—368; *Зимонин В. П.* Последний очаг Второй мировой. С. 24; *Гольдберг Д. И.* Внешняя политика Японии (сентябрь 1939 — декабрь 1941 г.). С. 152, 169.
- ¹⁰⁶ Цит по: История войны на Тихом океане / Пер. с япон.: в 5 т. Т. III. М., 1957—1958. С. 379—380.
- ¹⁰⁷ Нюрнбергский процесс. Сб. материалов: в 8 т. М., 1998. Т. 3. С. 538.
- ¹⁰⁸ *Hitler A.* Mein Kampf. Bd. 1—2. München, 1940. Bd. 2. S. 296—297.
- ¹⁰⁹ Там же. С. 297.
- ¹¹⁰ *Rauschnig H.* Hitlers Aim in War and Pease. L., 1940. P. 27.
- ¹¹¹ Dokumente zur deutschen Geschichte. 1933—1935. Berlin, 1977. S. 24.
- ¹¹² *Groscurth H.* Tagebücher eines Abwehroffiziers, 1938—1940. Stuttgart, 1970. S. 190; *Hassel U.* Von anderen Deutschland: Aus den nachgelassenen Tagebüchern, 1938—1944. Frankfurt a. M., 1964. S. 77.
- ¹¹³ IMT. Nuremberg, 1947—1949. Vol. 26. P. 379—382.
- ¹¹⁴ *Below N.* Als Hitlers Adjutant, 1937—1945. München, 1980. S. 192.
- ¹¹⁵ IMT. Vol. 26. P. 331.
- ¹¹⁶ Das Deutsche Reich und der Zweite Weitkrieg. Bd. 4. Der Angriff auf die Sowjetunion. Stuttgart, 1983. S. 9.
- ¹¹⁷ Auf antisowjetischem Kriegskurs. Studien zur militärischen Vorbereitung des deutschen Imperialismus auf die Aggression gegen die UdSSR. Berlin, 1970. S. 95.
- ¹¹⁸ *Проектор Д. М.* Агрессия и катастрофа. М., 1968. С. 142; Auf antisowjetischem Kriegskurs. S. 105.
- ¹¹⁹ Das Deutsche Reich und der Zweite Weitkrieg. Bd. 4. S. 215—216.
- ¹²⁰ Мировые войны XX века. Кн. 4. С. 124—127.
- ¹²¹ Fall Barbarossa: Dokumente zur Vorbereitung der faschistischen Wehrmacht auf die Agression gegen die Sowjetunion (1940/1941). Berlin, 1970. S. 208—209.
- ¹²² Deutschland im Zweiten Weitkrieg. Berlin, 1974. Bd. 1. S. 343.
- ¹²³ Там же. С. 533.
- ¹²⁴ Там же. С. 534.
- ¹²⁵ Великая Отечественная война 1941—1945. Военно-исторические очерки: в 4 кн. М., 1998. Кн. 1. С. 80.
- ¹²⁶ Мировые войны XX века. Кн. 3. С. 132.
- ¹²⁷ The National Archive of United States: A microfilm publication. Т. 20—337. P. 246156.
- ¹²⁸ IMT. Vol. 34. P. 609.
- ¹²⁹ Нюрнбергский процесс. Сб. материалов: в 8 т. Т. 3. С. 629.
- ¹³⁰ Там же. С. 640.
- ¹³¹ Цит. по: Россия и Германия. Вып. 2. М., 2001. С. 246.
- ¹³² Мировые войны XX века. Кн. 3. С. 105.

- ¹³³ Das Deutsche Reich und der Zweite Weltkrieg. Bd. 4. S. 897–898.
- ¹³⁴ Военно-исторический журнал. 1965. № 5. С. 89–92.
- ¹³⁵ Menger M. Deutschland und Finnland im Zweiten Weltkrieg. Berlin, 1988. S. 81.
- ¹³⁶ Мировые войны XX века. Кн. 3. С. 132.
- ¹³⁷ Preventivkrieg? Der deutsche Angriff auf die Sowjetunion. Hrg. von Pietrow-Ennker. Frankfurt a. M., 2000. S. 28.
- ¹³⁸ IMT. Vol. 26. P. 399–403.
- ¹³⁹ Groeler O. Geschichte des Luftkrieges 1913 bis 1970. Berlin, 1975. S. 295–296.
- ¹⁴⁰ Fall Barbarossa. S. 88–89.
- ¹⁴¹ Преступные цели гитлеровской Германии в войне против Советского Союза. М., 1987. С. 70.
- ¹⁴² Das Deutsche Reich und der Zweite Weltkrieg. Bd. 4. S. 426–440.
- ¹⁴³ Мировые войны XX века. Кн. 3. М., 2005. С. 492.
- ¹⁴⁴ Нюрнбергский процесс. Сб. материалов. Изд. 2-е, исп. и доп. Т. I–II. М., 1954. Т. II. С. 557.
- ¹⁴⁵ Цит. по: Пикер Г. Застольные разговоры Гитлера / Пер. с нем. М., Смоленск, 1993. С. 29.
- ¹⁴⁶ Там же. С. 397.
- ¹⁴⁷ Гальдер Ф. Военный дневник / Пер. с нем. М., 1969. Т. 2. С. 81.
- ¹⁴⁸ Военно-исторический журнал. 1960. № 1. С. 88.
- ¹⁴⁹ Мадайтчик Ч. Существует ли синхронность между «Генеральным планом Ост» и «окончательным решением еврейского вопроса»? // Вторая мировая война. Дискуссии. Основные тенденции. Результаты исследований. С. 671–674; Deutschland im Zweiten Weltkrieg. Bd. 2. S. 118.
- ¹⁵⁰ Пикер Г. Указ. соч. С. 36–37.
- ¹⁵¹ Там же.
- ¹⁵² Там же. С. 72.
- ¹⁵³ Там же. С. 74.
- ¹⁵⁴ Цит. по: Мировые войны XX века. Кн. 3. С. 397.
- ¹⁵⁵ Цит. по: Тоталитаризм в Европе XX века. Из истории идеологий, движений, режимов и их преодоления. М., 1996. С. 290–291.
- ¹⁵⁶ Там же.
- ¹⁵⁷ Фогт М. Откровения в ожидании победы // Вторая мировая война. Дискуссии. Основные тенденции. Результаты исследований. М., 1996. С. 503–513.
- ¹⁵⁸ Там же. С. 504, 510.
- ¹⁵⁹ Там же. С. 506.
- ¹⁶⁰ Там же. С. 505–506.
- ¹⁶¹ Гальдер Ф. Военный дневник. 22.06.1941–24.09.1942 / Пер. с нем. М., 2004. С. 92.
- ¹⁶² Фогт М. Указ. соч. С. 505.
- ¹⁶³ Там же.
- ¹⁶⁴ Мировые войны XX века. Кн. 4. М., 2005. С. 273.
- ¹⁶⁵ Фогт М. Указ. соч. С. 505.
- ¹⁶⁶ Пикер Г. Указ. соч. С. 96.
- ¹⁶⁷ Война Германии против Советского Союза. 1941–1945. Документальная экспозиция. Берлин, 2000. С. 16; Deutschland im Zweiten Weltkrieg. Berlin, 1975. Bd. 2. S. 120.
- ¹⁶⁸ Deutschland im Zweiten Weltkrieg. Bd. 2. S. 123.
- ¹⁶⁹ Семиряга М. И. Коллаборационизм: природа, типология и проявления в годы Второй мировой войны. М., 2000. С. 229–230.
- ¹⁷⁰ Там же. С. 231.
- ¹⁷¹ Подробнее см.: Ковалёв Б. Н. Нацистская оккупация и коллаборационизм в России 1941–1944. М., 2004.
- ¹⁷² Kriegstagebuch des Oberkommandos der Wehrmacht (Wehrmachtführungsstab), 1940–1945. Frankfurt a. M., 1965. Bd. 1. S. 258.
- ¹⁷³ Мюллер Н. Вермахт и оккупация (1941–1945) / Пер. с нем. М., 1974. С. 127.
- ¹⁷⁴ Deutschland im Zweiten Weltkrieg. Bd. 1. S. 554–559.
- ¹⁷⁵ Новые документы по новейшей истории. М., 1996. С. 133–137.

- ¹⁷⁶ Нюрнбергский процесс. Т. 3. С. 556.
- ¹⁷⁷ Deutschland im Zweiten Weltkrieg. Bd. 2. S. 120–122.
- ¹⁷⁸ См.: Вестник МГИМО — Университета. 2009. № 5 (8). С. 55.
- ¹⁷⁹ Deutschland im Zweiten Weltkrieg. Bd. 2. S. 118.
- ¹⁸⁰ Цит по: Нюрнбергский процесс. Т. II. С. 905.
- ¹⁸¹ Deutschland im Zweiten Weltkrieg. Bd. 2. S. 125.
- ¹⁸² Нюрнбергский процесс. Сб. материалов: в 8 т. М., 1997. Т. 7. С. 184.
- ¹⁸³ Ни давности, ни забвения: по материалам Нюрнбергского процесса. М., 1985. С. 371; Deutschland im Zweiten Weltkrieg. Bd. 2. S. 127.
- ¹⁸⁴ Тайны истории. Откровения и признания. Нацистская верхушка о войне «третьего рейха» против СССР. Секретные речи. Дневники. Воспоминания. М., 1996. С. 119.
- ¹⁸⁵ Великая Отечественная война 1941–1945. Военно-исторические очерки: в 4 кн. М., 1999. Кн. 4. С. 173.
- ¹⁸⁶ Нюрнбергский процесс. Сб. материалов: в 8 т. М., 1990. Т. 4. С. 206–207.
- ¹⁸⁷ Там же. С. 208–209.
- ¹⁸⁸ *Штрайт К.* Советские военнопленные — массовые депортации — принудительные рабочие / Пер. с нем. // Вторая мировая война. Дискуссии. Основные тенденции. Результаты исследований. М., 1996. С. 592.
- ¹⁸⁹ Там же. С. 593.
- ¹⁹⁰ Цит. по: *Семиряга М. И.* Коллаборационизм: природа, типология и проявления в годы Второй мировой войны. М., 2000. С. 456.
- ¹⁹¹ Die Tödliche Utopie: Bilder. Texte. Dokumente zum Dritten Reich. Hrsg. von H. Moller, V. Dahm und H. Mehring unter Mitarbeit von A. A. Feiber (далее — Die tödliche Utopie). München, 2001. S. 216.
- ¹⁹² *Штрайт К.* Указ. соч. С. 592; См.: Нюрнбергский процесс. Сб. материалов. Т. 4. С. 204–206.
- ¹⁹³ Там же. С. 592.
- ¹⁹⁴ Нюрнбергский процесс. Сб. материалов. Изд. 2-е, исп. и доп. М., 1954. Т. I. С. 429–433.
- ¹⁹⁵ Нюрнбергский процесс. Сб. материалов: в 7 т. М., 1958. Т. III. С. 238.
- ¹⁹⁶ Там же. С. 84.
- ¹⁹⁷ Deutschland im Zweiten Weltkrieg. Bd. 2. S. 247.
- ¹⁹⁸ Цит. по: Тоталитаризм в Европе XX века. Из истории идеологий, движений, режимов и их преодоления. М., 1996. С. 290–291.
- ¹⁹⁹ Отсканированные документы на немецком языке: gplanost.x-berg.de/gplanost.html.
- ²⁰⁰ Deutschland im Zweiten Weltkrieg. Bd. 2. S. 427.
- ²⁰¹ Там же. С. 428–429.
- ²⁰² *Мадайчик Ч.* Указ. соч. С. 674.
- ²⁰³ Вторая мировая война. Дискуссии. Основные тенденции. Результаты исследований. С. 674.
- ²⁰⁴ Известия ЦК КПСС. 1990. № 1. С. 200–202.
- ²⁰⁵ Советский Союз: накануне великих испытаний. М., 2004. С. 425.
- ²⁰⁶ Великая Отечественная война 1941–1945. Военно-исторические очерки. Кн. 1. С. 62.
- ²⁰⁷ Великая Отечественная война 1941–1945. Энциклопедия. М., 1985. С. 705.
- ²⁰⁸ *Шахурин А. И.* Крылья победы. М., 1990. С. 119.
- ²⁰⁹ История второй мировой войны 1939–1945: в 12 т. М., 1974. Т. 3. С. 884.
- ²¹⁰ Советский Союз: накануне великих испытаний. С. 423.
- ²¹¹ Промышленность СССР. Статистический сб. М., 1957. С. 164, 192, 205, 233, 256, 318.
- ²¹² *Мединский В.* Война. Мифы СССР. 1939–1945. М., 2011. С. 48.
- ²¹³ Там же.
- ²¹⁴ Вестник Архива Президента Российской Федерации. СССР — Германия. 1933–1941. М., 2009. С. 301–313, 318–319.
- ²¹⁵ Das Deutsche Reich und der Zweite Weltkrieg. Bd. 4. S. 106.
- ²¹⁶ Вестник Архива Президента Российской Федерации. С. 310–311.
- ²¹⁷ Das Deutsche Reich und der Zweite Weltkrieg. Bd. 4. S. 106.
- ²¹⁸ *Жуков Г. К.* Воспоминания и размышления: в 3 т. М., 1990. Т. 1. С. 359.

²¹⁹ В 1940 г. армия получила всего 81 118 пистолетов-пулеметов (при плане 100 тыс.) и 368 934 самозарядные винтовки вместо 711 тыс. по договору с промышленностью (Российский государственный военный архив (далее — РГВА). Ф. 20. Оп. 25. Д. 1774. Л. 56).

²²⁰ Центральный архив Министерства обороны РФ (далее — ЦАМО). Ф. 81. Оп. 12074. Д. 36. Л. 6–7. В вермахте насчитывалось 166,7 тыс. автоматов.

²²¹ РГВА. Ф. 40442. Оп. 2. Д. 117. Л. 99, 101.

²²² Там же. Ф. 31811. Оп. 12. Д. 1199. Л. 66.

²²³ ЦАМО. Ф. 32. Оп. 11309. Д. 15. Л. 12–13.

²²⁴ Там же. Ф. 10а. Оп. 373. Д. 12. Л. 47–81.

²²⁵ Государственный архив Российской Федерации (далее — ГАРФ). Ф. Совмина СССР. Оп. 25. Д. 191. Л. 2–3; Д. 199. Л. 4–5.

²²⁶ Подсчитано по: РГВА. Ф. 31811. Оп. 12. Д. 668. Л. 127; Д. 744. Л. 92; Д. 926. Л. 3; Д. 972. Л. 74–78; Д. 2299. Л. 70–73; ЦАМО. Ф. 38. Оп. 11353. Д. 924. Л. 135–138; Оп. 11373. Д. 67. Л. 159–160.

²²⁷ *Мединский В.* Война. Мифы СССР. 1939–1945. М., 2012. С. 46.

²²⁸ Перед нападением на СССР Германия имела всего одну кавалерийскую дивизию.

²²⁹ *Жуков Г. К.* Воспоминания и размышления: в 3 кн. М., 1990. Т. 2. С. 108.

²³⁰ ЦАМО. Ф. 35. Оп. 11304. Д. 13. Л. 48.

²³¹ *Мединский В.* Война. Мифы СССР. 1939–1945. С. 44–45.

²³² ЦАМО. Ф. 72. Оп. 12274. Д. 16. Л. 13.

²³³ Войска ПВО страны в Великой Отечественной войне 1941–1945. М., 1954. Т. 1. С. 79.

²³⁴ Центральный архив пограничных войск (далее — ЦАПВ). Ф. 14. Оп. 5. Д. 206. Л. 103.

²³⁵ Там же. Д. 3. Л. 25–28.

²³⁶ РГВА. Ф. 38650. Оп. 1. Д. 617. Л. 258.

²³⁷ Великая Отечественная война 1941–1945. Военно-исторические очерки. Кн. 1. С. 90.

²³⁸ Роль Военного совета при народном комиссаре обороны СССР, созданного в 1934 г., постепенно снижалась. На основании постановления СНК СССР от 6 ноября 1940 г. он был упразднен.

²³⁹ П. А. Смирнов, П. И. Смирнов-Светловский, М. Р. Шапошников и И. С. Мушнов были необоснованно репрессированы.

²⁴⁰ *Жуков Г. К.* Воспоминания и размышления. М., 1969. С. 238.

²⁴¹ ЦАМО. Ф. 81. Оп. 84959. Д. 183. Л. 31–39.

²⁴² Там же. Оп. 23042. Д. 78. Л. 38.

²⁴³ Там же. Ф. 41. Оп. 34880. Д. 3. Л. 2.

²⁴⁴ Там же.

²⁴⁵ Там же. Ф. 38. Оп. 11492. Д. 16. Л. 44; Ф. 38. Оп. 11373. Д. 67. Л. 159–160.

²⁴⁶ Подсчитано по: ЦАМО. Ф. 38. Оп. 11492. Д. 16. Л. 101.

²⁴⁷ К таким работам можно отнести: *Фрунзе М. В.* Единая военная доктрина и Красная Армия (1921); *Тухачевский М. Н.* Стратегия национальная и классовая (1920), Вопросы высшего командования (1924), Война (1926); *Каменев С. С.* Очередные военные задачи (1922); *Шапошников Б. М.* Мозг армии: в 3 т. (1927–1929); *Свечин А. А.* Стратегия (1923); *Верховский А. И.* Огонь, маневр, маскировка (1928); *Триандафиллов В. К.* Характер операций современных армий.

²⁴⁸ РГВА. Ф. 33885. Оп. 1. Д. 5. Л. 36.

²⁴⁹ *Жуков Г. К.* Воспоминания и размышления. М., 2002. Т. 1. С. 102.

²⁵⁰ *Василевский А. М.* Дело всей жизни. Изд. 6-е. М., 1988. Кн. 1. С. 68.

²⁵¹ *Конев И. С.* Записки командующего фронтом 1943–1945. Изд. 3-е. М., 1982. С. 552.

²⁵² *Мерецков К. А.* На службе народу. М., 1988. С. 108.

²⁵³ РГВА. Ф. 31983. Оп. 2. Д. 215. Л. 155.

²⁵⁴ *Захаров М. В.* Генеральный штаб в предвоенные годы. М., 1989. С. 101–102.

²⁵⁵ Советская военная энциклопедия: в 8 т. М., 1978. Т. 5. С. 121.

²⁵⁶ РГВА. Ф. 31983. Оп. 2. Д. 215. Л. 151–155.

²⁵⁷ Там же. Д. 230. Л. 5–7.

²⁵⁸ *Герасимов Г. И.* Действительное влияние репрессий 1937–1938 гг. на офицерский корпус РККА // Российский исторический журнал. 1999. № 1.

- ²⁵⁹ Военно-исторический журнал. 1990. № 2.
- ²⁶⁰ 1941 год: в 2 кн. М., 1998. Кн. 2. С. 605.
- ²⁶¹ Генеральские звания были введены указом Президиума Верховного совета СССР от 7 мая 1940 г.
- ²⁶² Русский архив. Великая Отечественная. Приказы народного комиссара обороны СССР 1937–1945: в 3 т. Т. 13 (2-1). М., 1994. С. 175.
- ²⁶³ Там же. Накануне войны: Материалы совещания высшего руководящего состава РККА 23–31 декабря 1940 г. М., 1993. Т. 12 (1). М., 1993. С. 145.
- ²⁶⁴ Новая и новейшая история. 1993. № 3. С. 44.
- ²⁶⁵ ЦАМО. Ф. 16а. Оп. 2951. Д. 239. Л. 198; См.: Новая и новейшая история. 1993. № 3. С. 32; Военно-исторический журнал. 1996. № 2–4.
- ²⁶⁶ Советский Союз: накануне великих испытаний. М., 2004. С. 555.
- ²⁶⁷ ЦАМО. Ф. 16а. Оп. 2951. Д. 239. Л. 6.
- ²⁶⁸ Там же.
- ²⁶⁹ Там же. Л. 14.
- ²⁷⁰ Россия XX век. Документы. 1941 год: в 2 кн. М., 1998. Кн. 1. С. 247–255.
- ²⁷¹ ЦАМО. Ф. 16а. Оп. 2951. Д. 241. Л. 6.
- ²⁷² Великая Отечественная война. 1941–1945. Военно-исторические очерки. Кн. 1. С. 118.
- ²⁷³ Жуков Г. К. Воспоминания и размышления. М., 1974. Т. 1. С. 230, 240.
- ²⁷⁴ Василевский А. М. Накануне 22 июня 1941 года (неопубликованное интервью Маршала Советского Союза А. М. Василевского от 20 августа 1965 г.) // Новая и новейшая история. 1994. № 6. С. 8.
- ²⁷⁵ Россия XX век. Документы. 1941 год. Кн. 1. С. 247.
- ²⁷⁶ См.: Военно-исторический журнал. 1996. № 3. С. 11; № 4. С. 8.
- ²⁷⁷ Там же. № 2. С. 9, 13.
- ²⁷⁸ Россия XX век. Документы. 1941 год. Кн. 2. С. 216; Горьков Ю. А. Кремль. Ставка. Генштаб. Тверь, 1995. С. 304.
- ²⁷⁹ Единожды солгав // Красная звезда. 1993. 20 февраля.
- ²⁸⁰ См.: Вишнев О. В. Почему медлил Сталин в 1941 г.? (из германских архивов) // Новая и новейшая история. 1992. № 1. С. 86–100; № 2. С. 70–96; ...Может быть, вопрос еще уладится мирным путем // Вторая мировая война. Актуальные проблемы. М., 1995. С. 39–53; Накануне 22 июня 1941 года. М., 2001.
- ²⁸¹ Жуков Г. К. Воспоминания и размышления. М., 1990. Т. 2. С. 29–30.
- ²⁸² Судоплатов П. А. Разные дни тайной войны и дипломатии. 1941 год. М., 2001. С. 216.
- ²⁸³ Жуков Г. К. Воспоминания и размышления. Т. 1. С. 324.
- ²⁸⁴ Исаев А. В. Антисуворов. Большая ложь маленького человечка. М., 2004. С. 11–20.
- ²⁸⁵ Гальдер Ф. Военный дневник / Пер. с нем. М., 1968. Т. 1. С. 133.
- ²⁸⁶ Там же. Т. 1. С. 38; Т. 2. С. 61.
- ²⁸⁷ Нюрнбергский процесс над главными немецкими военными преступниками. Сб. материалов: в 7 т. М., 1960. Т. 5. С. 569.
- ²⁸⁸ Военно-исторический журнал. 1997. № 4. С. 35.
- ²⁸⁹ Россия XX век. Документы. 1941 год. Кн. 1. С. 154, 231–233.
- ²⁹⁰ Там же. С. 575–577.
- ²⁹¹ Военно-исторический журнал. 1989. № 5. С. 32.
- ²⁹² Die Beziehungen zwischen Deutschland und der Sovietunion 1939 – 1941. S. 380–381.
- ²⁹³ Великая Отечественная война. 1941–1945. Военно-исторические очерки. Кн. 1. С. 108.
- ²⁹⁴ Великая Отечественная война. 1941–1945. Военно-исторические очерки. Кн. 1. С. 122–123; Боевой и численный состав Вооруженных сил СССР в период Великой Отечественной войны (1941–1945 гг.). М., 2001. С. 136–139. Учтены все самолеты ВВС Северного, Балтийского и Черноморского флотов, танки 5-го (16-я армия) и 21-го (22-я армия) механизированных корпусов. Не учтены 1,4 тыс. орудий береговой артиллерии названных флотов и 50-мм минометы, так как подобное вооружение не бралось в расчет при определении боевого и численного состава противника.